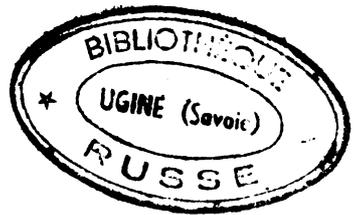

039

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Томъ ТРЕТІЙ.

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

1844.

Вильям

88686

JP

v. 3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Ноября 25-го дня, 1843 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Визанской Семинаріи Ректоръ

Архимандритъ Филовей.

С Л О В О 27,

ПРОТИВЪ ЕВНОМІАНЪ (а) И О ВОГОСЛОВІИ ПЕРВОЕ ИЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ.

Слово къ хитрымъ въ словѣ, и начну отъ Писанія: *се азъ на тя, горде* (Іер. 50, 31.), то-есть на ученость, и слухъ, и мысль! Ибо есть, дѣйстви-тельно есть люди, у которыхъ при нашихъ рѣчахъ чешутся и слухъ, и языкъ, а даже, какъ вижу, и руки, которымъ пріятны *скверныя суесловія и прекословія лжеименнаго разума*, и ни къ чему полезному не ведущія *словопренія* (1 Тим. 6, 4. 20.). Ибо Павелъ, проповѣдникъ и вводитель слова *сокращенна* (Рим. 9, 28.), учитель и ученикъ *рыбарей*, называетъ такъ все излишнее и изысканное въ словѣ. Хорошо, если бы тѣ, о комъ у насъ рѣчь, такъ же были нѣсколько искусны въ дѣятельномъ *любомудріи*, какъ оборотливъ у нихъ языкъ и спосо-

(а) Евноміане отрицали не только *единосущіе*, но и *подобосущіе* Бога Отца и Бога Сына. Сверхъ сего они учили, что можно совершенно постигнуть Бога умомъ *человѣческимъ*. Противъ сего послѣдняго *лжеученія* Евноміанъ направлено *настоящее слово*.

бенъ пріискивать благородныя и отборныя слова. Тогда мало, и вѣроятно меньше, чѣмъ нынѣ, стали бы они вдаваться въ нелѣпыя и странныя мудрованія и словами (о смѣшномъ дѣлѣ и выражусь смѣшно) играть, какъ шашками. Но, оставивъ все пути благочестія, они имѣютъ въ виду одно—задать или рѣшить какой-нибудь вопросъ, и походятъ на зрѣлищныхъ борцовъ, представляющихъ не тѣ борьбы, которыя ведутъ къ побѣдѣ по законамъ ратоборства, но тѣ, которыя привлекаютъ взоры не знающихъ дѣла и похищаютъ у нихъ одобреніе. И надобно же, чтобъ всякая площадь оглашалась ихъ рѣчами, чтобъ на всякомъ пиршествѣ наводили скуку пустословіе и безвкусіе, чтобъ всякой праздникъ дѣлался непраздничнымъ и полнымъ унынія, а при всякомъ сѣтованіи искали утѣшенія въ большемъ злѣ—въ предложеніи вопросовъ, чтобъ во всякомъ женскомъ теремѣ—этомъ убѣжищѣ простодушія—нарушалось спокойствіе и поспѣшностію въ словѣ похищаемъ былъ цвѣтъ стыдливости! А если дошло уже до этого, если зло стало неудержимо и невыносимо, даже есть опасность, что и великое наше таинство (б) обратятъ въ низкое ремесло: то пусть сіи соглядатаи окажутъ столько терпѣнія, чтобъ, когда отеческое сердце наше приходитъ въ волненіе, и чувства наши *терзаются*, какъ говоритъ божественный Іеремія (4, 19.), имъ безъ ожесточенія принять сіе о нихъ слово, и хотя нѣсколько, если только могутъ, удержавъ языкъ, преклонить

(б) Христіанскую Религію.

къ намъ слухъ. И безъ сомнѣнія, вы не потерпите ущербъ. Или буду говорить въ уши слышащихъ, и тогда слово принесетъ нѣкоторый плодъ, именно тотъ, что вы воспользуетесь словомъ, потому что, хотя сѣющій слово сѣетъ въ сердцахъ каждаго, однакоже плодоприноситъ одно доброе и плодотворное сердце. Или пойдете отъ меня, смѣясь и надъ симъ словомъ, находя въ немъ новый предметъ къ возраженіямъ и злословію на меня, что доставитъ вамъ еще большее удовольствіе. Не подивитесь же, если скажу слово, и оно будетъ не по вашему закону и странно для васъ, которые слишкомъ отважно и мужественно (боюсь оскорбить, сказавъ: невѣжественно и дерзко) утверждаете о себѣ, что знаете все и всему въ-состояніи научить.

Любомудрствовать о Богѣ можно не всякому, — да! не всякому. — Это пріобрѣтается не дешево и не пресмыкающимися по землѣ! Присовокуплю еще: можно любомудрствовать не всегда, не передъ всякимъ и не всего касаясь, но должно знать: когда, передъ кѣмъ, и сколько. Любомудрствовать о Богѣ можно не всѣмъ; потому что способны къ сему люди испытавшіе себя, которые провели жизнь въ созерцаніи, а прежде всего очистили, по крайней мѣрѣ очищаютъ, и душу и тѣло. Для нечистаго же, можетъ-быть, небезопасно и прикоснуться къ чистому, какъ для слабаго зрѣнія къ солнечному лучу. Когда же можно? — Когда бываемъ свободны отъ виѣшней тины (в) и мятежа, когда владычествен-

(в) Не порабощаемся плоти.

ное въ насъ (г) не сливается съ ^{нечеловѣческими} негодными и блуждающими образами, какъ красота племенъ перемѣшанныхъ съ племенами худыми, или какъ благоволеніе мура смѣшаннаго съ грязью. Ибо дѣйствительно нужно *упраздниться*, чтобъ *разумѣть* Бога (Пс. 45, 11.), и *егда приимемъ время, судить о правотѣ* Богословія (Пс. 74, 3).—Предъ кѣмъ же можно?—Предъ тѣми, которые занимаются симъ тщательно, а не наряду съ прочимъ толкуютъ съ удовольствіемъ и объ этомъ послѣ конскихъ ристаній, зрѣлищъ и пѣсней, по удовлетвореніи чреву и тому, что хуже чрева; ибо для послѣднихъ составляетъ часть забавы и то, чтобъ поспорить о такихъ предметахъ и отличиться тонкостію возраженій. О чемъ же должно любомудрствовать, и въ какой мѣрѣ?—О томъ, что доступно для насъ, и въ такой мѣрѣ, до какой простираются состояніе и способность разумѣнія въ слушатель. Иначе, какъ превышающіе мѣру звуки или яства вредятъ, одни слуху, другія тѣлу, или, если угодно, какъ тяжести не по силамъ вредны поднимающимъ, и сильные дожди—землѣ; такъ и слушатели утратятъ прежнія силы, если ихъ, скажу такъ, обременить и подавить грузомъ трудныхъ ученій.

И я не то говорю, будто бы не всегда должно памятовать о Богѣ (да не нападаютъ на насъ за это люди на все готовые и скорые!). Памятовать о Богѣ необходимѣе, нежели дышать; и, если можно такъ выразиться, кромѣ сего не должно и дѣлать ничего

(г) Умъ.

инаго. И я одинъ изъ одобряющихъ слово, которое повелѣваетъ *поучаться день и ночь* (Псал. 1, 2.), *вечеръ и зутра и полудне повѣдать* (Псал. 54, 18.), и *благословлять Господа на всякое время* (Псал. 33, 2.). А если нужно присовокупить и сказанное Моисеемъ; то *лежа, и востая, и идый путемъ* (Второз. 6, 7.), и исправляющій другія дѣла должень памятовать о Богѣ, и симъ памятованіемъ возводить себя къ чистотѣ. Такимъ образомъ запрещаю не памятовать о Богѣ, но богословствовать непрестанно; даже запрещаю не богословствованіе, какъ-бы оно было дѣломъ не благочестивымъ, но безвременность, и не преподаваніе ученія, но не соблюденіе мѣры. Медь, не смотря на то, что онъ медь, если принять въ излишествѣ и до пресыщенія, производитъ рвоту. И *время всякой вещи*, какъ разсуждаю съ Соломономъ (Екклез. 3, 1.). Даже прекрасное не прекрасно, если произведено внѣ порядка; какъ, на примѣръ, совершенно неприличны цвѣты зимою, мужскій нарядъ на женщинѣ и женскій—на мущинѣ, геометрія во время плача, и слезы на пиру. Ужели же ни во что будемъ ставить время единственно тамъ, гдѣ всего болѣе надобно уважать благовременность? — Нѣтъ, друзья и братія (все еще называю васъ братіями, хотя ведете себя и не побратски)! Не такъ будемъ разсуждать, не побѣжимъ далѣ цѣли, какъ горячіе и неудержимые кони, сбросивъ съ себя всадника—разумъ, и отринувъ добрую узду—благоговѣніе, но станемъ любомудрствовать, не выступая изъ назначенныхъ Христіанину предѣловъ, не будемъ переселяться въ Египеть, не дадимъ увлекать себя къ Ассиріа-

намъ , не воспоемъ *пѣснь Господню на земли чуждей* (Пс. 136, 4), то-есть въ слухъ всякому, и стороннему и нашему, и врагу и другу, и благонамѣренному и злонамѣренному, который чрезъ мѣру тщательно наблюдаетъ за нами, и желалъ бы, чтобы въ насъ каждая искра худаго обратилась въ пламя, самъ тайно ее возжигаетъ, раздуваетъ, воздымаетъ своимъ дыханіемъ къ небу, выше попяляющаго все окрестъ себя Вавилонскаго пламени. Поелику въ собственныхъ своихъ ученіяхъ не находятъ они для себя подкрѣпленія; то ищутъ его въ томъ, что слабо у насъ. А потому, какъ мухи на раны, нападаютъ на наши (какъ назвать это?) неудачи, или погрѣшности.

Но не будемъ долѣе оставаться въ невѣдѣніи о себѣ самихъ и не уважать приличія въ такихъ предметахъ. Напротивъ того, если невозможно истребить вражды, по крайней мѣрѣ согласимся въ томъ, чтобы о таинственномъ говорить таинственно, и о святомъ—свято. Предъ имѣющими оскверненный слухъ не станемъ повергать того, о чемъ не должно всѣмъ разглашать. Не попустимъ, чтобы въ сравненіи съ нами оказались достойными большаго почтенія поклоняющіеся бѣсамъ, служители срамныхъ басенъ и вещей; потому что и они скорѣе прольютъ кровь свою, нежели откроютъ ученіе свое непосвященнымъ. Будемъ знать, что есть нѣкоторое благоприличіе, какъ въ одеждѣ, пищѣ, смѣхѣ и походкѣ, такъ и въ словѣ и молчаніи; тѣмъ паче, что мы, кромѣ другихъ наименованій и силъ, чтимъ въ Богѣ и Слово.

Самыя состязанія да будутъ у насъ подчинены

законамъ. О рожденіи Бога, о сотвореніи, о Богѣ изъ не-сущихъ (д), о сѣченіи, дѣленіи и разрѣшеніи для чего слушать тому, кто слушаетъ сіе неприязненно? для чего обвинителей дѣлаемъ судіями? даемъ мечъ въ руки врагамъ? Какъ и съ какими, думаешь ты, понятіями приметъ слово о семъ тотъ, кто одобряетъ прелюбодѣянія и дѣторастлѣнія, кто поклоняется страстямъ и не можетъ ничего представить выше тѣлеснаго, кто вчера и за-день творилъ себѣ боговъ, боговъ отличающихся дѣлами самыми постыдными? Не съ понятіями ли (къ какимъ онъ привыкъ) грубыми, срамными, невѣжественными? И богословія твоего не сдѣлаетъ ли онъ поборникомъ собственныхъ своихъ боговъ и страстей? Если мы сами употребляемъ такія реченія во зло; то еще труднѣе убѣдить противниковъ нашихъ, чтобъ любу мудрствовали, какъ слѣдовало бы намъ. Если мы сами у себя *обрътатели злыхъ* (Рим. 1,30), то какъ имъ не коснуться того, что дѣйствительно въ насъ есть? Вотъ слѣдствія нашей междоусобной брани! Вотъ польза отъ подвизающихся за слово болѣе, нежели угодно Слову, и отъ подвергающихся одной участи съ лишенными ума, которые зажигаютъ собственный свой домъ, или терзаютъ дѣтей, или гонятъ отъ себя родителей, почитая ихъ чужими!

Но отлучивъ отъ слова чуждое, и многочисленный легіонъ, поступившій во глубину, пославъ въ стадо

(д) Аріане учили о Сынь Божіемъ, что было, когда Его не было, и что слѣдовательно Онъ сталъ изъ не сущаго сущимъ

свиней, обратимся къ себѣ самимъ (что составляетъ второй предметъ нашего слова), и какъ изваяніе изсѣчемъ богослова во всей красотѣ. Прежде же всего размыслимъ о томъ, что значитъ такое renovatione о словѣ и эта болѣзнь языка? что за новый недугъ? что за ненасытимость? для чего, связавъ руки, вооружили мы языкъ? Не хвалимъ ни страннолюбія, ни братолюбія, ни любви супружеской, ни дѣвства; не дивимся ни питанію нищихъ, ни псалмопѣнію, ни всенощному стоянію, ни слезамъ; не изнуряемъ тѣла постами, не преселяемся къ Богу молитвою, не подчиняемъ (какъ правильно разсуждающіе о своемъ составѣ) худшаго лучшему, то есть персти духу; не обращаемъ жизни въ помышленіе о смерти; помня о горнемъ благородствѣ, не удерживаемъ за собою владычества надъ страстями; не укрощаемъ въ себѣ ни ярости дѣлающей надменными и звѣрскими, ни унижающаго превозношенія, ни безразсудной скорби, ни необузданнаго сладострастія, ни блудническаго смѣха, ни наглаго взора, ни ненасытнаго слуха, ни неумѣренной говорливости, ни превратнаго образа мыслей, ни всего, что противъ насъ у насъ же самихъ беретъ лукавый, вводящій, какъ говоритъ Писаніе, *смерть сквозь окно* (Іер. 9,21), то-есть чрезъ чувства. У насъ все напротивъ. Какъ цари даруютъ пощаду послѣ побѣды, такъ мы даемъ свободу страстямъ другихъ, если только поблажаютъ намъ, и дерзостнѣе или нечестивѣе устремляются противъ Бога; и за недоброе воздаемъ худою наградою, за нечестіе — своевольствомъ.

Но *вопрошу ты мало, совопросникъ и вѣщій мужъ, ты же ми отвѣщай*, говоритъ Іову Вѣщав-

шій *сквозь бурю и облаки* (Иов. 38, 1—3). Что слышишь: много у Бога обителей, или одна? — Безъ сомнѣнія согласишься, что много, а не одна. Всѣ ли онѣ должны наполниться? или однѣ наполняются, а другія нѣтъ, но останутся пустыми, и приготовлены напрасно? — Конечно всѣ; потому что у Бога ничего не бываетъ напрасно. — Но можешь ли сказать, что разумѣешь подъ таковою обителію: тамошнее ли упокоеніе и славу уготованную блаженнымъ, или что другое? — Не другое что, а это. Но согласившись въ семь, рассмотримъ еще слѣдующее. Есть ли чтонибудь такое, какъ я полагаю, что доставляло бы намъ сіи обители; или нѣтъ ничего такого? — Непремѣнно есть нѣчто. Что же такое? — Есть разные роды жизни и избранія, и ведутъ къ той или другой обители по мѣрѣ вѣры, почему и называются у насъ путями. — И такъ всѣми ли путями, или нѣкоторыми изъ нихъ должно идти? — Если возможно, пусть одинъ идетъ всѣми. А если нѣтъ, то, сколько можетъ, большимъ числомъ путей. Если же и того нельзя; то нѣкоторыми. Но если и сіе невозможно, то примется въ уваженіе, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, когда кто-нибудь и однимъ пойдетъ преимущественно. Правильно разумѣешь сіе. Посему что же, по твоему мнѣнію, означается словомъ, когда слышишь, что путь одинъ и притомъ тѣсенъ? — Путь одинъ относительно къ добродѣтели: потому что и она одна, хотя и дѣлится на многіе виды. Тѣсенъ же онъ по причинѣ трудовъ, и потому что для многихъ непроходимъ, а именно для великаго числа противниковъ, для всѣхъ, которые идутъ путемъ порока. Такъ и я думаю. — Но если сіе

справедливо; то почему же, наилучшій, какъ будто уличивъ наше ученіе въ какой-то скудости, оставили вы всѣ прочіе пути, а стремитесь и поспѣшаете на этотъ одинъ путь, на путь, какъ вамъ представляется, разума и умозрѣнія, а какъ я скажу, — пустословія и мечтательности? Да вразумитъ васъ Павелъ, который, по исчисленіи дарованій, сильно упрекаетъ за сіе говоря: *еда вси апостоли? еда вси пророцы?* и такъ далѣе (1 Кор. 12,29.).

Положимъ, что ты высокъ, выше самыхъ высокихъ, а если угодно, выше и облаковъ; положимъ, что ты зритель незримаго, слышатель неизреченнаго, восхищенъ какъ Ілія, удостоенъ богоявленія какъ Моисей, небесенъ какъ Павелъ. Для чего же и другихъ, не больше какъ въ одинъ день, дѣлаешь святыми, производишь въ богословы, и какъ-бы вдыхаешь въ нихъ ученость, и составляешь многія сомнища неучившихся книжниковъ? Для чего опутываешь паутинными тканями тѣхъ, которые наиболѣе немощны, какъ будто это дѣло мудрое и великое? Для чего противъ вѣры возбуждаешь шершней? Для чего распложаешь противъ насъ состоятелей, какъ въ древности баснословіе — гигантовъ? Для чего, сколько есть между мужами легкомысленныхъ и недостойныхъ имени мужа, собравъ всѣхъ, какъ соръ въ одну яму, и своимъ ласкательствомъ сдѣлавъ ихъ еще женоподобнѣе, построилъ ты у себя новую рабочую, и не безъ разума извлекаешь для себя пользу изъ ихъ неразумія?

Ты возражаешь и противъ сего? У тебя нѣтъ другаго занятія? Языку твоему необходимо должно господствовать? Ты не можешь остановить болѣз-

ней рожденія и не разродиться словомъ? Но много есть для тебя другихъ обильныхъ предметовъ. На нихъ обрати съ пользою недугъ сей. Рази Пифагорово молчаніе, Орфеевы бобы, и эту надутую поговорку новыхъ временъ: *самъ сказалъ!* Рази Платоновы идеи, преселенія и круговращенія нашихъ душъ, припамятованіе и вовсе непрекрасную любовь къ душѣ ради прекраснаго тѣла; рази Епикурово безбожіе, его атомы и чуждое любомудрія удовольствіе; рази Аристотелевъ немногообъемлющій Промысль, въ одной искусственности состоящую самостоятельность вещей, смертныя сужденія о душѣ и человѣческой взглядъ на высшія ученія; рази надменность Стоиковъ, прозорство и шутовство Циниковъ. Рази пустоту и полноту, и тѣ бредни, какія есть о богахъ или жертвахъ, объ идолахъ, о демонахъ, благотворныхъ и злотворныхъ, какія разглашаются о прорицалищахъ, о вызываніи боговъ и душъ, о силѣ звѣздъ.

А если ты не удостоиваешь сіе и словомъ, какъ маловажное и многократно опровергнутое, хочешь заняться своимъ предметомъ, и въ немъ ищешь пищи любочестію; то и здѣсь укажу тебѣ широкіе пути. Любомудрствуй о мірѣ или мірахъ, о веществѣ, о душѣ, о разумныхъ—добрыхъ и злыхъ природахъ, о воскресеніи, судѣ, мздовоздаяніи, Христовыхъ страданіяхъ. Касательно этого и успѣтъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не бесполезно, и не получить успѣха не опасно. О Богѣ же будемъ разсуждать теперь не много, но въ скоромъ времени, можетъ-быть, совершеннѣе, о самомъ Христѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки, аминь.

С Л О В О 28,

О БОГОСЛОВІИ ВТОРОЕ.

Въ предъидущемъ словѣ очистили мы понятіе о Богословѣ, объяснивъ, каковъ онъ долженъ быть, предъ кѣмъ, когда и сколько любомудрствовать. А именно, ему должно быть, сколько можно, чистымъ, чтобъ свѣтъ пріемлемъ былъ свѣтомъ, любомудрствовать предъ людьми усердными, чтобы слово, падая на бесплодную землю, не оставалось бесплоднымъ, — любомудрствовать, когда внутри насъ тишина и не кружимся по внѣшнимъ предметамъ, чтобы не прерывалось дыханіе, какъ у всхлипывающихъ, — притомъ любомудрствовать, сколько сами постигаемъ и можемъ быть постигаемы. Послѣ же такихъ на сіе объясненій, когда мы *поновили себѣ поля* Божіи, чтобы *не спясть на терніи* (Іерем. 4, 3), и уравнили лице земли, сами образовавшись и другихъ образовавъ по образцу Писанія, приступимъ уже къ изложенію Богословія. Управитъ же словомъ представимъ Отцу и Сыну и Святому Духу, о Которыхъ у насъ слово, — Отцу, да благоволитъ о немъ, Сыну, да содѣйствуетъ ему, Духу, да вдохнетъ его; лучше же сказать, да будетъ на немъ единаго Божества еди-

ное озареніе, соединительно раздѣляемое, и раздѣлительно сочетаваемое, что и выше разумѣнія!

Но теперь, когда охотно восхожу на гору, или, справедливѣе сказать, желаю и вмѣстѣ боюсь (желаю по надеждѣ, боюсь по немощи) вступить внутрь облака и бесѣдовать съ Богомъ (ибо сіе повелѣваетъ Богъ), — теперь, кто изъ васъ Ааронъ, тотъ взойди со мною и стань вблизи, но будь доволенъ тѣмъ, что надобно ему остаться внѣ облака; а кто Надавъ, или Авіудъ, или одинъ изъ старѣйшинъ, тотъ взойди также, но стань издавеча, по достоинству своего очищенія: кто же принадлежитъ къ народу и къ числу недостойныхъ такой высоты и созерцанія, тотъ, если онъ не чистъ, вовсе не приступай (потому что сіе не безопасно), а если очищенъ на время, останься внизу, и внимай единому гласу и трубѣ, то-есть голымъ реченіямъ благочестія, на дымящуюся же и молніеносную гору взирай, какъ на угрозу и вмѣстѣ на чудо для неспособныхъ взойти: но кто злой и неукротимый звѣрь, вовсе не способенъ вмѣстить въ себѣ предлагаемаго въ умозрѣніи и Богословіи, тотъ не скрывайся въ лѣсу, съ тѣмъ злымъ умысломъ, чтобъ, напавъ нечаянно, уловить какой-нибудь догматъ или какое-нибудь слово, и своими хулами растерзать здравое ученіе, но стань еще дальше, отступи отъ горы; иначе онъ *каменіемъ побіенъ* и сокрушенъ *будетъ* (Евр. 12, 20.), *злый зль* погибнетъ (Матѣ. 21, 41.), потому что истинныя и твердыя ученія для звѣронравныхъ суть *камни*; — погибнетъ, хотя онъ *рысь*, которая умереть съ пестротами своими (Іер. 13, 23.); или *левъ*, *восхищай* и *рыкай* (Псал. 21, 14.), который ищетъ

Т. III.

2

или нашихъ душъ или нашихъ выражений, чтобы обратить ихъ себѣ въ пищу; или *свиня*, которая *попираетъ* прекрасные и блестящіе *бисеры* истины (Матѣ. 7, 6.); или *Аравійскій* и другой породы *волкъ*, даже волковъ *быстрѣе* въ своихъ лжеумствованіяхъ (Авв. 1, 8.); или лисица, то-есть хитрая и невѣрная душа, которая, смотря по времени и нуждѣ, принимаетъ на себя разные виды, питается мертвыми и смердящими тѣлами, также мелкимъ виноградомъ (потому что не достать ей крупнаго); или другое сыродное животное, запрещенное Закономъ, нечистое для пищи и употребленія! Ибо слово, устранивъ отъ таковыхъ, хочетъ быть начертаннымъ на скрижаляхъ твердыхъ и каменныхъ, и притомъ на обѣихъ сторонахъ скрижалей, по причинѣ открытаго и сокровеннаго смысла въ Законѣ, — открытаго, который нуженъ для многихъ и пребывающихъ долу, и сокровеннаго, который вынтенъ для немногихъ и простирающихся горѣ.

Но что со мною сдѣлалось, друзья, таинники и подобные мнѣ любители истины? Я шелъ съ тѣмъ, чтобы постигнуть Бога; съ этою мыслию отрѣшившись отъ вещества и вещественнаго, собравшись, сколько могъ, самъ въ себя, восходилъ я на гору. Но когда простеръ взоръ; едва увидѣлъ задняя Божія (Исх. 33, 22. 23.) и то покрытый *Камнемъ* (1 Кор. 10, 4.), то-есть воплотившимся ради насъ *Словомъ*. И приникнувъ нѣсколько, созерцаю не первое и чистое естество, познаваемое Имъ самимъ, то-есть самую Троицею; созерцаю не то, что пребываетъ внутри первой завѣсы и закрывается херувимами, но одно крайнее и къ намъ простирающее-

ся. А это, сколько знаю, есть то величіе, или, какъ называетъ божественный Давидъ, то *великолѣпіе* (Псал. 8, 2.), которое видимо въ тваряхъ, Богомъ и созданныхъ и управляемыхъ. Ибо все то есть *завѣщанная Божія*, что послѣ Бога доставляетъ намъ познаніе о Немъ, подобно тому, какъ отраженіе и изображеніе солнца въ водахъ показываетъ солнце слабымъ взорамъ, которые не могутъ смотрѣть на него, потому что живость свѣта поражаетъ чувство. Такъ богословствуй и ты, хотя будешь Моисеемъ и богомъ Фараону, хотя съ Павломъ взойдешь до *третьяго неба* и услышишь *неизреченны глаголы* (2 Кор 12, 4.), хотя станешь и ихъ выше, удостоившись Ангельскаго или Архангельскаго лика и чина! Ибо все небесное, а иное и пренебесное, хотя въ сравненіи съ нами гораздо выше естествомъ и ближе къ Богу, однакожъ дальше отстоятъ отъ Бога и отъ совершеннаго Его постиженія, нежели сколько выше нашего сложнаго, низкаго и долу тяготящаго состава.

Итакъ опять должно обратиться къ началу. «Уразумѣть Бога трудно, а изречь невозможно,» — такъ *любомудрствовалъ* одинъ изъ Еллинскихъ богослововъ (а), и думаю не безъ хитрой мысли; чтобъ почитали его постигшимъ, сказалъ онъ: *трудно*, и чтобъ избѣжать обличенія, наименовалъ сіе неизреченнымъ. Но какъ я разсуждаю, изречь невозможно, а уразумѣть еще болѣе невозможно. Ибо что постигнуто разумомъ, то имѣющему не вовсе повреж-

(а) Платонъ въ Тимеев.

денный слухъ и тупый умъ объяснить можетъ-быть и слово, если не вполне достаточно, то, по крайней мѣрѣ, слабо. Но объять мыслию столь великій предметъ совершенно не имѣють ни силъ ни средствъ, не только люди оцѣпенѣвшіе и преклоненные долу, но даже весьма возвышенные и боголюбивые, равно какъ и всякое рожденное естество, для котораго этотъ мракъ—эта грубая плоть, служить препятствіемъ къ уразумѣнію истины. Не знаю, возможно ли сіе природамъ высшимъ и духовнымъ, которыя, будучи ближе къ Богу и озаряясь всецѣлымъ свѣтомъ, можетъ-быть видятъ Его, если не вполне, то совершеннѣе и опредѣленнѣе насъ, и притомъ, по мѣрѣ своего чина, одни другихъ больше и меньше. Но объ этомъ не прострусь далѣе. Что же касается до насъ; то не только *миръ Божій превосходитъ всякъ умъ и разумніе* (Филип. 4, 7.), не только уготованнаго, по обѣтованіямъ (1 Кор. 2, 9. Иса. 64, 4.), для праведныхъ не могутъ ни очи видѣть, ни уши слышать, ни мысль представить; но даже едвали возможно намъ и точное познаніе твари. Ибо и здѣсь у тебя однѣ тѣни, въ чемъ увѣряетъ сказавшій: *узрю небеса, дѣла перстъ Твоихъ, луну и звѣзды* (Псал. 8, 4.) и постоянный въ нихъ законъ, ибо говоритъ не какъ видящій теперь, а какъ надѣющійся нѣкогда увидѣть. Но въ сравненіи съ тварями гораздо невѣстимѣе и непостижимѣе для ума то естество, которое выше ихъ, и отъ котораго онѣ произошли.

Непостижимымъ же называю не то, что Богъ существуетъ, но то, что Онъ такое. Ибо не тщетна проповѣдь наша, не суетна вѣра наша; и не о томъ

преподаемъ мы ученіе. Не обращай нашей искренности въ поводъ къ безбожію и къ клеветѣ, не превозносись надъ нами, которые сознаемся въ невѣдѣніи! Весьма большая разность — быть увѣрену въ бытіи чего-нибудь, и знать, что оно такое. Есть Богъ — творческая и содержительная причина всего; въ этомъ наши учителя — и зрѣніе (б), и естественный законъ, — зрѣніе, обращенное къ видимому, которое прекрасно утверждено и совершаетъ путь свой, или, скажу такъ, неподвижно движется и несется; — естественный законъ, отъ видимаго и благоустроеннаго умозаключающій о Началовождѣ онаго. Ибо вселенная какъ могла бы составиться и стоять, если бы не Богъ все осуществлялъ и содержалъ? Кто видитъ красиво отдѣланные гусли, ихъ превосходное устройство и расположеніе, или слышитъ самую игру на гусяхъ, тотъ ничего инаго не представляетъ, кромѣ сдѣлавшаго гусли или играющаго на нихъ, и къ нему восходитъ мыслию, хотя можетъ-быть и не знаетъ его лично. Такъ и для насъ явственна сила творческая, движущая и сохраняющая сотворенное, хотя и не постигается она мыслию. И тотъ крайне несмысленъ, кто, слѣдуя естественнымъ указаніямъ, не восходитъ до сего познанія самъ собою.

Впрочемъ не Богъ еще то, что мы представили себѣ подъ понятіемъ Бога, или чѣмъ мы Его изобразили, или чѣмъ описало Его слово. А если кто когда-нибудь и сколько-нибудь обнималъ Его умомъ;

(б) Внѣшній опытъ.

то чѣмъ сіе докажетъ? Кто достигалъ до послѣдняго предѣла мудрости? Кто удостоивался когда-нибудь толикаго дарованія? Кто до того отверзъ уста разумнія и привлекъ Духъ (Псал. 118, 131.), что, при содѣйствіи сего Духа, *все испытующаго* и *знающаго*, даже *глубины Божія* (1 Кор. 2, 10.), постигъ онъ Бога, и не нужно уже ему простираяться далѣе, потому что обладаетъ послѣднимъ изъ желаемыхъ, къ чему стремятся и вся жизнь и всѣ мысли высокаго ума? Но какое понятіе о Богѣ составишь ты, который ставишь себя выше всѣхъ Философовъ и Богослововъ и хвалишься безъ мѣры, если ты ввѣришься всякому пути умозрѣнія? Къ чему приведетъ тебя пытливый разумъ?

Назовешь ли Божество тѣломъ? Но какъ же назовешь безконечнымъ, не имѣющимъ ни предѣловъ ни очертанія, неосязаемымъ, незримымъ? Ужели таковы тѣла? Какая произвольность! естество тѣлъ не таково. Или Божество — тѣло, и вмѣстѣ не безконечно, не безпредѣльно, и проч., такъ что Оно ни въ чемъ не преимуществуетъ предъ нами? Какое грубое понятіе! Какъ же Божество досточтимо, если Оно имѣетъ очертаніе? Или какъ избѣжить Оно того, чтобы не слагаться изъ стихій, опять на нихъ не разлагаться и вовсе не разрушаться? Ибо сложность есть начало борьбы; борьба — раздѣленія; раздѣленіе — разрушенія; а разрушеніе совершенно не свойственно Богу и первому естеству. И такъ въ Немъ нѣтъ раздѣленія, иначе было бы разрушеніе; нѣтъ борьбы, иначе было бы раздѣленіе; нѣтъ сложности, иначе была бы борьба. Посему Божество не тѣло, иначе бы въ Немъ была сложность. На семь

останавливается слово, восходя отъ послѣдняго къ первому. Притомъ, Божіе свойство—все пронизать и все наполнять, по сказанному: *ѣда небо и землю не Азъ наполняю*, глаголетъ Господь (Иерем. 23, 24.), и еще: *Духъ Господень исполни вселенную* (Прем. Сол. 1, 7.),—какъ сохранится, если Богъ иное ограничиваетъ Собою, а инымъ Самъ ограничивается? Или будетъ Онъ пронизать ничѣмъ не наполненный міръ, и у насъ все уничтожится къ поруганію Бога, Который сдѣлается тѣломъ и утратить все Имъ сотворенное; или будетъ Онъ тѣломъ въ числѣ прочихъ тѣлъ, что невозможно; или взойдетъ какъ въ сопряженіе, такъ и въ противоположеніе съ тѣлами; или смѣшается съ ними, какъ жидкость, и иное будетъ дѣлать, а инымъ дѣлиться, что нелѣпѣе и бессмысленнѣе Эпикуровыхъ атомовъ; а такимъ образомъ распадется у насъ ученіе о тѣлесности Бога, и не будетъ имѣть ни плотности, ни связности.

Если же скажемъ, что Богъ есть тѣло невещественное, и притомъ, какъ думаютъ нѣкоторые, пятое и круговращающееся (пусть будетъ допущено и невещественное и пятое, а если угодно, даже безтѣлесное тѣло; такъ какъ у нихъ слова носятя и составляются произвольно, а у меня теперь споръ не объ этомъ): то къ какому роду движимыхъ и переносимыхъ будетъ принадлежать сіе тѣло? Не говорю, какъ оскорбительно предположеніе, будто бы Сотворившій съ сотвореннымъ и Носящій съ носимымъ движутся одинаково, если только они и сіе предполагаютъ. Но что же опять Его движетъ? Чѣмъ движется все? Чѣмъ приводится въ движеніе

и то, отъ чего все движется? А потомъ , что движеть и это самое?—и такъ далѣе до безконечности. Притомъ, какъ же Ему не заключаться необходимо въ мѣстѣ, если только есть оно нѣчто переносимое?

Но если скажутъ , что Богъ есть иное какое-нибудь тѣло, кромѣ пятого, хотя, напримѣръ, ангельское; то откуда извѣстно, что Ангелы тѣлесны, какія у нихъ тѣла, и чѣмъ выше Ангела будетъ Богъ, Которому служебенъ Ангель? А если тѣло высшее ангельскаго; то опять введется неисчислимый рой тѣлъ, и такая глубина пустословія, въ которой нигдѣ не лзя будетъ остановиться. Изъ сего видно, что Богъ не есть тѣло. Да сего не говорилъ и не допускалъ никто изъ мужей богодухновенныхъ; такое ученіе не нашего двора. А потому остается предположить, что Богъ не тѣлесенъ.

Но если не тѣлесенъ; то сіе не изображаетъ и не объемлетъ сущности , равно какъ не объемлютъ сущности слова: нерожденъ, безначаленъ, неизмѣняемъ, нетлѣненъ, и что еще сказается о Богѣ и о принадлежащемъ Богу. Ибо въ Немъ—Сущемъ выражаетъ ли естество и самостоятельность то, что Онъ не имѣетъ начала, не измѣняется, не ограничивается? Напротивъ того, кто имѣетъ истинно умъ Божій и усовершеннъ въ умозрѣніи, тому остается еще продолжать свои умствованія и изслѣдованія, и постигнуть все бытіе. Къ изображенію и изъясненію того или другаго изъ предметовъ твоего разсужденія не достаточно сказать: это тѣло или это рожденное; напротивъ, если хочешь совершенно и удовлетворительно опредѣлить мыслимое, то долженъ наименовать подлежащее сихъ сказуемыхъ (ибо сіе

тѣлесное и рожденное и тѣльное есть или челоуѣкъ, или волъ, или конь). Такъ и здѣсь, извѣдывающій естество Сущаго не остановится, сказавъ, чѣмъ Онъ не есть, а напротивъ къ тому, чѣмъ Онъ не есть, присовокупить и то, что Онъ есть (тѣмъ паче, что легче обнять умомъ что-нибудь одно, нежели отрицать по-одиначкѣ все); присовокупить, чтобъ чрезъ исключеніе того, чѣмъ не есть, и чрезъ положеніе того, что есть, мыслимое сдѣлалось удобопонятнымъ. А кто, сказавъ, чѣмъ не есть, умалчиваетъ о томъ, что есть, тотъ поступаетъ почти такъ же, какъ если бы на вопросъ: сколько составитъ дважды пять? отвѣчать: не составить ни двухъ, ни трехъ, ни четырехъ, ни пяти, ни двадцати, ни тридцати, короче же сказать, ни одного изъ числъ, заключающихся въ десяткѣ или въ десяткахъ, а между тѣмъ не сказать: это составитъ десять, то-есть не остановить мысли спрашивающаго на самомъ искомомъ. Ибо, какъ всякій ясно видитъ, гораздо легче и скорѣе посредствомъ того, что есть, объяснить о предметѣ и то, чѣмъ онъ не есть, нежели исключая то, чѣмъ онъ не есть, показать, что онъ есть.

Поелику же Божество у насъ не тѣлесно; то продолжимъ нѣсколько свое изслѣдованіе. Нигдѣ, или гдѣ-либо Богъ существуетъ? Ежели нигдѣ; то иный слишкомъ пытливый спросить: какъ же можетъ и существовать? Ибо какъ того, что не существуетъ, нигдѣ нѣтъ; такъ можетъ-быть и то, что нигдѣ, вовсе не существуетъ. А если Богъ гдѣ-нибудь, то потому уже, что существуетъ, безъ сомнѣнія Онъ или въ мірѣ, или выше міра. Но если въ мірѣ; то или въ чемъ-нибудь, или повсюду. И если въ

чемъ-нибудь; то будетъ ограничиваться малымъ чѣмъ-нибудь. Если же повсюду; то болѣе, нежели чѣмъ-нибудь, а и инымъ многимъ, то-есть какъ содержимое содержащимъ, такъ что весь Богъ всѣмъ міромъ будетъ ограничиваться, и ни одно въ Немъ мѣсто не останется свободнымъ отъ ограниченія. Таковы затрудненія, если Богъ въ мірѣ! И еще вопросъ: гдѣ Онъ былъ прежде, нежели произошелъ міръ? А и это затруднить также не мало. Если же Богъ выше міра; то ужели нѣтъ ничего, что отдѣляло бы его отъ міра? Гдѣ это нѣчто высшее міра? Какъ представить себѣ превышающее и превышаемое, если нѣтъ предѣла, который бы раздѣлялъ и разграничивалъ то и другое? Или необходимо должна быть среда, которою бы ограничивался міръ и то, что выше міра? А это что же иное, какъ не мѣсто, котораго мы избѣгали? Не говорю еще о томъ, что Божество необходимо будетъ ограничено, если Оно постигнется мыслию. Ибо и понятіе есть видъ ограниченія.

Для чего же я разсуждалъ о семъ, можетъ-быть, излишнѣе, нежели сколько нужно слышать народу, и держась нынѣ утвердившагося образа рѣчи, въ которомъ отринута благородное и простое, а введено запутанное и загадачное, чтобы дерево можно было узнать по плодамъ, то-есть по темнотѣ реченій—ту тьму, которая внушаетъ подобныя ученія? Не съ намѣреніемъ подать о себѣ мысль, будто бы говорю необычайное и *преизобиленъ* мудростію, связуя *соузы* и *разрѣшая сокровенная*, что составляло великое чудо въ Даніилѣ (Дан. 5, 12.), но желая объяснить то самое, что сказать

предполагалось словомъ моимъ въ началѣ. Что же именно? То, что Божество непостижимо для человѣческой мысли, и мы не можемъ представить Его во всей полнотѣ.

И Оно пребываетъ непостижимымъ не по зависти. Ибо зависть далека отъ Божія естества, безстрастнаго, единого благаго и господственнаго, особливо зависть къ твари, которая для Бога драгоценнѣе другихъ, потому что для Слова что предпочтительнѣе словесныхъ тварей? Притомъ и самое сотвореніе наше есть верхъ благодати. А также причиною сему не собственная честь и слава Того, Кто исполненъ (Иса. 1, 11.), какъ будто бы непостижимость можетъ придать Ему досточтимости и величія. Ибо пролагать себѣ путь къ первенству тѣмъ, чтобы препятствовать другимъ до него достигнуть, свойственно одному софисту, чуждо же не только Богу, но и человѣку сколько-нибудь благонаправному. Но ежели есть на сіе другія причины, то можетъ-быть знаютъ ихъ наиболѣе приближенные къ Богу, прозирающіе и углубляющіеся умомъ въ неизслѣдимыя судьбы Его, если только найдутся люди, до такой степени преуспѣвшіе въ добродѣтели и, по сказанному, *ходящіе въ слѣдахъ бездны* (Иов. 38, 16.). Сколько же можемъ постигать мы, которые не удобосозерцаемое измѣряемъ малыми мѣрами, сіе нужно можетъ-быть для того, чтобъ удобство пріобрѣтенія не дѣлало удобною и потерю пріобрѣтеннаго. Ибо обыкновенно, какъ съ трудомъ пріобрѣтенное легче у себя удерживаемъ, такъ удобно-пріобрѣтенное всего скорѣе презираемъ, по самой возможности пріобрѣсть снова. А потому имѣющіе умъ

почитають благодѣяніемъ самую трудность получить благодѣяніе. Можетъ-быть нужно сіе и для того, чтобы не потерпѣть намъ одной участи съ падшимъ денницею, чтобы, пріавъ въ себя всецѣлый свѣтъ, не ожесточить выи предъ Господемъ Вседержителемъ (Іов 15, 25.) и не пасть отъ превозношенія самымъ жалкимъ паденіемъ. А можетъ-быть нужно и для того, чтобы здѣсь очистившимся и терпѣливо ожидавшимъ исполненія желаемаго и тамъ оставалось нѣчто въ награду за трудолюбіе и свѣтлую жизнь. Посему-то между нами и Богомъ стоитъ сія тѣлесная мгла, какъ древле облако между Египтянами и Евреями. И сіе-то значитъ можетъ-быть: *положи тьму закровъ свой* (Псал. 17, 19.), то-есть нашу дебелость, чрезъ которую прозрѣваютъ не многіе и не много.

Но кто озабоченъ симъ, то[†]мъ пусть и любомудрствуетъ, пусть и восходитъ на верхъ размышленія. А намъ *узникамъ земнымъ*, какъ говоритъ божественный Іеремія (Пл. Іер. 3, 34.), намъ, покрытымъ этою грубою плотію, извѣстно то, что какъ не возможно обогнать свою тѣнь, сколько бы кто ни спѣшилъ, потому что она на-столько же подается вверхъ, на-сколько бываетъ захвачена, или какъ зрѣніе не можетъ сблизиться съ зримыми предметами безъ посредства свѣта и воздуха, или какъ породы плавающихъ въ водѣ не могутъ жить внѣ воды, такъ и находящемуся въ тѣлѣ нѣтъ никакой возможности быть въ общеніи съ умосозерцаемымъ безъ посредства чего-либо тѣлеснаго. Ибо всегда привзойдетъ что-нибудь наше, сколько бы ни усиливался умъ прилѣпиться къ сродному и невиди-

мому, какъ можно болѣе отрѣшаясь отъ видимаго и уединяясь самъ въ себя. И сіе увидимъ изъ слѣдующаго. Духъ, огонь, свѣтъ, любовь, мудрость, умъ, слово и подобное сему, — не наименованія ли перваго естества? И чтожь? представляешь ли ты себѣ или духъ безъ движенія и разліянія, или огонь не въ веществѣ, безъ движенія вверхъ, безъ свойственнаго ему цвѣта и очертанія, или свѣтъ не въ смѣшеніи съ воздухомъ, отдѣльно отъ того, что его какъ-бы раждаетъ, то-есть, что свѣтитъ? А какимъ представляешь умъ? не пребывающимъ ли въ чемъ-то другомъ? И мысли покоющіяся или обнаруживающіяся, по твоему мнѣнію, не движенія ли? Представляешь ли какое слово кромѣ безмолвствующаго въ насъ или изливаемаго (помедлю говорить, исчезающаго)? Да и мудрость, въ твоёмъ понятіи, что кромѣ навыка разсуждать о предметахъ Божественныхъ или человѣческихъ? А также правда и любовь — не похвальныя ли расположенія, которыя противоборствуютъ — одно неправдѣ, а другое ненависти, и какъ сами бывають напряженіе и слабѣе, возникаютъ и прекращаются, такъ подобными и насъ дѣлають, и измѣняютъ, производя въ насъ то же, что краски въ тѣлахъ? Или надобно разсматривать Божество, сколько возможно, Само въ Себѣ, отступившись отъ сихъ образовъ и собравъ изъ нихъ какое-то единственное представленіе? Но что жъ это за построеніе ума, которое изъ сихъ образовъ собрано, и не то, что они? Или какъ единое, по естеству своему не сложное и не изображимое, будетъ заключать въ себѣ всѣ сіи образы, и каждый совершенно? Такъ трудно уму нашему

выйдти изъ круга тѣлесности, доколѣ онъ, при немощи своей, разсматриваетъ то, что превышаетъ его силы!

Поелику всякая разумная природа, хотя стремится къ Богу и къ первой причинѣ, однакоже не можетъ постигнуть ее, по изъясненному мною; то истаявая желаніемъ, находясь какъ-бы въ предсмертныхъ мукахъ, и не терпя сихъ мученій, пускается она въ новое плаваніе, чтобъ или обратитъ взоръ на видимое, и изъ этого сдѣлать что-нибудь богомъ (по худому впрочемъ расчету; ибо что видимое выше и богоподобнѣе видящаго, и притомъ въ такой мѣрѣ, чтобъ видящій поклонялся, а видимое принимало поклоненіе?), или изъ красоты и благоустройства видимаго познать Бога, употребить зрѣніе руководителемъ къ незримому, но въ великолѣпнѣи видимаго не потерять изъ виду Бога.

Отъ-сего-то стали поклоняться, кто солнцу, кто лунѣ, кто множеству звѣздъ, кто самому небу вмѣстѣ съ свѣтилами, которымъ дали править въ мірѣ и качествомъ и количествомъ движенія; а кто стихіямъ: землѣ, водѣ, воздуху, огню, такъ какъ онѣ для всего необходимы, и безъ нихъ не можетъ длиться жизнь человѣческая; иные же—что кому встрѣтилось въ ряду видимыхъ вещей, признавая богомъ все представлявшееся для нихъ прекраснымъ. Нѣкоторые стали поклоняться даже живописнымъ изображеніямъ и изваяніямъ, сперва родныхъ, — и это были люди безъ мѣры предавшіеся горести и чувственности и желавшіе памятниками почтить умершихъ; а потомъ и чужихъ, — и это сдѣлали потомки первыхъ, отдаленные отъ нихъ временемъ, сдѣлали по

тому, что они не знали первого естества, и чествованіе, дошедшее до нихъ по преданію, стало какъ-бы законнымъ и необходимымъ, когда обычай, утвержденный временемъ, обратился въ законъ. Но думаю, что иные, желая угодить властителямъ, прославить силу, изъявить удивленіе красотъ, чтимаго ими сдѣлали со-временемъ богомъ, а въ содѣйствіе оболъщенію присоединялась какая-нибудь баснь. Тѣ же изъ нихъ, которые были болѣе преданы страстямъ, признали богами страсти, или какъ боговъ стали чествовать гнѣвъ, убійство, похотливость, пьянство, а не знаю, можетъ-быть и еще что-нибудь къ сему близкое; потому что въ этомъ находили (конечно не доброе и не справедливое) оправданіе собственныхъ грѣховъ. И однихъ боговъ оставили на землѣ, другихъ (что одно и благоразумно) скрыли подъ землю, а иныхъ (смѣшный раздѣлъ!) возвели на небо. Потомъ, подчинившись своеволію и прихотямъ блуждающаго воображенія, нарекли каждому вымыслу имя какого-нибудь бога или демона, и воздвигнувъ кумиры, которые приманивали къ себѣ своею многоцѣнностію, узаконили чествовать ихъ кровью и туками, а иные даже самыми гнусными дѣлами, сумазбродствами и челоуѣкоубійствомъ. Ибо такимъ богамъ приличны были такія и почести! Даже позорили себя и тѣмъ, что воздавали Божию славу морскимъ чудовищамъ, четвероногимъ, пресмыкающимся, тому, что въ сихъ породахъ наиболѣе гнусно и смѣшно, такъ что трудно опредѣлить, поклонявшіеся ли достойны большаго презрѣнія, или то, чему поклонялись. Но болѣе вѣроятно, что презрѣннѣе служители такихъ боговъ, и еще тѣмъ въ

вышей степени, что, будучи по природѣ разумны и получивъ Божію благодать, лучшему предпочли они худшее. И это — одно изъ ухищреній лукаваго, который самое добро обратилъ въ зло, какъ есть много и другихъ примѣровъ его злоторности. Онъ, чтобы привлечь людей подъ власть свою, воспользовался ихъ невѣрно направленнымъ стремленіемъ найти Бога, и обманувъ въ желаемомъ, вода какъ слѣпца ищущаго себѣ пути, разсѣялъ ихъ по разнымъ стремнинамъ и низринулъ въ одну бездну смерти и гибели.

Такъ было съ ними; но нашъ руководитель разумъ. И поелику мы, хотя также ищемъ Бога, впрочемъ не допускаемъ, чтобы могло что-либо быть безъ вождя и правителя: то разумъ, разсмотрѣвъ видимое, обозрѣвъ все, что было отъ начала, не останавливается на семъ. Ибо нѣтъ основанія присвоить владычество тому, что по свидѣтельству чувствъ равночестно. А посему чрезъ видимое ведетъ онъ къ тому, что выше видимаго и что даетъ видимому бытіе. Ибо чѣмъ приведены въ устройство небесное и земное, заключающееся въ воздухъ и подъ водою, лучше же сказать, то, что и сего первоначальнѣе, — небо, земля, воздухъ и водное естество? Кто смѣшалъ и раздѣлилъ это? Кто содержитъ во взаимномъ общеніи, сродствѣ и согласіи (хваля сказавшаго это, хотя онъ и не нашъ!)? Кто привелъ сіе въ движеніе, и ведетъ въ непрерывномъ и безпрепятственномъ теченіи? Не художникъ ли всего, не тотъ ли, кто во все вложилъ законъ, по которому все движется и управляется? Кто же художникъ сего? Не тотъ ли, кто сотворилъ и привелъ въ бытіе? Ибо не случаю должно

приписывать такую силу. Положимъ, что бытіе ^у отъ случая; отъ кого же порядокъ? Если угодно, и то уступимъ случаю; кто же блюдетъ и сохраняетъ тѣ законы, по которымъ произошло все первоначально? Другой ли кто, или случай? Конечно другой, а не случай. Кто же сей другой, кромѣ Бога? Такъ отъ видимаго возвелъ насъ къ Богу благодарованный и всѣмъ врожденный разумъ—сей первоначальный въ насъ и всѣмъ данный законъ!

Повторимъ же сказанное сначала. Бога, что Онъ по естеству и сущности, никто изъ людей никогда не находилъ и конечно не найдетъ. А если и найдетъ когда-нибудь; то пусть разыскиваютъ и любознательствуютъ о семъ желающіе. Найдеть же, какъ я разсуждаю, когда сіе богоподобное и божественное, то-есть нашъ умъ и наше слово, соединится съ сроднымъ себѣ, когда образъ взойдетъ къ Первообразу, къ Которому теперь стремится. И сіе, какъ думаю, выражается въ томъ весьма любознательномъ ученіи, по которому познаемъ нѣкогда, сколько сами познаны (1 Кор. 13, 12.). А что въ нынѣшней жизни достигаетъ до насъ, есть тонкая струя и какъ-бы малый отблескъ великаго свѣта.

Посему, если кто позналъ Бога, и засвидѣтельствовано, что онъ позналъ; то познание сіе приписывается ему въ томъ отношеніи, что, сравнительно съ другимъ, не столько просвѣщеннымъ, оказался онъ участникомъ большаго свѣта. И такое превосходство признано совершеннымъ, не какъ дѣйствительно совершенное, но какъ измѣряемое силами ближняго. Посему. *Еносъ упова призываети Господа* (Быт. 4, 26); и заслугу его составляло упо-
Т. III. 3

ваніе, и упованіе не касательно вѣдѣнія, но призыванія. Енохъ же *преложенъ* (Быт. 5, 24); но постигъ ли естество Божіе, или имѣлъ еще постигнуть, — сіе неизвѣстно. И въ Ноѣ, которому вѣрено было — цѣлый міръ, или сѣмена міра, спасти отъ водъ малымъ дровомъ, избѣгающимъ потопленія, одно преимущество — богоугодность (Быт. 6, 5.). И великій Патріархъ Авраамъ, хотя оправдался вѣрою и принесъ необычайную жертву — образъ великой Жертвы, однакоже Бога видѣлъ не какъ Бога, но питалъ какъ человѣка, и похваленъ какъ почтившій, сколько постигалъ. Іаковъ видѣлъ во снѣ высокую лѣствицу и восхожденіе Ангеловъ; онъ таинственно помазуетъ столпъ (можетъ-быть назнаменуя помазанный за насъ Камень), даетъ мѣсту, въ честь Явившагося на немъ, наименованіе: *домъ Божій* (Быт. 28, 17.), борется съ Богомъ какъ съ человѣкомъ (дѣйствительная ли эта борьба у Бога съ человѣкомъ, или ею означается, можетъ-быть, приравненіе человѣческой добродѣтели къ Богу), носить на тѣлѣ знаменія борьбы, показывающія, что сотворенное естество уступило побѣду, и въ награду за благочестіе получаетъ измѣненіе въ имени, изъ Іакова переименованъ Израилемъ (подлинно великое и досточестное имя!); но ни онъ, ни другой кто изъ двѣнадцати колѣнъ, которымъ онъ былъ отцемъ, хотя бы стоялъ выше самого Іакова, доселѣ не похвалился, что всецѣло объялъ естество Божіе, или зракъ Божій. И Ілїи не вѣтръ крѣпкій, не огонь, не трусь, какъ знаемъ изъ исторіи (3 Цар. 19, 12.), но небольшая прохлада была знаменіемъ Божія присутствія, и только присутствія, а не есте-

ства. Какому же Илиі? Котораго огненная колесница возноситъ къ небу, означая симъ въ праведникѣ нѣчто превыше-человѣческое. Не удивительны ли для тебя — сперва судія Маное, а потомъ ученикъ Петръ? Но одинъ не выноситъ лицезрѣнія явившагося ему Бога и говоритъ: погibli мы, жена, потому что видѣли Бога (Суд. 13, 22), чѣмъ показываетъ, что для человѣка невмѣстимо Божіе даже явленіе, не только естество; а Петръ не пускалъ въ корабль явившагося Христа, и отсылалъ отъ себя (Лук. 5, 3—8.), хотя былъ горячѣе другихъ въ познаніи Христа, за что наименованъ блаженнымъ и удостоенъ важнѣйшихъ порученій (Матѳ. 16, 16—19). Чтò скажемъ объ Исаи, объ Іезекіилѣ, зритель самыхъ великихъ таинъ, и о прочихъ Пророкахъ? Одинъ изъ нихъ видѣлъ Господа Саваоѳа, сѣдѣщаго на престолѣ славы, окруженнаго, славимаго и закрываемаго шестокрылатыми Серафимами, видѣлъ, какъ его самого очищали углемъ и предуготовляли къ пророчеству (Ис. 6, 1—7.). Другіи описываютъ колесницу Божію—Херувимовъ, и надъ ними престолъ, и надъ престоломъ твердь, и на тверди Явившагося, а также какіе-то гласы, движенія и дѣйствія (Іезек. 1, 22—27.); и не умѣю сказать, было ли это дневное явленіе, удобосозерцаемое одними святыми, или ночное нелживое видѣніе, или представленіе владычественнаго въ насъ, которымъ и будущее объемлетъ, какъ настоящее, или другой неизъяснимый видъ пророчества—сіе извѣстно только Богу Пророковъ и причастникамъ подобныхъ вдохновеній. По крайней мѣрѣ ни тѣ, о которыхъ у насъ слово, ни кто другой послѣ нихъ, не

были, по Писанію, въ *совѣтъ* (в) и сущности *Господни* (Іер. 23, 18): никто не видѣлъ и не повѣдалъ естества Божія. Если бы Павелъ могъ выразить, что заключало въ себѣ третіе небо и шестіе къ оному (или постепенное восхожденіе, или мгновенное восхищеніе); то можетъ-быть узнали бы мы о Богѣ нѣсколько больше (если только сего касалась тайна Павлова восхищенія). Но поелику сіе было неизреченно; то и мы почтимъ молчаніемъ; слушаемъ же самого Павла, который говоритъ: *отъ части разумѣваемъ и отъ части пророчествуемъ* (1 Кор. 13, 9.). Такъ и подобно сему сознается тотъ, кто *не невѣжда разумомъ* (2 Кор. 11, 6), кто угрожаетъ представить доказательство, что говоритъ въ немъ Христось (2 Кор. 13, 3); такъ сознается великій поборникъ и учитель истины. А потому все дальнее знаніе, какъ простирающееся не далѣе малыхъ подобій истины, ставить онъ не выше зеркалъ и гаданій (1 Кор. 13, 12.). А если бы не опасался я подать инымъ о себѣ мысль, что до излишества и безъ нужды занимаюсь такими изслѣдованіями; то сказалъ бы: о семъ же самомъ, а не объ иномъ чемъ можетъ-быть сказано: *не можете носити нынѣ* (Іоан. 16, 12.), чѣмъ само Слово давало разумѣть, что со-временемъ возможемъ понести и уяснить себѣ это. И сіе же самое Іоаннъ, Предтеча Слова, великій гласъ истины, призналъ невозможнымъ *самому міру вмѣстити* (Іоан. 21, 25.).

(в) По-гречески *ἐν ἐπιόχητι*, т. е. почти тоже, что въ сущности.

Итакъ всякая истина и всякое слово для насъ недомыслимы и темны. Мы какъ-бы строимъ огромныя зданія малымъ орудіемъ, когда человѣческою мудростію уловляемъ вѣдѣніе сущаго, когда къ предметамъ мысленнымъ приступаемъ съ звоими чувствами или не безъ чувствъ, которыя заставляютъ насъ кружиться и блуждать, и не можемъ, неприкровеннымъ умомъ касаясь неприкровенныхъ предметовъ, подойти сколько-нибудь ближе къ истинѣ и напечатлѣть въ умѣ чистыя его представленія. А слово о Богѣ, чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ непостижимѣе; ведетъ къ большому числу возраженій и самыхъ трудныхъ рѣшеній. Ибо всякое препятствіе, и самое маловажное, останавливаетъ и затрудняетъ ходъ ума, и не даетъ ему стремиться впередъ, подобно тому какъ браздами вдругъ сдерживаютъ несущихся коней, и внезапнымъ ихъ потрясеніемъ сворачиваютъ въ сторону. Такъ Соломонъ, который до избытка былъ умудренъ паче всѣхъ, и до него жившихъ и ему современныхъ, получилъ въ даръ отъ Бога *широту сердца* и полноту созерцанія обильнѣе песка (3 Цар. 4, 29.), чѣмъ болѣе погружается въ глубины, тѣмъ болѣе чувствуетъ круженія, и почти концемъ мудрости поставляетъ найдти, сколько она удалась отъ него (Еккл. 7, 24.). А Павелъ покушается, правда, изслѣдовать, не говорю естество Божіе (онъ зналъ, что сіе совершенно не возможно), а только судьбы Божіи; но поелику не находитъ конца и отдохновенія въ восхожденіи, поелику любовѣдѣніе ума не достигаетъ явно окончательнаго предѣла, а всегда остается для него нѣчто еще не извѣданное, то (чудное дѣло! о, если

бы и со мною было тоже!) заключаетъ рѣчь изумленіемъ, именуетъ все подобное *богатствомъ* Божіимъ и *глубиною* (Рим. 11, 33.), и исповѣдуетъ непостижимость *судебъ* Божіихъ, выражаясь почти такъ же какъ и Давидъ, когда онъ то называетъ *судьбы* Божіи *бездною* *многую* (Псал. 35, 7.), въ которой не лзя достать основанія ни мѣрою, ни чувствомъ, то говоритъ, что *удивися разумъ отъ него* и отъ состава его, и *утвердися* паче, нежели на сколько простираются его силы и его объемъ (Псал. 138, 6.).

Оставивъ все прочее, разсуждаетъ Давидъ, обращушь къ себѣ самому, разсмотрю вообще челоѳическое естество и челоѳическій составъ. Чтò это за смѣшеніе въ насъ? чтò за движеніе? Какъ безсмертное срастворено съ смертнымъ? Какъ лююь я долу, и возношусь горѣ? Какъ обращается во мнѣ душа? даетъ жизнь, и сама участвуетъ въ страданіяхъ? Какъ мысль и заключена въ предѣлы и неопредѣлима, и въ насъ пребываетъ и все обходитъ въ быстротѣ своего стремленія и теченія? Какъ сообщается и передается съ словомъ, проникаетъ сквозь воздухъ, входитъ съ самыми предметами? Какъ приобщена къ чувству и отрѣшается отъ чувствъ? И еще прежде сего: Какъ въ художнической храминѣ природы производится и первоначальное наше созиданіе и составленіе, и окончательное образованіе и усовершеніе? Какое это пожеланіе и раздѣленіе въ насъ пици? Кто насъ, не принуждая, привель къ первымъ источникамъ и средствамъ жизни? Какъ тѣло питается яствами, а душа словомъ? Чтò за влеченіе природы, чтò за взаимная наклон-

ность у родителей и дѣтей, связующая ихъ любовію? Какъ виды (тварей) постоянны и не сходятся въ отличительныхъ признакахъ? Какъ, при толикомъ ихъ множествѣ, особенности недѣлимыхъ не-уловимы? Какъ одно и тоже живое существо вмѣстѣ смертно и бессмертно, — смертно, потому что прекращается собственная его жизнь, — и бессмертно, потому что оно раждаетъ другія живыя существа? Одно отходить, другое приходитъ, какъ въ текущей рѣкѣ, которая не стоитъ на мѣстѣ и всегда полна.

Много еще можемъ любознательствовать о членахъ и частяхъ тѣла, о взаимной ихъ стройности, тогда какъ они, по закону и соразмѣрности природы, сообразно нуждамъ и для красоты, одни сближены, другіе отдалены между собою, одни выданы, другіе вданы, одни соединены, другіе раздѣлены, одни объемлютъ другихъ, другіе сами объемлются; много о звукахъ и слухѣ, о томъ, какъ звуки переносятся отъ звучащихъ орудій, и слухъ пріемлетъ ихъ и входитъ съ ними во взаимное общеніе въ слѣдствіе удареній и впечатлѣній въ посредствующемъ воздухѣ; много о зрѣніи, которое неизяснимымъ образомъ сообщается съ видимыми предметами, приходитъ въ движеніе по одному мановенію воли и въ тоже съ нимъ время, — въ какомъ отношеніи и уподобляется оно мысли, потому что съ одинаковою быстротою и мысль сходится съ предметомъ мышленія, и взоръ съ предметомъ зрѣнія; много о прочихъ чувствахъ, которыя служатъ какими-то, несозерцаемыми для ума, пріемниками внѣшняго; много объ успокоеніи во время сна, о сонныхъ ви-

дѣнійхъ, о памяти и припамятованіи, о разсудкѣ, раздражительности и пожеланіи, коротко сказать, о всемъ, что населяетъ этотъ малый міръ—человѣка.

3. Хочешь ли, перечислю тебѣ различіе другихъ животныхъ въ отношеніи къ намъ и другъ къ другу, то-есть каждая природу, образъ рожденія и воспитанія, мѣстопребываніе, нравы и какъ-бы законы общежитія. Отчего одни живутъ стадами, другія по-одиначкѣ; одни травоядны, другія плотоядны; одни свирѣпы, другія кротки; одни привязаны къ человѣку и около него кормятся, другія неукротимы и любятъ свободу; одни какъ-бы близки къ разумности и способны учиться, другія вовсе бессмысленны и не переимчивы; одни имѣютъ большее число чувствъ, другія меньшее; одни неподвижны, другія переходятъ съ одного мѣста на другое, а иныя весьма быстры; одни отличаются и величиною и красотой, или чѣмъ-нибудь однимъ, а другія или весьма малы, или очень безобразны, или то и другое; одни крѣпки, другія малосилѣны; одни мстительны, другія подозрительны и коварны, иныя же неосторожны; одни трудолюбивы и домостроительны, другія совершенно недѣятельны и безпечны? И еще кромѣ сего: отчего одни пресмыкаются по землѣ, другія ходятъ въ прямомъ положеніи; одни любятъ сушу, другія сушу и воду; одни чистоплотны, другія неопятны; одни живутъ по-парно, другія нѣтъ: одни цѣломудренны, другія похотливы; одни многоплодны, другія не многоплодны; одни долговѣчны, другія маловѣчны? Истощилось бы у меня слово, если бы описывать все въ подробности.

Разсмотри природу плавающихъ въ водѣ, кото-

рме скользятъ и какъ бы летаютъ по влажной стѣнѣ, дышатъ собственнымъ своимъ воздухомъ, а въ нашемъ воздухѣ подвергаются той же опасности, какой мы—въ водѣ; разсмотри ихъ нравы, страсти, рожденія, величину, красоту, привязанность къ мѣсту, странствованія, сходбища и разлученія, свойства почти близкія къ свойствамъ животныхъ земныхъ, а у иныхъ даже общія, и свойства противоположныя какъ въ родахъ, такъ и въ недѣлимыхъ.

Разсмотри также стада птицъ не-пѣвчихъ и пѣвчихъ, разнообразіе въ ихъ видѣ и цвѣтѣ. Какая причина сладкопѣнія у птицъ пѣвчихъ, и отъ кого это? Кто далъ кузнечнику цѣвницу на перся? Кто даетъ птицамъ эти пѣсни и щебетанья на древесныхъ вѣтвяхъ, когда, возбужденныя солнцемъ музическійствовать въ полдень, наполняютъ онѣ звуками лѣса и сопровождаютъ пѣніемъ путника? Кто сплетаетъ пѣснь лебедю, когда распростираетъ онѣ крылья по воздуху, и ими свиряя, выводитъ какъ бы мѣрный стихъ? Не буду говорить о вынужденныхъ звукахъ и о томъ, въ чемъ ухищряется искусство, подражая дѣйствительности. Отчего павлинь, кичливая мидійская птица, любитъ такъ убранство и честь, что, замѣтивъ подходящаго, или, какъ говорятъ, съ намѣреніемъ нравиться женскому полу (такъ какъ чувствуетъ свою красоту), съ величавой выступкой, вытянувъ шею и развернувъ кругообразно блестящія золотомъ и усѣянныя звѣздами перья, выставляетъ красу свою на-показъ любителямъ? Божественное Писаніе восхваляетъ мудрость женъ въ тканяхъ, говоря: *кто далъ есть женамъ тканія мудрость, или испещренія хитрость* (Іов.

3411

38, 36.)? Но это естественно для животнаго разума, которое избыточествуетъ мудростію и простирается даже къ небесному. Подивись лучше природной смысленности безсловесныхъ, и если можешь, представь на сіе свои объясненія. Какъ у птицъ гнѣзда (будутъ ли это камни, дерева, или кровли) устроены безопасно и вмѣстѣ красиво, со всѣми удобствами для птенцевъ? Откуда у пчель и пауковъ столько трудолюбія и искусства? У однихъ соты сложены изъ шестиугольныхъ чашечекъ, обращенныхъ одна на другую и укрѣпленныхъ перегородками, которыя въ каждомъ двухъ чашечкахъ пресѣкаются подъ прямымъ угломъ. И все сіе съ такимъ искусствомъ дѣлаютъ пчелы въ темныхъ ульяхъ, когда ихъ постройки не видимы. А пауки изъ тонкихъ и почти воздушныхъ нитей, протянутыхъ въ разныхъ направленіяхъ, и изъ веществъ непримѣтныхъ для взора, ткуютъ хитроплетенныя ткани, которыя бы служили имъ честнымъ жилищемъ и уловляли немощныхъ для пищи. Производилъ ли что подобное какой Евклидъ, любомудрствующій о несуществующихъ чертахъ и трудящійся надъ доказательствами? У какого Паламида найдешь такія движенія и построенія войскъ, хотя и они, какъ говорятъ, перенаты у журавлей, которые летаютъ строемъ и разнообразятъ свой полетъ? Производили ли что подобное Фидіи, Зевксисы, Полигноты, Парразіи, Аглафоны, умѣющіе отлично живописать и ваять красоту? Сравнится ли Кносскій хоръ пляшущихъ, который такъ прекрасно выработанъ Дедаломъ въ даръ невѣстѣ, или Критскій неудобовыходимый и, говоря стихотвор-

чески, нераспутываемый лабиринтъ, который, по ухищренію искусства, не однократно возвращается на прежній слѣдъ? Умалчиваю о сокровищницахъ и сокровищехранителяхъ у муравьевъ, о запасѣ пищи сообразномъ времени и о томъ, что еще, какъ извѣстно, рассказываютъ объ ихъ путешествіяхъ, предводителяхъ и о строгомъ порядкѣ дѣлъ.

А если доступны тебѣ причины сего, и ты позналъ, сколько въ семь разума; то разсмотри различія растений, до искусственности, примѣчаемой въ листьяхъ, по которой они вмѣстѣ и всего пріятнѣе для взора, и всего полезнѣе для плодовъ. Разсмотри разнообразіе и богатство самыхъ плодовъ, особливо же преимущественную красоту наиболѣе необходимыхъ. Разсмотри силы корней, соковъ, цвѣтовъ, запаховъ не только самыхъ пріятныхъ, но и здоровыхъ, привлекательность и качества красокъ. Разсмотри также драгоценность и прозрачность камней. Природа, какъ на общемъ пиршествѣ, предложила тебѣ все, и что нужно для тебя, и что служить къ твоему удовольствію, чтобъ ты, сверхъ прочаго, изъ самыхъ благодѣяній позналъ Бога, и изъ своихъ потребностей пріобрѣлъ больше свѣдѣній о себѣ самомъ.

Послѣ сего изойди широту и долготу общей всѣмъ матери — земли, обойди морскіе заливы, соединяемые другъ съ другомъ и съ сушею, красоту лѣсовъ, рѣки, обильные и неизсѣкающіе источники, не только холодныхъ и годныхъ для питья водъ, текущихъ поверхъ земли, но и тѣхъ, которыя подъ землею пробираются по какимъ-то разсѣдинамъ, и отъ-того ли, что гонить и отталки-

ваецъ ихъ крѣпкій вѣтръ, или отъ-того, что разгорячаетъ сильная борьба и сопротивленіе, проторгаются по-немногу, гдѣ только могутъ, и для нашего употребленія во многихъ мѣстахъ доставляютъ различныхъ свойствъ теплыя бани — это безмездное и самосоставное врачевство. Скажи, какъ и откуда сіе? Что значить эта великая и безыскусственная ткань? Здѣсь все не менѣе достохвально, станемъ ли что разсматривать во взаимномъ отношеніи, или въ отдѣльности. Отчего стоитъ земля твердо и неуклонно? Что поддерживаетъ еѣ? Какая у ней опора? Ибо разумъ не находитъ, на чемъ бы утверждаться сему, кромѣ Божіей воли. Отчего земля, то поднята на вершины горъ, то осаждена въ равнины, притомъ такъ разнообразно, часто и постепенно мѣняется свои положенія, и тѣмъ богатѣе удовлетворяетъ нашимъ нуждамъ и плѣняетъ насъ своимъ разнообразіемъ? И отдѣлена ли она для жилищъ человѣческихъ, или необитаема, поколику перерѣзывается хребтами горъ или инымъ чѣмъ отсѣкается и отходитъ для инаго назначенія, — вездѣ служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ всемогущества Божія! А въ морѣ, если бы не удивляла меня величина, я сталъ бы дивиться кротости, какъ оно, и ничѣмъ не связано, и стоитъ въ своихъ предѣлахъ. И если бы оно не удивляло меня кротостію, я сталъ бы дивиться его величинѣ. Поелику же удивляетъ тѣмъ и другимъ; то восхваляю силу, какая видна въ томъ и другомъ. Что собрало въ него воды? Что связало ихъ? Отчего море и воздымается и стоитъ въ своемъ мѣстѣ, какъ-бы стыдась смѣжной суши? Отчего и принимаетъ въ себя всѣ рѣки, и не прибываетъ, по избытку ли

своей величины, или, не знаю, какую еще сказать на сіе причину? Почему для него — столь огромной стихіи, предѣломъ песокъ? Что могутъ на сіе сказать естествослывы, мудрые въ пустомъ, которые дѣйствительно мѣряютъ море малою чашею, то есть предметъ великій — своими понятіями? Не лучше ли мнѣ кратко полюбомудрствовать о семъ изъ Писанія, такъ какъ это и убѣдительнѣе и вѣрнѣе длинныхъ разсужденій? *Повелѣніе окружи на лицѣ воды* (Иов. 26, 10). Вотъ узы для влажнаго естества! Но не дивисься ли, не изумѣаешься ли мыслию, смотря, какъ оно на маломъ древѣ и вѣтромъ несетъ земнаго пловца, чтобы для его нуждъ и общеній были связаны и суша и море, чтобы отдаленное между собою по природѣ большими пространствами стекалось въ-одно для человѣка? А источниковъ какіе первоначальные источники? Разыскивай, человѣкъ, если можешь что изслѣдовать и найти! Кто прорылъ рѣки на равнинахъ и въ горахъ? Кто далъ имъ безпрепятственное теченіе? Какое чудо противоположностей — и море не переполняется и рѣки не останавливаются! Что питательнаго въ водахъ? Отчего эта разность, что одни растенія орошаются сверху, другія наповаются чрезъ корни? — Да наслаждусь и я нѣсколько словомъ, разсуждая объ утѣхахъ, посылаемыхъ Богомъ!

Теперь, оставивъ землю и земное, чтобы слово у меня шло порядкомъ, воспари на крылахъ мысли въ воздухъ; оттуда поведу тебя къ небесному, на самое небо, выше неба и такъ далѣе. Не осмѣливается, правда, слово простираться высоко; но прострется, впрочемъ не сверхъ позволеннаго. Кто

разлилъ воздухъ — это обильное и неоскудѣвающее богатство, которымъ пользуются не по достоинствамъ и случаямъ, которое не удерживается предѣлами, раздается не по возрастамъ, подобно маннѣ приѣмлется не сверхъ нужды, тѣмъ и честно, что удѣляется всякому въ равной мѣрѣ, воздухъ — эту колесницу пернатыхъ тварей, это сѣдалище вѣтровъ, воздухъ, который благорастворяетъ времена года, одушевляетъ животныхъ, лучше же сказать, соблюдаетъ душу въ тѣлѣ, воздухъ, въ которомъ тѣла, и съ которымъ слово, въ которомъ свѣтъ и освѣщаемое, а также и зрѣніе, чрезъ него протекающее? Разсмотри и то, что далѣе воздуха. Ибо не соглашусь предоставить воздуху такую область, какая ему приписывается. Гдѣ хранилища вѣтровъ? Гдѣ сокровищницы снѣга? *Кто же, по Писанію, родивый капли росныя? Изъ чіею чрева исходитъ ледъ* (Іов. 38, 28. 29.)? *Кто связуиъ воду на облацяхъ* (Іов. 26, 28.)? Кто часть ея остановилъ на облакахъ (не чудно ли видѣть текущее вещество удерживаемое словомъ!), и другую изливаетъ на лице земли и сѣть благовременно и въ должной мѣрѣ, не оставляя и всей влажной сущности свободною и неудержимою (довольно и при Ноѣ бывшаго очищенія! притомъ Нелживѣйшій не забываетъ Своего завѣта), и не удерживая ее совершенно (чтобы опять не имѣть намъ нужды въ Иліи, прекращающемъ засуху)? Сказано: *аще затворитъ небо, кто отверзетъ* (Іов. 12, 14.), и *аще отверзетъ хляби* (Малах. 3, 10.), кто удержитъ? Кто стерпитъ безмѣрность того и другаго, если Посылающій дождь не распорядитъ всего по Своимъ мѣ-

рамъ и вѣсамъ? Какое любомудрое ученіе о молніяхъ и громахъ предложишь мнѣ ты, который гремишь съ земли, хотя не блещешь и малыми искрами истины? Причиною сего назовешь ли какія испаренія, выходящія изъ земли и производящія облака, или какое-нибудь сгущеніе воздуха, или сжатіе и столкновеніе рѣдчайшихъ облаковъ, такъ что сжатіе произведетъ у тебя молнію, а расторженіе — громъ? Или наименуешь какой-нибудь сгнетенный и потомъ не находящій себѣ выхода вѣтръ, который, будучи сгнетаемъ, блистаетъ молніей, и проторгаясь издаетъ громъ?

Но если ты прошелъ умомъ воздухъ и все, что въ воздухѣ; то коснись уже со мною неба и небснаго. Но здѣсь да водить насъ болѣе вѣра, нежели разумъ, если только уразумѣлъ ты свою немощь, когда разсматривалъ ближайшее къ тебѣ и узналъ способъ узнать то, что выше разума, а не остается вовсе земнымъ и преданнымъ земному, не знающимъ даже и этого самаго — своего незнанія. Кто округлилъ небо, разставилъ звѣзды? Лучше же сказать, что такое самое небо и звѣзды? Можешь ли сказать сіе ты, человекъ высокопарный, который не знаешь и того, что у тебя подъ ногами, не можешь привести въ мѣру себя самого, а любопытствуешь о томъ, что выше твоей природы, и желалъ бы объять неизмѣримое? Положимъ, что постигнуты тобою круги, круговращенія, приближенія и отдаленія, восхожденія звѣздъ и солнца, какія-то части и ихъ подраздѣленія и все то, за что превозносишь ты чудную науку свою; но это не уразумѣніе еще сущаго, а только наблюденіе надъ какимъ-то движеніемъ.

емъ, подтвержденное долговременнымъ упражне-
 ніемъ, приводящее къ единству наблюденія мно-
 гихъ, а потомъ придумавшее законъ и возвеличен-
 ное именемъ науки; — такъ видоизмѣненія луны ста-
 ли извѣстными для многихъ, и зрѣніе (г) принято
 за начало познанія! Но если ты очень знающъ въ
 этомъ, и хочешь, чтобы удивлялись тебѣ по праву;
 скажи: какая причина такого устройства и движе-
 женія? Отчего солнце поставлено въ знаменіе цѣлой
 вселенной и предъ взоромъ всякаго, какъ вождь
 сонма, свѣтлостію своею затмѣвающій прочія звѣзды
 болѣе, нежели сколько затмѣваются онѣ нѣкоторыми
 изъ нихъ самихъ, чему доказательствомъ служить
 то, что хотя звѣзды и сами свѣтятъ, однакоже солн-
 це превосходитъ ихъ свѣтомъ, и звѣзды не видимы,
 какъ скоро восходятъ вмѣстѣ съ солнцемъ? Оно
 прекрасно, какъ женихъ, быстро и велико, какъ
 исполинъ (не могу заимствовать ему похвалы изъ
 другаго писанія, кромѣ моего. (Псал. 18, 6); такова
 его сила, что отъ края до края все объемлетъ сво-
 ею теплотою, и ничто не можетъ не ощущать его,
 напротивъ того все имъ исполняется, и зрѣніе —
 свѣтомъ, и тѣлесное естество — теплотою, между
 тѣмъ какъ оно согрѣваетъ, но не сожигаетъ, по
 причинѣ своего кроткаго благорастворенія и строй-
 наго движенія, для всѣхъ открыто и всѣхъ равно
 объемлетъ. Но разсуждалъ ли ты о сей мысли? Солнце въ чувственномъ то же, что Богъ въ мыслен-
 номъ, сказалъ одинъ изъ не-нашихъ. Оно просвѣ-

(г) Опытъ.

щаетъ взоръ, какъ Богъ умъ, и всего прекраснѣе въ видимомъ, какъ Богъ въ умосозерцательномъ. Но чѣмъ первоначально приведено солнце въ движеніе? Чѣмъ непрестанно движется и круговращается оно—неизмѣнное во своемъ законѣ, въ подлинномъ смыслѣ неподвижное, неутомимое, живоносное и, какъ справедливо воспѣвають стихотворцы, живородящее, никогда не прекращающее ни теченія, ни благодѣяній своихъ? Какъ творить оно день на землѣ, и ночь подъ землею? Или не знаю, какъ надобно выразиться, смотря на солнце. Чтò значить это прибавленіе и убавленіе дней и ночей, это (употреблю нѣсколько странное выраженіе) равенство въ неравенствѣ? Какъ солнце производитъ и раздѣляетъ времена года, которыя чинно приближаются и удаляются, и будто въ хороводѣ другъ съ другомъ то сходятся, то расходятся, сходятся по закону любви, расходятся по закону благочинія, даже постепенно между собою сливаются, и непримѣтно приближаются, подобно наступающимъ днямъ и ночамъ, чтобы внезапною своею не произвестъ скорбнаго ощущенія? Но оставимъ солнце. Позналъ ли ты естество и видоизмѣненія луны, мѣру свѣта ея и пути? И какъ солнце владычествуетъ надъ днемъ, а она начальствуетъ надъ ночью? Одна даетъ смѣлость звѣрямъ, другое возставляетъ челоуѣка на дѣло, чтò когда наиболѣе полезно, то возвышаясь, то понижаясь? *Разумьль ли еси союзъ пліады и огражденіе оріоново* (Іов. 36, 31), *яко исчисляй множество звѣздъ и всѣмъ имена нарицаай* (Псал. 146, 4), какъ знающій различіе каждой звѣзды и чинъ ея движенія, чтобъ могъ я по-

Т. III.

4

Зри

вѣрить тебѣ, когда по звѣздамъ опредѣляешь нашу судьбу, и тварь вооружаешь на Творца?

Что скажемъ? Остановить ли намъ слово здѣсь — на веществѣ и видимомъ? Или поелику Моисеева скинія наименована въ Словѣ *противообразнымъ* цѣлаго міра, то-есть совокупности видимаго и невидимаго (Евр. 9, 24); то, проникнувъ за первую завѣсу, и взойдя выше чувственного, проникнуть намъ *во святая* — въ мысленное и небесное естество? Но и его, хотя оно и не тѣлесно, не можемъ видѣть нетѣлеснымъ образомъ, почему называется оно огнемъ и духомъ, или и дѣйствительно таково. Ибо говорится, что творить *Ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный* (Псал. 106, 4.), развѣ творить значить здѣсь не болѣе, какъ сохранять въ подчиненіи закону, по которому созданы; духомъ же и огнемъ называется естество сіе, частію какъ мысленное, а частію какъ очистительное; потому что и Первая Сущность пріемлетъ тѣже наименованія. Впрочемъ да будетъ оно у насъ не тѣлесно, или, сколько можно, близко къ тому. Видишь, какъ кружимся въ словѣ, и не можемъ поступить далѣе! Развѣ простремся въ той мѣрѣ, въ какой знаемъ, что есть какіе-то Ангелы, Архангелы, Престолы, Господства, Начала, Власти, Свѣтлости, Восхожденія, умныя Силы или Умы, природы чистыя, безпримѣсныя, непреклонныя или неудобопреклоняемыя къ злу, непрестанно ликовствующія окрестъ первой Причины. Сіи природы, какъ воспѣлъ бы о нихъ иной, или отъ первой Причины озаряются чистѣйшимъ озареніемъ, или, по мѣрѣ естества и чина, инымъ способомъ пріемлютъ иное

озареніе; онѣ такъ вообразили и напечатлѣли въ себѣ Благо, что содѣлались вторичными свѣтами, и посредствомъ изліяній и передаяній перваго Свѣта могутъ просвѣщать другихъ; онѣ служители Божіей воли, сильны, какъ по естественной своей, такъ и по прибрѣтенной ими крѣпости, все обходятъ, всѣмъ и вездѣ съ готовностію предстаютъ, по усердію къ служенію и по легкости естества. Сіи умы пріяли каждый одну какую-либо часть вселенной, или приставлены къ одному чему-нибудь въ мірѣ, какъ вѣдомо сіе было все Устроившему и Распредѣлившему, и они все ведутъ къ одному концу, по мановенію Зиждителя всяческихъ, пѣснословятъ Божіе величіе, созерцаютъ вѣчную славу и притомъ вѣчно, не для того, чтобы прославился Богъ (нѣтъ ничего, что можно было бы приложить къ Исполненному, Который и для другихъ есть податель благъ), но чтобы не преставали получать благодѣянія даже первыя по Богъ природы.

И если сіе воспѣто по достоинству, то благодареніе Троицѣ и единому въ Трехъ Божеству! А если не достаточнѣе желанія; то и въ семъ случаѣ побѣдила слово мое; ибо оно трудилось доказать одно то, что выше ума естество даже вторичныхъ существъ, а не только Перваго и Единаго, повремению говорить, Превысшаго всѣхъ.

С Л О В О 29,

О БОГОСЛОВІИ ТРЕТІЕ,

о Богъ Сынъ первое.

Сіе самое сказалъ бы иный, желая остановить ихъ готовность къ слову, ихъ поспѣшность, и преткновенія отъ поспѣшности во всякомъ дѣлѣ, а еще болѣе въ ученіи о Богѣ. Но наложить запрещеніе не важно, — это безъ труда сдѣлаетъ всякій, кто захочетъ; отъ человѣка же благочестиваго и умнаго требуется, чтобъ онъ замѣнилъ запрещаемое собственнымъ разсужденіемъ. Посему, въ упованіи на Святаго Духа, Котораго они не чтуть, и Которому мы поклоняемся, какъ нѣкоторый благородный и зрѣлый плодъ, изведу на свѣтъ собственныя свои мысли о Божествѣ, каковы бы онѣ ни были. Я не молчалъ и въ другое время; но напротивъ того на сіе одно и имѣлъ отважность и присутствіе духа. Тѣмъ паче осмѣлюсь теперь стать за истину, чтобъ сомнѣніемъ, по суду Божію, какъ написано, не навлечь на себя *неблаговоленія* (Аввак. 2, 4.). Поелику же рѣчь бываетъ двоякаго рода, — ея или подтверждается собственное мнѣніе, или опровергается

мнѣніе противное: то и я, предложивъ сперва собственное ученіе, попытаюсь потомъ опровергнуть ученіе противниковъ; но въ томъ и другомъ соблюду возможную краткость, чтобъ все сказанное удобно было обнять однимъ взоромъ (такъ какъ и они, къ оболъщенію людей наиболѣе простыхъ и скудоумныхъ, сочинили слово подъ именемъ руководства), и чтобъ длинныя рѣчи не разсѣивали мысль, какъ воду, которая не заперта въ трубѣ, но льется и растекается по равнинѣ.

Три древнѣйшія мнѣнія о Богѣ: безначаліе, многоначаліе и единоначаліе. Два первыя были (и пусть остаются!) игрою ума сыновъ Ёллинскихъ. Ибо безначаліе беспорядочно, а многоначаліе возмутительно; въ слѣдствіе же сего и безначально, и беспорядочно. То и другое ведетъ къ одному концу — къ безпорядку, а беспорядокъ — къ разрушенію; потому что беспорядокъ есть упражненіе въ разрушеніи. Но мы чтимъ единоначаліе; впрочемъ не то единоначаліе, которое опредѣляется единствомъ лица (и одно, если оно въ раздорѣ съ самимъ собою, составитъ множество), но то, которое составляетъ равенство единства, единомушіе воли, тождество движенія и направленія къ единому Тѣхъ, Которые изъ Единого (что невозможно въ естествѣ сотворенномъ), такъ что Они, хотя различаются по числу, но не раздѣляются по власти (а). Посему Единица, отъ начала подвигшаяся въ двойственность, остано-

(а) По нѣкоторымъ спискамъ, какъ замѣчаетъ Илія, вмѣсто слова: *по власти* (τῆ ἐξουσίᾳ), читалось: *по суцности* (τῆ γε οὐσίας)

вилась на троичности. И сіе у насъ — Отецъ , и Сынъ , и Святый Духъ. Отецъ — родитель и изводитель , раждающій и изводящій безстрастно , внѣ времени и безтѣлесно; Сынъ — рожденное; Духъ — изведенное, или, не знаю, какъ назвалъ бы сіе тотъ, кто отвлекаетъ отъ всего видимаго. Ибо не дерзаемъ наименовать сего преизліяніемъ благодсти, какъ осмѣлился назвать одинъ изълюбодурхъ Еллиновъ , который , любодурствуя о первомъ и второмъ Виновникѣ , ясно выразился: «какъ чаша лется черезъ края» (б). Не дерзаемъ изъ опасенія , чтобъ не ввести непроизвольнаго рожденія и какъ-бы естественнаго и неударжимаго исторженія , что всего менѣе сообразно съ понятіями о Божествѣ. Посему , не выходя изъ данныхъ намъ предѣловъ , вводимъ Нерожденнаго , Рожденнаго и *отъ Отца Исходящаго* , какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Самъ Богъ — Слово (Іоан. 15, 26.).

«Но когда сіе *рожденіе и исхожденіе?*» — Прежде самаго *когда*. Если же надобно выразиться нѣсколь-
 3-и ко смѣлѣе : тогда же , какъ и Отецъ. Но когда Отецъ? — Никогда не было , чтобъ не былъ Отецъ. А также никогда не было , чтобъ не былъ Сынъ , и не былъ Духъ Святый. Еще спросишь меня ; и опять отвѣчу тебѣ Когда родился Сынъ? — Когда не родился Отецъ. Когда исшелъ Духъ? — Когда не исшелъ Сынъ , но родился внѣ времени и неизглаголанно , хотя не можемъ представить себѣ того , что выше времени , даже желая избѣгнуть выраженной

(б) Плотинъ. Еннеад. V. кн. 2. гл. 1.

означающихъ время; потому что слова: *когда, прежде, послѣ, исперва*, не исключаютъ времени, какъ ни усиливаемся въ этомъ; развѣ возьмемъ вѣчность, то-есть продолженіе, которое простирается на-равнѣ съ вѣчнымъ, а не дѣлится на части, и не измѣняется ни какимъ-либо движеніемъ, ни теченіемъ солнца, чтѣ свойственно времени.

« Но если Сынъ и Духъ совѣчны Отцу; то почему же не собесначальны? » Потому что они отъ Отца, хотя не послѣ Отца. Правда, что безначальное вѣчно; но вѣчному нѣтъ необходимости быть безначальнымъ, какъ скоро возводится къ Отцу, какъ къ началу. Итакъ Сынъ и Духъ не безначальны, относительно къ Виновнику. Извѣстно же, что Виновнику нѣтъ необходимости быть первоначальнѣе Тѣхъ, для Кого онъ Виновникомъ; потому что и солнце не первоначальнѣе свѣта. И вмѣстѣ Сынъ и Духъ безначальны, относительно ко времени, хотя ты и пугаешь симъ людей простодушныхъ. Ибо не подъ временемъ Тѣ, отъ Которыхъ время.

« Какимъ же образомъ рожденіе безстрастно? » — Такимъ, что оно не тѣлесно. Ибо если тѣлесное рожденіе страстно; то безтѣлесное — безстрастно. Но и я спрошу у тебя: какимъ образомъ Сынъ есть Богъ, если Онъ тварь? Ибо творимое — не Богъ. Не говорю уже, что и въ твореніи, если оно берется тѣлесно, имѣетъ мѣсто страданіе, какъ то: время, желаніе, образованіе, забота, надежда, скорбь, опасность, неудача, поправка; все сіе, и еще многое другое, какъ всякому извѣстно, бываетъ при твореніи. Но дивлюсь, что ты не отваживаешься придумать какихъ-нибудь сочетаній, сроковъ чре-

воношенія , опасностей преждевременнаго рожденія , и даже признать рожденіе не возможнымъ , если бы Богъ раждалъ иначе, или еще , перечисливъ образы рожденія у птицъ на сушѣ и на водѣ , подчинить которому-либо изъ сихъ рожденій рожденіе Божеское и неизглаголанное , или, въ-слѣдствіе новаго своего предположенія, вовсе уничтожить Сына. И ты не можешь примѣтить того , что Кто по плоти имѣеть отличное рожденіе (ибо гдѣ нашель ты по своимъ началамъ Богородицу дѣву?), для Того инаково и духовное рожденіе. Лучше же сказать, Кто имѣеть не такое же бытіе, Тотъ имѣеть и отличное рожденіе.

« Какой отецъ не начиналъ быть отцемъ? »—Тотъ, у Котораго бытіе не начиналось. А у кого началось бытіе, тотъ началъ быть и отцемъ. Богъ-Отецъ не въ-послѣдствіи сталъ Отцемъ , потому что не начиналъ быть Отцемъ. Онъ въ собственномъ смыслѣ Отецъ ; потому что не есть вмѣстѣ и Сынъ ; равно какъ и Богъ-Сынъ въ собственномъ смыслѣ—Сынъ, потому что не есть вмѣстѣ и Отецъ. Ибо у насъ отцы и сыны не въ собственномъ смыслѣ, но каждый и отецъ и сынъ , и не въ большей мѣрѣ отецъ , чѣмъ сынъ, и мы происходимъ не единственно отъ отца , но отъ отца , который вмѣстѣ и сынъ , а потому и сами дѣлимся, постепенно становимся чело-вѣками , но какими не желали бы и раждающіе и раждаемые , такъ что у насъ остаются одни отношенія, лишенная дѣйствительности.

Но ты говоришь: «самыя слова: *родиль и родился*, что иное вводятъ, какъ не начало рожденія?» Что жъ, если не скажемъ: *родился*, но: *рожденъ отъ нача-*

ла, чтобъ удобнѣе было избѣгать твоихъ тонкихъ возраженій, въ которыхъ ты вездѣ отыскиваешь время? Ужели будешь обвинять насъ, что перетолковываемъ сколько-нибудь Писаніе и истину? Но всякому можно видѣть, что въ реченіяхъ выражающихъ время нерѣдко ставятся времена одно вмѣсто другаго; особливо сіе употребительно въ Божественномъ Писаніи, и не только въ-разсужденіи времени прошедшаго, или настоящаго, но и будущаго. Напримѣръ, сказано: вскую шаташася языцы (Пс. 2, 1.), когда еще не шатались; и еще: въ рѣць пройдутъ ногами (Пс. 65, 5.), когда уже прошли. Продолжительно было бы перечислять всѣ подобныя реченія которыя замѣчены людьми трудолюбивыми.

Таково разсмотрѣнное нами ихъ возраженіе. Каково же слѣдующее? не до крайности ли привязчиво и безстыдно? Они говорятъ: «Отецъ, восхотѣвъ ли, родилъ Сына, или не хотѣ?» Потомъ оба случая, какъ представляется имъ, завязываютъ въ узелъ, впрочемъ не крѣпкій, но слабый, и продолжаютъ: «если не хотѣ, то по принужденію. Кто жъ принудившій, и какъ принужденный — Богъ? А если хотѣнію; то Сынъ есть сынъ хотѣнія. Какъ же Онъ отъ Отца?» И вмѣсто Отца выдумываютъ какую-то новую мать—хотѣніе. У разсуждающихъ такимъ образомъ пріятно слышать одно, а именно, что, отступившись отъ страданія, прибѣгаютъ къ волѣ; но воля уже не страданіе. Посмотримъ же за-тѣмъ, какъ твердо ихъ разсужденіе. И всего лучше напередъ сойдтись съ ними, какъ можно, ближе. Ты, который безъ затрудненія говоришь все, что тебѣ захочется, самъ отъ какого родился отца, отъ хо-

тящаго, или отъ нехотящаго? Если отъ нехотящаго; то ему сдѣлано принужденіе. Какое насиліе! И кто жъ принудившій его? Вѣрно не скажешь, что природа; ибо въ природѣ — быть и цѣломудреннѣе. А если отъ хотящаго; то за нѣсколько словъ пропалъ у тебя отецъ; ты сталъ сыномъ хотѣнія, а не отца. Но перехожу къ Богу и къ тварямъ, и вопросъ твой передаю на судъ твоей мудрости. Богъ сотворилъ міръ по хотѣнію, или принужденно? Если принужденно; то и здѣсь насиліе и насильственно дѣйствующій. А если по хотѣнію; то лишены Бога, какъ прочія твари, такъ болѣе всѣхъ ты, изобрѣтатель такихъ умозаключеній, вдающійся въ подобныя мудрованія; потому что между тварями и Творцемъ становится преградой посредствующее хотѣніе. Но думаю, что иное есть хотящій и иное — хотѣніе, иное раждающій и иное — рожденіе, иное говорящій и иное — слово; если только мы въ трезвомъ умѣ. Первый есть движущій, а послѣднее — родъ движенія. Посему то, чего хотѣлось, не отъ хотѣнія, потому что не всегда слѣдуетъ за хотѣніемъ, и рожденное — не отъ рожденія, и слышимое — не отъ произношенія, но отъ хотящаго, раждающаго, говорящаго. А что въ Богѣ, то выше и этого всего. Въ Немъ хотѣніе раждать есть уже можетъ-быть самое рожденіе, а не что-либо посредствующее; если только вполне дадимъ мѣсто хотѣнію, а не скажемъ, что рожденіе выше хотѣнія. Хочешь ли, сдѣлаю примѣненіе къ Богу-Отцу? — у тебя заимствую такую дерзость. Отецъ — хотящій, или нехотящій Богъ? и какъ избѣжать обоюднаго твоего довода! Если хотящій; то когда началъ хо-

тѣтъ? Не прежде, чѣмъ существовать. Ибо прежде ничего не было. Или въ Немъ одно хотѣло, а другое опредѣлялось хотѣніемъ; и потому состоитъ Онъ изъ частей. Не будетъ ли и Онъ, по-твоему, плодомъ хотѣнія? А если не хотящій, что принудило Его быть (Богомъ)? И какъ Онъ—Богъ, если принужденъ, и принужденъ не къ иному чему, а къ тому самому, чтобъ быть Богомъ?

Спрашиваешь: «какъ Сынъ рожденъ?»—Но какъ Онъ и сотворенъ, если, по-твоему, сотворенъ? И здѣсь затрудненіе тоже. Скажешь можетъ-быть, что сотворенъ волею и словомъ. Но ты не все еще сказалъ; ибо остается договорить одно: откуда воля и слово имѣютъ силу исполненія; потому что чловѣкъ не такъ творить. Какъ же Сынъ рожденъ? — Не важно было бы Его рожденіе, еслибъ оно было удобопостижимо и для тебя, который не знаешь собственнаго своего рожденія, или и постигаешь въ немъ нѣчто, но не многое и такое, что о семъ стыдно и говорить, а потомъ считаешь себя всезнающимъ. Тебѣ надобно приложить много труда, прежде чѣмъ откроешь законы отвердѣнія, образованія, явленія на свѣтъ, союзъ души съ тѣломъ, ума съ душею, слова съ умомъ, движеніе, возрастаніе, претвореніе пищи въ плоть, чувство, память, припамятованіе, и прочее, изъ чего состоишь ты, а также прежде чѣмъ найдешь, что принадлежитъ обоимъ — душѣ и тѣлу, что раздѣлено между ними, и что они заимствуютъ другъ у друга. Ибо въ рожденіи положены основанія всему тому, что усовершенствуется въ-последствіи. Скажи же, что это за основанія? Но и послѣ этого не любомудрствуй о рожденіи

301
Бога, потому что сіе не безопасно. Ибо если знаешь свое рожденіе; то изъ сего не слѣдуетъ, что знаешь и Божіе. А если не знаешь своего; то какъ тебѣ знать Божіе? Ибо сколько Богъ неудобопознаваемъ въ сравненіи съ человѣкомъ, столько и горнее рожденіе непостижимѣе твоего рожденія. Если же Сынъ не родился потому только, что для тебя сіе непостижимо; то кстати тебѣ исключить изъ ряда существъ многое, чего ты не постигаешь, и притомъ прежде всего самого Бога. Ибо при всей своей дерзости, какъ ни отважно пускаешься въ излишнія изслѣдованія, ты не скажешь, что такое Богъ. Отбрось свои теченія, отдѣленія, сѣченія и что еще представляешь о нетѣлесномъ еществѣ, какъ о тѣлѣ, и тогда, можетъ-быть, представишь нѣчто достойное Божія рожденія. Какъ родился? — Опять съ негодованіемъ скажу тоже: Божіе рожденіе да почтено будеть молчаніемъ! Для тебя важно узнать и то, что Сынъ родился. А какъ? Не согласимся, чтобъ сіе разумѣли и Ангелы, не только ты. Хочешь ли, объясню тебѣ, какъ родился? — Какъ вѣдаютъ сіе родившій Отецъ и рожденный Сынъ. А что кромѣ сего, закрыто облакомъ и недоступно твоей близости.

271
«Существовавшего ли Сына родилъ Отецъ, или несуществовавшего!» — Какое пустословіе! Такой вопросъ идетъ ко мнѣ и къ тебѣ, которые, хотя были чѣмъ-то, какъ Левій въ *чресльяхъ* Авраамовыхъ (Евр. 7, 10.), однакожь родились; а потому составились нѣкоторымъ образомъ изъ сущаго и не сущаго. Противное сему должно сказать о первобытномъ веществѣ, которое явнымъ образомъ сотво-

рено изъ не сущаго, хотя нѣкоторые и представляютъ оное не начавшимъ бытія. Но здѣсь (в) рожденіе сливается съ бытіемъ, и оно *исперва* (1 Іоан. 1, 1). А потому, гдѣ найдетъ себѣ мѣсто твой отъ всюду обрывистый вопросъ? Есть ли что старѣе сего *исперва*, чтобъ намъ въ этомъ старѣйшемъ положить бытіе или небытіе Сына? Ибо въ обоихъ случаяхъ уничтожится у насъ *исперва*; если только, когда спросимъ и объ Отцѣ: изъ сущихъ Онъ, или изъ не сущихъ? — и тебѣ не угрожаетъ опасность согласиться, что или два Отца, одинъ предсуществовавшій, и другій существующій, или Отецъ терпитъ одно съ Сыномъ, то-есть Самъ изъ не сущихъ, въ слѣдствіе твоихъ ребяческихъ вопросовъ и сихъ построекъ изъ песку, которымъ не устоять и при слабомъ вѣтрѣ. А я не принимаю ни того, ни другаго (г), и говорю, что нелѣпъ вопросъ, а не отвѣтъ труденъ. Если же тебѣ, по правиламъ твоей діалектики, кажется необходимымъ, во всякомъ случаѣ одно изъ двухъ признавать истиннымъ; то дай мѣсто и моему не важному вопросу: въ чемъ время, — во времени, или не во времени? Если во времени; то въ какомъ? что это за время сверхъ времени, и какъ содержитъ въ себѣ время? А если не во времени; что за чрезмѣрная мудрость вводитъ невременное время? И въ этомъ предложеніи: «я теперь лгу», уступи что-нибудь одно только, то-есть при-

(в) Въ рожденіи Бога-Сына.

(г) То-есть, что Сынъ рожденъ или какъ существовавшій, или какъ несуществовавшій.

знай его или истиннымъ, или ложнымъ (а того и другаго вмѣстѣ мы не уступимъ). Но сіе невозможно; ибо, по всей необходимости, или лгущій скажетъ правду, или говорящій правду солжетъ. Чтò жъ удивительнаго, какъ здѣсь сходятся противоположности, такъ и тамъ обоимъ положеніямъ быть ложными? А такимъ образомъ и мудрое твое окажется глупымъ. Но рѣши мнѣ еще одинъ загадочный вопросъ: Находился ли ты самъ при себѣ, когда рождался, находишься ли при себѣ и теперь, или и тогда не находился и теперь не находишься? Но если находился и находишься; то кто находящійся и при комъ находится? Какъ одинъ сталъ тѣмъ и другимъ?... А если не находился и не находишься; то какъ отдѣляешься отъ самого себя? И какая причина сего разлученія? Скажешь: глупо и допытываться объ одномъ, находится ли онъ при себѣ, или нѣтъ; такъ можно говорить о другихъ, а не о себѣ. Такъ знай же, что еще глупѣе доискиваться о Рожденномъ *исперва*, существовалъ ли Онъ, или не существовалъ до рожденія. Ибо такъ можно говорить о вещахъ раздѣленныхъ временемъ.

Но ты говоришь: «Нерожденное и рожденное не одно и то же. А если такъ; то и Сынъ не одно съ Отцемъ.» Нужно ли говорить, что по сему умствованію явно отъемлетя божество у Сына, или у Отца? Ибо если нерожденность есть сущность Божія, то рожденность уже не сущность; а если послѣдняя есть сущность, то первая — не сущность. Кто оспорить сіе? Итакъ, новый богословъ, выбирай, которое угодно изъ двухъ нечестивыхъ положеній, если у тебя непремѣнная мысль нечестиво-

вать. Потомъ и я спрошу: въ какомъ смыслѣ взавъ нерожденное и рожденное, называешь ихъ нетождественными? Если въ смыслѣ несозданнаго и созданнаго; то и я согласенъ, ибо безначальное и создаемое нетождественны по естеству. А если называешь нетождественными родившаго и рожденнаго; то положеніе несправедливо, потому что они по всей необходимости тождественны. Самое естество родителя и его порожденія требуютъ, чтобъ порожденіе по естеству было тождественно съ родившимъ. Или еще такъ: въ какомъ смыслѣ берешь нерожденное и рожденное? Если разумѣешь самую нерожденность и рожденность; то они не тождественны. А если разумѣешь тѣхъ, кому принадлежитъ нерожденность и рожденность; то почему же имъ не быть тождественными? Глупость и мудрость не тождественны между собою, однакоже бываютъ въ одномъ чловѣкѣ, и сущность ими не дѣлится, но сами онѣ дѣлятся въ той же сущности. Ужели и безсмертіе, и непорочность, и неизмѣняемость составляютъ сущность Божію? Но если такъ; то въ Богѣ сущностей много, а не одна, или Божество сложено изъ нихъ; потому что не безъ сложения онѣ въ Богѣ, если только составляютъ сущности Его. Но сего не называютъ сущностію Божіею; потому что оно бываетъ принадлежностію и другихъ существъ. Сущность же Божія есть то, что единому Богу принадлежитъ и Ему свойственно. Правда, что нерожденность приписывать Единому Богу не согласились бы тѣ, которые вводятъ и нерожденное вещество и нерожденную идею (а Манихейская тьма да не приближается и къ мысли нашей!); впрочемъ,

пусть она будет принадлежностію одного Бога.
 ✓ Чтѣ же скажешь объ Адамѣ? Не онъ ли одинъ—Бо-
 жіе созданіе? — Безъ сомнѣнія такъ. Но онъ ли
 одинъ—человѣкъ?—Ни мало. Почему же? потому
 что сотвореніе не единственный способъ къ произ-
 веденію человѣка; и рожденное есть также чело-
 вѣкъ. Подобно сему не одно нерожденное есть Богъ,
 хотя нерожденность и принадлежитъ единому От-
 цу. Напротивъ того, хотя ты и чрезмѣрный люби-
 тель нерожденности, допусти, что и Рожденное есть
 Богъ; потому что и Оно отъ Бога. Сверхъ того,
 почему называешь сущностію Божіею не положеніе
 существующаго, но отрицаніе не существующаго?
 Ибо слово: нерожденный, показываетъ только, что
 въ Богѣ нѣтъ рожденія, а не объясняетъ, чтѣ такое
 Онъ по естеству, не сказываетъ, чтѣ такое не имѣ-
 ющій рожденія. И такъ чтѣ же есть сущность Божія?
 Твоему высокоумію — отвѣчать на это; потому что
 ты любопытствуешь о рожденіи. А для насъ велико,
 если узнаемъ сіе и въ-послѣдствіи, когда, по объ-
 тованію *Неложнаго* (Тит. 1, 2.), разсѣется въ насъ
 мгла и дебелость. О семъ да помышляютъ, сего да
 надѣются очистившіеся до такой степени. Мы же
 осмѣлимся сказать одно: если велико для Отца—ни
 отъ кого не происходитъ, то для Сына немаловаж-
 нѣе — происходитъ отъ такого Отца; потому что,
 какъ происшедшій отъ Безвиновнаго, участвуетъ
 Онъ въ славѣ Безвиновнаго, но къ сему присовоку-
 пляется и рожденіе, которое само по себѣ велико и
 досточтимо для умовъ не вовсе пресмыкающихся по
 землѣ и оземленѣвшихъ.

Но говорить: «Если Сынъ тождественъ съ Отцемъ»

по сущности, а Отецъ нерожденъ; то и Сынъ будетъ нерожденъ.» — Это справедливо, если нерожденность есть сущность Божія. Тогда Сынъ будетъ новое смѣшеніе — рожденно-нерожденное. Но ежели сія разность не въ самой сущности; то почему ты умозаключеніе свое выдаешь за твердое? Ужели и ты отецъ своему отцу, чтобъ тебѣ, будучи тождественнымъ съ нимъ по сущности, ни въ чемъ не отставать отъ своего отца? Не очевидно ли лучше искать намъ, что такое сущность Божія (если только найдемъ), оставляя непреходящими личныя свойства? Еще и такъ можешь удостовѣриться, что нерожденность и Богъ нетождественны. Если бы они были тождественны; то слѣдовало бы, поелику Богъ есть Богъ нѣкоторыхъ, и нерожденности быть нерожденностію нѣкоторыхъ, или, поелику нерожденность не есть нерожденность нѣкоторыхъ, и Богу не быть Богомъ нѣкоторыхъ; потому что о совершенно тождественномъ и говорится подобно. Но нерожденность не есть нерожденность нѣкоторыхъ. Ибо чья она? А Богъ есть Богъ нѣкоторыхъ; потому что Онъ Богъ всѣхъ. Слѣдственно, какъ же Богу и нерожденности быть тождественными? И еще: поелику нерожденность и рожденность противоположны между собою, какъ обладаніе и лишеніе; то необходимо будетъ ввести и противоположныя между собою сущности; а сего никто не допускаетъ. Или еще: поелику обладаніе первоначальнѣе лишенія, а лишеніемъ уничтожается обладаніе; то сущность Сына, въ слѣдствіе твоихъ предположеній, не только первоначальнѣе сущности Отца, но даже уничтожается ею.

Какой же есть еще у них неотразимый доводъ, къ которому можетъ-быть прибѣгнуть они въ заключеніе всего? «Если Богъ не пересталъ раждать, то рожденіе несовершенно. И когда Онъ перестанетъ? А если пересталъ; то, безъ сомнѣнія, и началъ». — Опять плотскіе говорятъ плотское. А я, какъ не говорю — вѣчно или не вѣчно раждается Сынъ, пока не вникну тщательнѣе въ сказанное: *прежде всѣхъ холмовъ раждаетъ Ми* (Притч. 8, 25); такъ не вижу необходимаго слѣдствія въ доказательствѣ. Ибо если имѣющее прекратиться, по словамъ ихъ, началось; то не имѣющее прекратиться, безъ сомнѣнія, не начиналось. А потому, что скажутъ о душѣ или объ Ангельской природѣ? Если онѣ начались; то и прекратятся. А если не прекратятся; то, какъ видно изъ ихъ положенія, и не начинались. Но онѣ и начались и не прекратятся. Слѣдственно несправедливо ихъ положеніе, что имѣющее прекратиться началось.

Наше ученіе таково: какъ для коня, вола, человѣка и для каждой вещи одного рода одно есть понятіе, и что подходитъ подъ сіе понятіе, о томъ оно скажется въ собственномъ смыслѣ, а что не подходитъ, о томъ или не скажется, или скажется несобственно; такъ одна есть Божія сущность, одно Божіе естество, одно Божіе именованіе (хотя имена и различаются въ слѣдствіе различныхъ нѣкоторыхъ умпредставленій), и что въ собственномъ смыслѣ именуется Богомъ, то дѣйствительно есть Богъ; а равно, что по естеству есть Богъ, то истинно именуется Богомъ; если только истина состоитъ у насъ не въ именахъ, а въ вещахъ. Но

они, какъ-бы опасаясь, чтобъ не все уже подвигнуть противъ истины, когда бывають къ тому принуждены разумомъ и свидѣтельствами, исповѣдуютъ Сына Богомъ, но Богомъ по соименности, то-есть по участію въ одномъ наименованіи. Когда же возражаемъ имъ: а что? ужели Сынъ не въ собственномъ смыслѣ Богъ, подобно тому, какъ животное на картинѣ не собственно животное? и какъ Онъ Богъ, если не въ собственномъ смыслѣ Богъ?—тогда они отвѣчаютъ: что-жъ препятствуетъ, чтобъ одни и тѣже были и соименны, и именовались каждый въ собственномъ смыслѣ? При семъ представляютъ въ примѣръ пса живущаго на сушѣ и пса морскаго, которые соименны, и именуется каждый псомъ въ собственномъ смыслѣ. Правда, что между соименными составляетъ нѣкоторый *родъ* какъ подобное сему, такъ и иное что-нибудь, если оно, хотя и различно по естеству, впрочемъ носить тоже имя, и равно въ немъ участвуетъ. Но тамъ, подводя подъ одно наименованіе два естества, не утверждаешь ты, наилучшій, чтобъ одно было лучше другаго, чтобъ одно предшествовало, а другое въ меньшей мѣрѣ было тѣмъ, чѣмъ оно называется. Съ ними не сопрягается ничего такого, что дѣлало бы сіе необходимымъ. Первый песь не больше, а вторій не меньше перваго есть песь, то есть и морской песь—живущаго на сушѣ, и обратно, живущій на сушѣ—морскаго (да и почему, или на какомъ основаніи было бы сіе?); напротивъ того общее наименованіе имѣютъ предметы равночестные и различные. Но здѣсь, съ понятіемъ о Богѣ сопрягая досточтимость и превосходство надъ всякою

сущностию и естествомъ (что принадлежитъ единому Богу, и составляетъ какъ-бы естество Божества), а потомъ приписавъ сіе Отцу, и отнявъ у Сына (черезъ что ставишь Его ниже, и удѣляешь Ему второстепенное чествованіе и поклоненіе), хотя на словахъ придаешь Ему Богоподобіе, на самомъ же дѣлѣ отсѣкаешь у Него Божество, и отъ соименности, заключающей въ себѣ равенство, съ злымъ умысломъ переходишь къ соименности, которою связываются вещи неравныя. А такимъ образомъ, по твоимъ умозаключеніямъ, человѣкъ на картинѣ и человѣкъ живой ближе изображаютъ Божество, нежели представленные въ примѣрѣ псы. Или уступи Обоимъ какъ общеніе въ наименованіи, такъ и равночестность естествъ, хотя и признаешь Ихъ различными; тогда уничтожатся у тебя псы, которыхъ придумалъ ты въ объясненіе неравенства. Да и что пользы въ соименности, если раздѣляемые тобою не будутъ имѣть равночестности? Ибо не въ доказательство равночестности, но въ доказательство неравночестности, прибѣгъ ты къ соименности и къ псамъ. Можно ли больше сего изблечить въ себѣ и противорѣчіе съ самимъ собою и противленіе Божеству?

Если же къ сказанному нами: Отецъ больше Сына, какъ Виновникъ, присовокупивъ положеніе: но Виновникъ по естеству, выводятъ они заключеніе: Отецъ больше Сына по естеству; то не знаю, самихъ ли себя больше обманываютъ они, или тѣхъ, къ кому обращаютъ слово. Ибо не безусловно все то, что скажется о чемъ-нибудь, должно быть сказуемымъ и подлежащаго ему; но надобно разли-

чать о чемъ говорится, и что. Иначе что препятствуетъ и мнѣ, сдѣлавъ такое положеніе: Отецъ больше по естеству, и потомъ присовокупивъ: а что по естеству, то не всегда больше, и не всегда отецъ, вывести изъ сего заключеніе: большее не всегда больше, или: отецъ не всегда отецъ. А если угодно, буду разсуждать такъ: Богъ есть сущность; но сущность не всегда Богъ; отсюда самъ выведи заключеніе: Богъ не всегда Богъ. Но думаю, что это — ложное умозаключеніе, на учебномъ языкѣ обыкновенно называемое, отъ относительнаго къ безусловному. Ибо когда даемъ имъ понятіе о большинствѣ виновника по естеству, они вводятъ понятіе о большинствѣ по естеству. Здѣсь тоже, какъ если бы мы сказали: извѣстный челоуѣкъ мертвъ, а они сдѣлали бы наведеніе просто: челоуѣкъ мертвъ.

Но какъ умолчать намъ о томъ, что не меньше предъидущаго стоить быть упомянутымъ? Они говорятъ: Отецъ есть имя Божіе по сущности или по дѣйствию; и въ обоихъ случаяхъ хотять завязать насъ. Если скажемъ, что имя Божіе по сущности; то съ симъ вмѣстѣ допустимъ иносущіе Сына; потому что сущность Божія одна, и ее, какъ говорятъ они, предвосхитилъ уже Отецъ. А если — имя по дѣйствию; то очевидно признаемъ Сына твореніемъ, а не рожденіемъ. Ибо гдѣ дѣйствующій, тамъ непремѣнно и произведеніе. И можетъ ли сотворенное быть тождественно съ Сотворившимъ? — скажутъ они съ удивленіемъ. — Весьма бы уважилъ и я самъ ваше раздѣленіе, еслибы необходимо было принять одно изъ двухъ. Но справедливѣе бу-

детъ, избѣжавъ того и другаго, сдѣлать третіе положеніе, а именно сказать вамъ, премудрые, что Отецъ есть имя Божіе, не по сущности и не по дѣйствию, но по отношенію, какое имѣютъ Отецъ къ Сыну, или Сынъ къ Отцу. Ибо сіи наименованія, какъ у насъ показываютъ близость и сродство, такъ и тамъ означаютъ соестественность Родившаго съ Рожденнымъ. Но пусть будетъ слово: Отецъ, въ угодность вашу, означать и нѣкоторую сущность; тогда, по общимъ понятіямъ и по силѣ сихъ наименованій, Онъ введетъ съ Собою и Сына, а не отчуждитъ Его. А если угодно, пусть будетъ именемъ по дѣйствию; и въ семъ случаѣ не переспорите насъ. Мы утверждаемъ, что сіе самое, то-есть единосущіе, и было дѣвствомъ Отца; или иначе понятіе о такомъ дѣвствіи заключало бы въ себѣ нелѣпость.

Видишь ли, что мы избѣгаемъ вашихъ ухищреній, какъ ни хотѣлось вамъ одолѣть насъ? Но поелику мы узнали уже, сколько непреоборимы твои умозаключенія и ухищренные доводы, то посмотри, какова крѣпость твоихъ доказательствъ изъ слова Божія, если станешь убѣждать насъ и оними.

Ибо мы и познали и проповѣдуемъ Божество Сына, руководствуясь великими и высокими реченіями. Какими же? слѣдующими: Богъ, Слово, въ началѣ, съ началомъ, начало (*Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово, Іоан. 1, 1. и: съ Тобою начало, Пс. 103, 4. и еще: призванный ю отъ родовъ начало (д) Иса. 41, 4.*). А так-

(д) Илія послѣ сихъ словъ читалъ еще слѣдующія: «Ибо Пророкъ вводитъ самого Бога и Отца, Который задолго прежде

же наименованія: Сынъ едиnorodный (*Единородный Сынъ, сый въ лоноъ Отчи, Той исповѣда*, Иоан. 1, 18.), Путь, Истина, Жизнь, Свѣтъ (*Азъ есмь путь, истина и животъ*, Иоан. 14, 6. и еще: *Азъ есмь свѣтъ міру*, Иоан. 8, 12.), Премудрость, Сила (*Христосъ Божія сила и Божія премудрость*, 1 Кор. 1, 24.), Сіяніе, Образъ (*χαρακτήρ, εἰκὼν*), Печать (*Иже сый сіяніе славы и образъ (χαρακτήρ) впостаσι Его*, Евр. 1, 3. и еще: *образъ (εἰκὼν) благодѣтели*, Прем. 27, 6. и еще: *сего бо Отецъ знамена Богъ*, Иоан. 6, 27.), Господь, Царь, Сый, Вседержитель (*и Господь одожди огонь отъ Господа*, Быт. 19, 24. и еще: *железъ правости, железъ царствія Твоего*, Пс. 44, 7. и еще: *Сый, и иже бѣ, и грядый, Вседержитель*, Апок. 1, 8.) ясно приписываются Сыну, равно какъ и другія имѣющія съ сими одинаковую силу, и принадлежащія къ числу тѣхъ, изъ которыхъ ни одно не есть пріобрѣтенное и въ послѣдствіи усвоенное Сыну, или Духу, также какъ и самому Отцу; потому что Онъ совершенъ не чрезъ приращеніе, и не было, когда бы Онъ былъ безъ Слова, не было, когда бы Онъ былъ не Отецъ, не было, когда бы Онъ былъ не истиненъ, или не

описываетъ посланіе къ намъ Единороднаго Сына, совершенное по Божію совѣту, и говоритъ такъ: *Кто возстави отъ востока правду, призва ю къ ногамъ своимъ, и поидетъ дастъ предъ языки, и цари ужаситъ; и проженетъ я, и пройдетъ съ миромъ путь ногъ его: кто содѣла и сотвори сія? призва ю, призывая ю отъ родовъ начало. Азъ Богъ первый, и въ грядущая Азъ есмь (Ис. 41, 2—4).»*

премудръ, или не всемогущъ, или лишень жизни, или свѣтлости, или благодати.

Перечисли же и ты въ противоположность симъ реченіямъ тѣ, которыя отыскиваетъ твоя неблагодарность! Таковы суть: *Богъ мой и Богъ вашъ* (Іоан. 20, 17.), *болій* (Іоан. 14, 28.), *созда* (Прит. 8, 22.), *сотворилъ есть* (Дѣян. 2, 36.), *святѣ* (Іоан. 10, 36.). А если угодно, и слѣдующія: *рабъ* (Иса. 49, 3.), *послушливъ* (Фил. 3, 7.), *даде* (Іоан. 5, 22. 10, 29.), *навыче* (Евр. 5, 8.), *заповѣда* (Іоан. 14. 31.), *посла* (Іоан. 10, 36. 17, 3.), *не можетъ о себѣ что творити* (Іоан. 5, 30.), или говорить (Іоан. 12, 49.), или судить (Іоан. 12, 47.), или даровать (Матѣ. 20, 23.), или хотѣть (Матѣ. 26, 39.). А еще и тѣ, въ которыхъ приписывается Сыну не вѣдѣніе (Марк. 13, 32.), покорность (1 Кор. 15, 28.), молитва (Лук. 6, 12.), вопрошеніе (Іоан. 11, 34.), преспѣваніе (Лук. 2, 52.), совершеніе (Евр. 5, 9.). Присовокупи, если хочешь, и болѣе сихъ унижительныя реченія, на примѣръ: *спить* (Матѣ. 8, 24.), *алчеть* (Мат. 4, 7.), *утруждается* (Іоан. 4, 6.), *плачетъ* (Іоан. 11, 35.), *находится въ бореніи* (Лук. 22, 44.), *укрывается* (Іоан. 8, 59.). А можетъ-быть обратишь ты въ укоризну даже смерть и крестъ. Ибо не коснешься, какъ думаю, воскресенія и вознесенія; потому что въ нихъ найдется нѣчто и въ нашу пользу. Но и кромѣ сего можешь собрать многое, если захочешь ты себѣ составить соименнаго и сопричтеннаго Бога, когда у насъ есть Богъ истинный и равночестный Отцу.

Если и каждое изъ сихъ реченій разбирать въ отдѣльности; то не трудно будетъ объяснить тебѣ ихъ въ

смыслъ благочестномъ, устранивъ все, что въ Писаніяхъ служить для тебя преткновениемъ; ежели только дѣйствительно ты претыкаешься, а не съ намѣреніемъ толкуешь криво. Вообще же реченія болѣе возвышенныя относи къ Божеству и къ природѣ, которая выше страданій и тѣла, а реченія болѣе унижительныя—къ Тому, Кто Сложенъ, за тебя истощилъ Себя и воплотился, а не хуже сказать, и вочеловѣчился, потомъ же превознесенъ, чтобъ ты, истребивъ въ догматахъ своихъ все плотское и пресмыкающееся по землѣ, научился быть возвышеннѣе и восходить умомъ къ Божеству, а не оставившись на видимомъ, возносился къ мысленному и зналъ, гдѣ рѣчь объ естествѣ Божіемъ, и гдѣ объ Его домостроительствѣ. Ибо было, когда Сей, тобою нынѣ презираемый, былъ выше тебя. Нынѣ Онъ чловѣкъ, а былъ и несложенъ. Хотя пребылъ и тѣмъ, чѣмъ былъ Онъ; однакоже воспріялъ и то, чѣмъ не былъ. Въ началѣ былъ Онъ безъ причины; ибо что можетъ быть причиною Бога? Но въ послѣдствіи началъ бытіе по причинѣ, и причиною было — спасти тебя — ругателя, который презираешь Божество за то, что Оно приняло на Себя твою грубость, и посредствомъ ума вступило въ общеніе съ плотію; и дольній чловѣкъ сталъ Богомъ, послѣ того какъ соединился съ Богомъ и сталъ съ Нимъ едино; потому что препобѣдило лучшее, дабы и мнѣ быть богомъ, поколику Онъ сталъ чловѣкомъ. Онъ родился; но и прежде былъ рожденъ, — родился отъ жены, но и отъ Дѣвы, — родился чловѣчески, рожденъ Божески; здѣсь безъ отца, но и тамъ безъ матери; а все сіе есть знакъ

Божества. Онъ носимъ былъ во чревѣ, но узнавъ Пророкомъ, который самъ былъ еще во чревѣ, и *выгрался* предъ Словомъ, для Котораго получилъ бытіе (Лук. 1, 44.). Онъ повить былъ пеленами; но воскресши сложилъ съ Себя гробныя пелены. Положенъ былъ въ ясляхъ; но прославленъ Ангелами, указанъ звѣздою, почтенъ поклоненіемъ отъ волхвовъ. Какъ же ты находишь преткновеніе въ видимомъ, не обращая вниманія на умосозерцаемое? Онъ спасался бѣгствомъ во Египеть, но и все Египетское обратилъ въ бѣгство. Для Иудеевъ *не имяше ни вида, ни доброты* (Иса. 53, 2.); но для Давида *красенъ добротою паче сыновъ чловѣческихъ* (Пс. 44, 3.), но на горѣ молніеносенъ и свѣтозарнѣе солнца, чѣмъ и тайноводствуетъ къ будущему. Онъ крещенъ какъ чловѣкъ; но разрѣшилъ грѣхи какъ Богъ; — крещенъ не потому, что Самъ имѣлъ нужду въ очищеніи; но чтобъ освятить воды. Онъ былъ искушаемъ какъ чловѣкъ; но побѣдилъ какъ Богъ, но повелѣваетъ *дерзать*, какъ *Побѣдившій міръ* (Іоан. 16, 23.). Алкалъ; но напиталъ тысячи, но Самъ есть хлѣбъ животный и небесный (Іоан. 6, 33. 35.). Жаждалъ; но и возгласилъ: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ, и да пьетъ*, но и обѣщаль, что вѣрующіе источать воды живыя (Іоан. 7, 39.). Утруждался; но Самъ есть упокоеніе труждающихся и обременныхъ (Матѣ. 11, 28.). Его отягощаль сонъ; но Онъ легокъ на морѣ, но Онъ запрящаетъ вѣтрамъ, но Онъ подымлетъ утопающаго Петра. Даетъ дань; но изъ рыбы, но царствуетъ надъ собирающими дани. Его называютъ Самаряниномъ и имѣющимъ бѣса; однакожь Онъ спасаетъ

181.191.194.248

сходящаго отъ Иерусалима и впадшаго въ разбойники (Лук. 10, 30.), однакоже Онъ познается бѣсами, изгоняетъ бѣсовъ, посылаетъ въ бездну легіонъ духовъ, и видитъ вождя бѣсовскаго яко молнію спадша (Лук. 10, 19.). Въ Него мещуть камнями; но не могутъ взять Его. Онъ молится; но и внемлетъ молитвамъ. Плачетъ; но и прекращаетъ плачь. Спрашиваетъ, гдѣ положенъ Лазарь, потому что былъ человекъ; но и воскрешаетъ Лазаря, потому что былъ Богъ. Онъ продается, и за самую низкую цѣну — за тридцать сребренниковъ; но искупаетъ міръ, и высокою цѣною — собственною Своею кровію. Яко овца на закланіе ведется (Иса. 53, 7.); но Онъ — Слово, возвѣщаемое гласомъ вопіющаго въ пустыни (Иса. 40, 3). Былъ мученъ и язвенъ (Иса. 53, 5.); но исцѣляетъ всякъ недугъ и всяку язю (Матѣ. 4, 23.). Возносится на древо и пригвождается; но возстановляетъ насъ древомъ жизни, но спасаетъ распятаго съ Нимъ разбойника, но омрачаетъ все видимое. Напоевается оптомъ, вкушаетъ желчь; но кто же Онъ? — Претворившій воду въ вино, Истребитель горькаго вкушенія, сладость и весь желаніе (Пѣсн. Пѣсн. 5, 16.). Предаетъ душу; но область имать паки пріяти ю (Іоан. 10, 18.); но раздирается завѣса, потому что горнее дѣлается открытымъ; но разсѣдаются камни, но возстаютъ мертвые. Умираетъ; но животворитъ и разрушаетъ смертію смерть. Погребается; но возстаетъ. Нисходитъ въ адъ; но возводитъ изъ него души, но восходитъ въ небеса; но придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и подвергнуть истязанію подобныя твоимъ слова. Если одни реченія служатъ

для тебя поводомъ къ заблужденію; то другія да разсѣютъ твое заблужденіе!

Такой даемъ отвѣтъ говорящимъ загадочно — даемъ не охотно (потому что для вѣрныхъ неприятно пустословить и препираться словами — для нихъ довольно и одного противника, 1 Тим. 5, 14.), однакоже даемъ по необходимости, для нападающихъ (потому что и лекарства существуютъ для болѣзней), чтобъ узнали они, что не во всемъ они мудры и не неодолимы въ своихъ излишнихъ и упраздняющихъ Евангеліе мудрованіяхъ. Ибо когда, оставивъ вѣру, предпочитаемъ ей силу слова, и несомнѣнность Духа уничтожимъ своими вопросами, а потомъ слово наше препобѣждено будетъ величіемъ предметовъ (сіе же необходимо послѣдуетъ, когда словомъ движетъ немощное орудіе — наша мысль); тогда чтѣ бываетъ? — Немощь слова представляется намъ недостаточностію самаго таинства; и такимъ образомъ лѣпота слова обращается въ уничтоженіе Креста, какъ разсуждаетъ о семъ и Павелъ (1 Кор. 1, 17.). Ибо восполненіе нашего ученія есть вѣра.

Но Ты, *возвѣщай соузы и разрѣшай сокровенна* (Дан. 5, 12.), наводящій и насъ на разумъ, какъ сводитъ наросты насильственно вторгающихся ученій, измѣнивъ сихъ наипаче, содѣлай изъ хитрослововъ вѣрными и изъ именуемыхъ нынѣ — Христіанами! Къ сему и убѣждаемъ васъ, о семъ и молимъ *по Христу, примиритесь съ Богомъ* (2 Кор. 5, 20.), и *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19.); лучше же сказать, да примирится съ вами Христосъ, и хотя поздно, да возсіяетъ вамъ Духъ!

Если же вы чрезъ-мѣру упорны; то по крайней мѣрѣ для себя самихъ спасемъ мы Троицу и спасемъ Троицею, пребывая *чисти и непреткновенни* (Филип. 1, 10.) до совершеннаго явленія того, что для насъ вождельнно, о самомъ Христѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 30,

О ВОГОСЛОВІИ ЧЕТВЕРТОЕ,

о Богъ Сынъ второе.

Ухищренныя твои доводы и сплетенія умозаключеній достаточно поколебаль я силою Духа, а также на возраженія и противоположенія изъ божественныхъ Писаній (которыя святотатцы истины, скрадывая смыслъ написаннаго, склоняють на свою сторону многихъ, и возмущають путь истины) дано уже мною общее рѣшеніе, и рѣшеніе, сколько самъ себя увѣряю, для благомыслящихъ не не ясное, а именно: тѣ реченія Писанія, которыя болѣе возвышенны и боголѣпны, приложилъ я къ Божеству, а тѣ, которыя болѣе низки и челоуѣкообразны, отнесъ къ новому насъ ради Адаму и къ Богу, содѣлавшемуся страждущимъ въ борьбѣ съ грѣхомъ. Но, поспѣшая словомъ, не разсмотрѣлъ я каждого изъ такихъ реченій въ отдѣльности. Поелику же ты, чтобъ не увлечься толкованіями имѣющими видъ вѣроятности, требуешь краткихъ рѣшеній и на сіи реченія; то, для облеченія памяти раздѣливъ числами, подведу ихъ подъ общій обзоръ.

Первое и особенно готовое у нихъ изреченіе есть слѣдующее: *Господь созда мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Притч. 8, 22.). Какъ отвѣчать на сіе? Не станемъ ни обвинять Соломона, ни отвергать прежняго за послѣднее его паденіе, ни толковать, что здѣсь представлена говорящую Премудрость, то-есть то вѣдѣніе и тотъ художническій умъ, по которымъ все сотворено. Ибо Писаніе часто олицетворяетъ многія даже и бездушныя вещи, на примѣръ: *море рече* то и то (Иса. 23, 4.), и *бездна рече: нѣсть во мнѣ* (Іов. 28, 14.); также *небеса* представлены *повѣдающими славу Божію* (Пс. 18, 1.), и мечу повелѣвается нѣчто (Зах. 13, 7.), горы и холмы вопрошаются о причинахъ възгнанія (Пс. 113, 6.). Но не будемъ отвѣчать подобнымъ сему образомъ, хотя нѣкоторые прежде насъ и выдавали сіе за нѣчто твердое. Напротивъ того положимъ, что это слова самого Спасителя—истинной Премудрости, и рассмотримъ ихъ нѣсколько внимательнѣе. Какое изъ существъ не имѣетъ причины? Божество. Ибо никто не скажетъ намъ причины Бога; иначе она была бы первоначальнѣе самого Бога. Но какая причина тому, что Богъ ради насъ пріемлетъ человѣчество? — Та, чтобъ всѣ мы были спасены. Ибо какой быть иной причинѣ? Итакъ поелику здѣсь находимъ и слово: *созда*, и другое ясное реченіе: *раждаетъ мя* (Притч. 8, 25.); то объясненіе просто. Сказанное съ присовокупленіемъ причины припишемъ человѣчеству, а сказанное просто, безъ присовокупленія причины, отнесемъ къ Божеству. Но не слово ли: *созда*, сказано съ присовокупленіемъ причины? Ибо Соло-

монъ говорить: *созда мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя. Дѣла же рукъ Его истина и судъ* (Пс. 110, 7), для которыхъ помазанъ Онъ Божествомъ; потому что сіе помазаніе относится къ чело­вѣчеству. Но слово: *раждаетъ мя*, употреблено безъ присовокупленія причины; иначе укажи, что къ нему прибавлено. Итакъ кто будетъ спорить, что Премудрость называется твореніемъ по рожденію дольнему, и раждаемою — по рожденію первому и болѣе непостижимому?

Изъ сего происходитъ и то, что Сыну дается наименованіе раба, *благослужаща многимъ* (Иса. 53, 11.), и что Ему *веле естъ еже назватися рабомъ Божіимъ* (Ис. 49, 6.). Ибо дѣйствительно, для нашего освобожденія, послужилъ Онъ плоти, рожденію, немощамъ нашимъ и всему, чѣмъ спасъ содержащихъ подъ грѣхомъ. А для низости чело­вѣка что выше того, какъ соединиться съ Богомъ, и чрезъ такое соединеніе стать Богомъ и столько быть по­сѣщену *Востокомъ свыше* (Лук. 1, 78.), чтобы и *раждаемое свято нареклось Сыномъ* Вышняго (Лук. 1, 35.), и даровано было Ему имя, *еже па­че всякаго имени* (а это что иное, какъ не тоже, что быть Богомъ?), чтобы *всякое коленно поклонилось* (Филип. 2, 9. 10.) Истошившему Себя за насъ, и образъ Божій Срастворившему съ зракомъ раба, чтобы *разумль весь домъ Израилевъ, яко и Господа и Христа Его Богъ сотворилъ естъ* (Дѣян. 2. 36.)? Ибо сіе было, какъ по дѣйствию Рожденнаго, такъ и по благоволенію Родителя.

А что занимаетъ второе мѣсто между важнѣйшими для нихъ и непреборимыми реченіями? — По-

добаетъ бо Ему царствовать, дондеже, и проч. (1 Кор. 15, 25.), небеси пріяти до лѣтъ устроения (Дѣян. 3, 21.) и имѣть сѣденіе одесную до покоренія враговъ (Евр. 1, 13.). Чтѡжь послѣ того? перестанетъ царствовать? сойдетъ съ небесъ? Кто жъ, и по какой причинѣ, положитъ конецъ Его царствованію? Какой ты дерзкій и не терпящій надъ собою царя толкователь! Впрочемъ и ты знаешь, что царствію Его не будетъ конца (Лук. 1, 33.). Но *н* впадаешь въ заблужденіе по незнанію, что слово: *дондеже*, не всегда противопологается будущему времени, а напротивъ того, означая время до извѣстнаго предѣла, не исключаетъ и послѣдующаго за симъ предѣломъ. Иначе (не говорю о другомъ чемъ) какъ будешь разумѣть слова: буду съ вами до скончанія вѣка (Матѣ. 28, 20.)? Ужели такъ, что послѣ сего не будетъ Онъ съ нами? Чтѡ за разсужденіе! Но ты погрѣшаешь не отъ одного сего незнанія, но и отъ того, что не различаешь значеній. Сынъ именуется царствующимъ, — въ одномъ смыслѣ, какъ Вседержитель и Царь хотящихъ и нехотящихъ, а въ другомъ, какъ приводящій насъ къ покорности, и подчинившій Своему царствію тѣхъ, которые добровольно признаемъ Его Царемъ. И царствію Его, если разумѣть оное въ первомъ значеніи, не будетъ конца; а если разумѣть во второмъ, будетъ ли какой конецъ? — Тотъ, что насъ спасенныхъ приметъ подъ руку Свою (ибо покорившихся нужно ли еще приводить къ покорности?); а потомъ возстанетъ судья земли (Пс. 93, 3.) и отдѣлитъ спасаемое отъ погибающаго; потомъ станетъ Богъ посреди боговъ спасенныхъ, чтобъ разсудить и опредѣлить, кто ка-

Т. III.

6

кой достоинъ славы и обители. Присовокупи къ сему и ту покорность, какою ты покоряешь Сына Отцу! Что говоришь? развѣ Сынъ не покоренъ теперь? Но, будучи Богомъ, Онъ совершенно долженъ покорствовать Богу. Или о какомъ разбойникѣ и противникѣ Божіемъ слово у тебя? Напротивъ того возми во вниманіе слѣдующее. Какъ за меня названъ клятвою (Гал. 3, 13.) Разрѣшающій мою клятву, и грѣхомъ (2 Кор. 5, 21.) *Вземляй грѣхъ мѣра* (Іоан. 1, 29.), и Адамъ изъ ветхаго дѣлается новымъ; такъ и мою непокорность, какъ Глава цѣлаго тѣла, дѣлаетъ Онъ Своею непокорностію. Посему доколѣ я непокоренъ и мятеженъ своими страстями и тѣмъ, что отрекаюсь отъ Бога, дотолѣ и Христось, единственно по мнѣ, называется непокорнымъ. А когда все будетъ покорено Ему (покорится же, поколику познаетъ Его и перемѣнится); тогда и Онъ, приведя меня спасеннаго, исполнилъ Свою покорность. Ибо въ семъ именно, по моему по крайней мѣрѣ разсужденію, состоитъ покорность Христова — въ исполненіи воли Отчей. Покоряетъ же и Сынъ Отцу, и Отецъ Сыну, поколику Одинъ дѣйствуетъ, и Другій благоволитъ (какъ сказано мною прежде). И такимъ образомъ Покорившій представляетъ покоренное Богу, усвоя Себѣ нашу покорность.

√ Такое же, кажется мнѣ, значеніе имѣютъ слова: *Боже, Боже мой, вонми Ми, вскую оставилъ Мя еси* (Пс. 21, 1.)? Ибо не Самъ Онъ оставленъ или Отцемъ, или собственнымъ Божествомъ, Которое (какъ думаютъ нѣкоторые) убоилось будто бы страданія, и потому сокрылось отъ страждущаго (кто

принудилъ Его, или въ-началѣ родиться на землѣ или взойти на крестъ?); но (какъ говорилъ уже я) въ лицѣ Своемъ изображаетъ насъ. Мы были прежде оставлены и презрѣны, а нынѣ воспріаты и спасены страданіями Безстрастнаго. Подобно сему усвоетъ Онъ Себѣ и наше неразуміе и нашу грѣховность, какъ видно изъ продолженія Псалма; потому что двадцать-первый Псаломъ явно относится ко Христу.

Подъ тотъ же взглядъ подходитъ и то, что Онъ *навыче послушанію отъ сихъ, яже пострада*, а также Его *воплъ, слезы, молитва, услышаніе и благоговѣнство* (Евр. 5, 7. 8.); — все это совершается и чудеснымъ образомъ совокупляется отъ нашего лица. Самъ Онъ, какъ Слово, не былъ ни послушливъ, ни непослушливъ (такъ какъ то и другое свойственно подчиненнымъ и второстепеннымъ, и одно добронравнымъ, а другое достойнымъ наказанія), но, какъ *зракъ раба* (Фил. 2, 7.), снисходитъ къ сорабамъ и рабамъ, приѣмлетъ на Себя чужое подобіе, представляя въ Себѣ всего меня и все мое, чтобъ истощить въ Себѣ мое худшее, подобно тому, какъ огонь истребляетъ воскъ, или солнце — земный паръ, и чтобъ мнѣ, чрезъ соединеніе съ Нимъ, приобщиться свойственнаго Ему. Посему собственнымъ Своимъ примѣромъ возвышаетъ Онъ цѣну послушанія, и испытываетъ оное въ страданіи; потому что недостаточно было одного расположенія, какъ недостаточно бываетъ и намъ, если не сопровождаемъ его дѣлами *ибо дѣло слу-* 205
жить доказательствомъ расположенія. Но можетъ-быть не хуже предположить и то, что Онъ под-

вергаетъ испытанію наше послушаніе и все измѣряетъ Своими страданіями, водясь искусствомъ Своего челоѡколюбія, дабы собственнымъ опытомъ дознать, что для насъ возможно, и сколько должно съ насъ взыскивать, и намъ извинять, если при страданіяхъ принята будетъ во вниманіе и немощь. Ибо ежели и *Свѣтъ*, который, по причинѣ покроя (а), *свѣтитъ во тьмѣ* (Іоан. 1, 5), то-есть въ сей жизни, гонимъ былъ другою тьмою (разумію лукаваго и искушителя); то кольми паче потерпитъ сіе, по своимъ немощамъ, тьма (б). И что удивительнаго, ежели мы, когда Свѣтъ совершенно избѣжалъ, бываемъ нѣсколько настагаемы? По правому о семъ разсужденію, для Него болѣе значитъ быть гонимымъ, нежели для насъ — быть настигнутыми. Присовокуплю къ сказанному еще одно мѣсто, которое приходитъ мнѣ на память и очевидно ведетъ къ той же мысли, а именно: *въ немже бо пострада, Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи* (Евр. 2, 18.).

✓ Будетъ же *Богъ всяческая во вѣхъ* (1 Кор. 15, 23.) во время устроенія (Дѣян. 3, 21.), то-есть не одинъ Отецъ, совершенно разрѣшившій въ Себя Сына, какъ свѣчу, которая извлечена на-время изъ большаго костра, а потомъ опять въ него вложена (Савелліане не соблазнятъ насъ такимъ изреченіемъ), но всецѣлый Богъ, притомъ когда и мы, которые теперь, по своимъ движеніямъ и страстямъ, или

(а) Плоти.

(б) Человѣкъ.

вовсе не имѣемъ въ себѣ Бога, или мало имѣемъ, перестанемъ быть многимъ, но содѣлаемся всецѣло богоподобными, вмѣщающими въ себѣ всецѣлаго Бога и Его единого. Вотъ то совершенство, къ которому мы поспѣшаемъ! И о немъ-то особенно намекаетъ самъ Павелъ. Ибо что говоритъ онъ здѣсь неопредѣленно о Богѣ, то въ другомъ мѣстѣ ясно присволяетъ Христу. Въ какихъ же словахъ? — *Идѣже нѣсть Еллинъ, ни Иудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и Скиѣвъ, рабъ и свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 11.).

Въ третьемъ мѣстѣ поставь реченіе: *болій* (Іоан. 14, 23.), и въ четвертомъ: *Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17.).

✓ Еслибы сказано было: *болій*, но не сказано: *равень* (Іоан. 5, 18—21.); то сіе реченіе имѣло бы можетъ-быть у нихъ нѣкоторую силу. Когда же находимъ то и другое сказаннымъ ясно; что возражать сіи неустрашимые? чѣмъ подкрѣпятся? какъ согласятъ несоглашаемое? Ибо не возможно, чтобъ одно и то же въ-разсужденіи одного и того же и въ одинакомъ отношеніи было и больше и равно.

✓ Не явно ли, что Отецъ больше Сына по виновности, и равень по естеству? А сіе и исповѣдуемъ мы весьма здравомысленно. Развѣ иный, подвизаясь еще крѣпче за наше ученіе, присовокупить: имѣющее бытіе отъ такой Вины не меньше Безвиновнаго; ибо что отъ Безначальнаго, то причастно славы Безначальнаго; а къ сему присовокупляется и рожденіе, которое, для имѣющихъ умъ, само по себѣ важно и досточтимо. Но мысль, что Отецъ больше Сына, разсматриваемаго по чловѣчеству,

хотя справедлива, однакоже маловажна. Ибо что удивительнаго, если Богъ больше человѣка?

✓ Таковъ нашъ отвѣтъ да будетъ тѣмъ, которые много кричатъ о словѣ: *болій*; о словѣ же *Богъ* скажемъ: Отецъ называется Богомъ не Слова, но видимаго (ибо какъ быть Богомъ Того, Кто въ собственномъ смыслѣ Богъ?), равно какъ и Отцемъ не видимаго, но Слова. Ибо во Христѣ два естества; а потому въ отношеніи къ обоимъ естествамъ имена: Богъ и Отецъ, употребляются, частію собственно, частію же несобственно, и противоположно тому, какъ говорится сіе о насъ; потому что Богъ есть нашъ Богъ собственно, но Отецъ нашъ — несобственно. Исіе-то самое, то-есть сочетаніе именъ, и притомъ именъ, изъ которыхъ одни другими замѣняются по причинѣ соединенія естествъ, вводитъ въ заблужденіе еретиковъ. А доказательствомъ такого замѣненія служитъ то, что, когда естества различаются въ понятіяхъ, тогда раздѣляются и имена. Послушай, какъ говорятъ Павелъ: *да Богъ Господа нашего Иисуса Христа, Отецъ славы* (Еф. 1, 17.). Богъ Христа, а славы Отецъ; хотя то и другое одно, но не по естеству, а по совокупности оныхъ. Чтò можетъ быть яснѣе сего?

✓ Въ-пятыхъ считай реченія, по которымъ Сынъ пріемлетъ жизнь или судъ (Іоан. 5, 26. 27.), или наслѣдіе народовъ (Пс. 2, 8.), или власть *всякія плоти*, или славу, или учениковъ (Іоан. 17, 2. 6. 22.), или тому подобное. И сіе относится къ чело-вѣчеству. А если приишешь и Богу, не будетъ несообразности; потому что припишешь не какъ

приобрѣтенное, но какъ отъ начала принадлежавшее, и притомъ по естеству, а не по благодати.

(Въ-шестыхъ положи реченіе: *не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже, аще не еже видить Отца творца* (Іоан. 5, 19.). Въ-разсужденіи сего должно замѣтить, что слова: *можетъ и не можетъ, не въ одномъ смыслѣ употребляются, но многозначительны.* Иное называется невозможнымъ по недостатку силъ въ извѣстное время и на извѣстное дѣйствіе; на примѣръ: ребенокъ не можетъ бороться, щенокъ—видѣть, или драться съ такимъ-то, но со-временемъ будетъ можетъ-быть и бороться, и видѣть, и драться съ такимъ-то, хотя съ другимъ драться и тогда останется для него невозможнымъ. Иное бываетъ невозможнымъ въ большей части случаевъ; на примѣръ: *не можетъ градъ укрытися верху горы стояй* (Матѣ. 5, 14.). Но въ иномъ случаѣ могъ бы онъ и укрыться, если бы загороженъ былъ большею горою. Иное невозможно по несообразности; на примѣръ: *еда могутъ сынове брачній поститися, елико время въ домѣ женихъ* (Матѣ. 9, 15. Марк. 2, 19.), или тѣлесно видимый Женихъ (ибо въ Его присутствіе время не злостраданій, но веселія), или умосозерцаемое Слово (ибо должны ли тѣлесно поститься очищенные Словомъ?). Иное невозможно по недостатку воли; на примѣръ: *не можаше ту сотворить знаменій, за невѣрствіе приѣмлющихъ* (Марк. 11, 5. 6.). Поелику при исцѣленіяхъ нужны и вѣра врачуемыхъ и сила врачующаго; то по недостатку одного дѣлалось невозможнымъ и другое. Но не знаю, не причислить ли и сего къ невозможному по несообразности? Ибо

несообразно было бы исцѣлить поврежденныхъ невѣріемъ. Невозможность по недостатку воли выражается также въ словахъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ* (Іоан. 7, 7) и: *како можете доброглаголати, зли суще* (Матѳ. 12, 34.)? Ибо почему было бы невозможно то или другое, если не потому, что нѣтъ на сіе воли? А иногда называется невозможнымъ и то, что, хотя не возможно по природѣ, однакоже могло бы стать возможнымъ по волѣ Божіей; на примѣръ: не возможно тому же челоуку *родитися второе* (Іоан. 3, 4.), и невозможна игла принимающая въ себя верблюда (Матѳ. 19, 80.). Ибо что препятствовало бы и сему быть, если бы стало то угодно Богу? Но внѣ всѣхъ сихъ невозможностей совершенно невозможное и несбыточное; и оно-то составляетъ предметъ настоящаго изысканія. Какъ признаемъ невозможнымъ, чтобъ Богъ былъ золь или не существовалъ (сіе показывало бы въ Богѣ безсиліе, а не силу), или чтобъ существовало не существующее, или чтобъ дважды два было вмѣстѣ и четыре и десять; такъ не возможно и ни съ чѣмъ не совмѣстимо, чтобъ Сынъ творилъ что-либо такое, чего не творитъ Отецъ. Ибо все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ Сыну; какъ и обратно, принадлежащее Сыну принадлежитъ Отцу. Итакъ ничего нѣтъ собственнаго; потому что все общее. И самое бытіе у Нихъ общее и равночестное, хотя бытіе Сына и отъ Отца. Потому и говорится: *Азъ живу Отца ради* (Іоан. 6, 57.), не въ томъ смыслѣ, что жизнь и бытіе Сына поддерживаются отъ Отца, но въ томъ, что Сынъ отъ Отца существуетъ довременно и безвиновно. Что же значать сло-

ва: какъ видитъ творящаго Отца, такъ и творить? Ужели и здѣсь тоже, что видимъ въ списывающихъ картины или писмена, которые не иначе могутъ написать вѣрно, какъ смотря на подлинникъ и имъ руководствуясь? Возможно ли Премудрости имѣть нужду въ Учителѣ, или то одно и дѣлать, чему научена? Какъ же творить, или творилъ Отецъ? Ужели Онъ создалъ другой міръ прежде настоящаго, и создастъ будущій, а Сынъ, смотря на нихъ, какъ настоящій создалъ, такъ и будущій создастъ? Итакъ по сему разсужденію четыре міра: два — твореніе Отца, и два — твореніе Сына. Какое неразуміе! Но Сынъ очищаетъ проказы, освобождаетъ отъ бѣсовъ и болѣзней, животворить мертвыхъ, ходитъ по морю и совершаетъ все прочее, что Имъ сотворено; надъ кѣмъ же и когда совершалъ сіе прежде Сына Отецъ? Не явно ли, что одни и тѣже дѣла Отецъ предначертываетъ, а Слово приводитъ въ исполненіе, не рабски и слѣпо, но съ вѣдѣніемъ и владычественно, точнѣе же сказать, отечески. Такъ понимаю я слова: что сотворено бываетъ Отцемъ, *сія и Сынъ такожде творитъ*, не въ подражаніе сотворенному, но по равночестію власти. И сіе означается, можетъ-быть, словами: *доселъ и Отецъ дѣлаетъ и Сынъ* (Іоан. 5, 17.), въ которыхъ впрочемъ разумѣется не одно сотвореніе, но также домостроительство и сохраненіе сотвореннаго; какъ видно изъ словъ: *творитъ Ангелы Своя духи, и основываетъ землю на тверди ея* (Пс. 103, 4. 5.), тогда какъ земля водружена и Ангелы сотворены однажды; также: *утверждаетъ громъ и созидаетъ вѣтръ* (Амос. 4, 13.), тогда какъ законъ для нихъ

данъ однажды, дѣйствіе же и нынѣ постоянно продолжается.

✓ Въ-седьмыхъ считай реченіе, что Сынъ сошелъ съ небеси, не да творитъ волю Свою, но Пославшаго (Іоан. 6, 18.). Если бы сіе сказано было не самимъ Снисшедшимъ, то мы отвѣтили бы, что слова сіи произнесены отъ лица чловѣка, не какого разумѣемъ мы въ Спасителѣ (Его хотѣніе, какъ всецѣло обоженное, не противно Богу), но подобнаго намъ, потому что чловѣческая воля не всегда слѣдуетъ, но весьма часто противорѣчить и противоборствуетъ волѣ Божіей. Ибо такъ понимаемъ и слова: *Отче, аще возможно, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хочу*, но да превозможетъ воля Твоя (Матѣ. 26, 39.); да и невѣроятно, чтобъ Христось не зналъ, что возможно, и что нѣтъ, и чтобъ сталъ противопологать одну волю другой. Но поелику это рѣчь Воспріавшаго (что значитъ слово: *снисшедый*), а не воспріятаго; то дадимъ слѣдующій отвѣтъ: Сіе говорится не потому, что собственная воля Сына дѣйствительно есть отличная отъ воли Отца, но потому, что нѣтъ такой воли, и смыслъ заключающійся въ словахъ таковъ: «не да творю волю Мою; потому что у Меня нѣтъ воли, отдѣльной отъ Твоей воли, но есть только воля общая и Мнѣ и Тебѣ. Какъ Божество у Насъ одно, такъ и воля одна.» Ибо много такихъ выраженій, въ которыхъ говорится вообще, и не утвердительно, но отрицательно. На примѣръ: *не въ мѣру бо даетъ Богъ Духа* (Іоан. 3, 34.); между тѣмъ какъ ни Богъ не даетъ, ни Духъ неизмѣряемъ; потому что Богъ не измѣряется Богомъ. И еще: *ниже грѣхъ*

мой, ниже беззаконіе мое (Пс. 58, 4.); тогда какъ рѣчь не о дѣйствительномъ грѣхѣ, но о такомъ, котораго нѣтъ. Также: не ради правды нашихъ, яже сотворихомъ (Дан. 9, 18.), то-есть потому, что мы не сотворили правды. Тоже самое открывается и изъ послѣдующаго. Ибо чтѣ называется волею Отца? — да всякъ вѣруй въ Сына спасенъ будетъ, и сподобится послѣдняго воскресенія (Іоан. 6, 40.). Ужели же на сіе есть воля Отца, а воли Сына нѣтъ? Или и то не по волѣ Сына, что о Немъ благовѣствуютъ, или въ Него вѣрують? Но кто сему повѣритъ? Иначе такую же имѣетъ силу и то, что слово, слышимое отъ Сына, нѣсть слово Сына, но Отца (Іоан. 14, 24.). Но съ какой стороны ни смотрю, не могу найдти, а думаю не найдеть и другой кто, какимъ бы образомъ общее было собственностію кого-либо одного. Если такъ будешь разсуждать о волѣ; то разсужденіе твое будетъ правильно и весьма благочестиво, въ чемъ я увѣряю, и чтѣ подтвердить всякій благомыслящій.

✓ Въ-осьмыхъ представляютъ они изреченія: да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога, и Егоже послалъ еси, Иисусъ-Христа (Іоан. 17,3.). И: никтоже благъ, токмо единъ Богъ (Лук. 18,19.). Но мнѣ кажется, что весьма легко дать на сіе рѣшеніе. Ибо если слова: *единого истиннаго*, приложить къ Отцу, то какое дашь мѣсто самосушей Истинѣ? А если такимъ же образомъ понимать будешь реченія: *единому премудрому Богу* (1 Тим. 1,17.); *единому имѣющему безсмертіе, во свѣтлѣ живущему неприступнѣму* (1 Тим. 6,16.); *царю вѣковъ, неплотному, невидимому, единому премуд-*

рому Богу (1, 18.); то погибнетъ у тебя Сынъ, осужденный на смерть, или на тьму, или на то, чтобъ не быть ни премудрымъ, ни царемъ, ни невидимымъ, ни, что главнѣе всего, вовсе Богомъ. А вмѣстѣ съ прочимъ, какъ не утратить Ему и благодати, которая преимущественно принадлежитъ единому Богу? Но думаю, что слова: единого истиннаго Бога, сказаны въ отличеніе отъ боговъ несуществующихъ, но нарицаемыхъ богами. Ибо не было бы присвоено: и *Егоже послалъ еси Иисусъ-Христа*, если бы реченіе: *истиннаго Бога*, противопологалось Христу, а не вообще шла рѣчь о Божествѣ. Слова же: *никтоже благъ*, заключаютъ въ себѣ отвѣтъ вопрошающему законнику, который признавалъ благодать во Христѣ, какъ въ человѣкѣ. Онъ говоритъ, что благо въ высочайшей степени принадлежитъ единому Богу, хотя и человѣкъ называется благимъ, на примѣръ: *благій человѣкъ отъ благаго сокровища износитъ благое* (Матѣ. 12, 35.). И: *дамъ царство лучшему* (*τῷ ἀγαθῷ*) *паче тебе* (1 Цар. 15, 28.), говоритъ Богъ Сауду, имѣя въ виду Давида. Также: *ублажи Господи благія* (Пс. 124, 4.). Сюда же относятся мѣста, гдѣ похвалены тѣ изъ насъ, до которыхъ достигли потоки перваго Блага, хотя и не непосредственно. И такъ, если я убѣдилъ тебя, то хорошо; а если нѣтъ, что скажешь, по своимъ предположеніямъ, въ отвѣтъ утверждающимъ, что въ другихъ мѣстахъ Писанія Сынъ называется единымъ Богомъ! А гдѣ именно? — въ слѣдующихъ словахъ: *Сей Богъ твой, не вѣнится инъ къ Нему*, и вскорѣ потомъ: *посемъ на земли явися, и съ чловѣки пожие* (Варух. 3, 36.

38.). Что сіе сказано не объ Отцѣ, а о Сынѣ, это показывается послѣднее присовокупленіе. Ибо Сынъ сообщился съ нами тѣлесно и пребывалъ съ дольними. Если же одержитъ верхъ та мысль, что сіе сказано не противъ мнимыхъ боговъ, а противъ Отца; то въ-разсужденіи Отца будемъ побѣждены тѣмъ самымъ, что старались противопоставить Сыну. Но что можетъ быть бѣдственнѣе и вреднѣе того, какъ уступить надъ собою такую побѣду?

Въ-девятыхъ указываютъ слѣдующее реченіе: *всегда живъ сый во еже ходатайствовати о насъ* (Евр. 7, 25). Что жъ? и весьма таинственно, и весьма челоуѣколюбиво! Ибо ходатайствовать значить здѣсь, не отищенія искать, по обычаю многихъ ходатаевъ (что было бы нѣкоторымъ образомъ унижительно), но молить за насъ, въ качествѣ посредника, какъ и о Духѣ говорится, что онъ ходатайствуетъ о насъ (Рим. 8, 26). *Единъ бо есть Богъ, и единъ Ходатай Бога и челоуѣковъ, челоуѣкъ Іисусъ Христосъ* (1 Тим. 2, 5.). Ибо Онъ, какъ челоуѣкъ (потому что еще съ тѣломъ, какое воспринялъ), и нынѣ молится о моемъ спасеніи, пока не содѣлаетъ меня богомъ, силою Своего челоуѣчества, хотя *ктому не разумваемъ Его по плоти* (2 Кор. 5, 16),— понимаю подъ симъ плотскія немощи и все наше, кромѣ грѣха. Такъ и *ходатая имаы Іисуса* (1 Иоан. 2, 1) не въ томъ смыслѣ, что Онъ унижается за насъ предъ Отцемъ, и рабски припадаетъ (да будетъ далека отъ насъ такая подлинно рабская и недостойная Духа мысль! не свойственно и Стцу сего требовать, и Сыну терпѣть сіе, да и несправедливо думать такъ о Богѣ), но въ томъ, что, пострадавъ за насъ какъ

человѣкъ, убѣждаетъ симъ насъ къ терпѣнію какъ Слово и Совѣтникъ. Сіе разумѣю я подѣ именемъ ходатайства (*παράκλησις*).

- √ Въ десятихъ ставится у нихъ невѣдѣніе, и то, что никто не знаетъ послѣдняго дня или часа, ни самъ Сынъ, токмо Отецъ (Марк. 13, 32.). Но какъ чего-либо изъ сущихъ не знать Премудрости, Творцу вѣковъ, Совершителю и Обновителю, Тому, Кто есть конецъ всего сотвореннаго, и такъ же знаетъ Божіе, какъ духъ человѣка знаетъ, *яже въ немъ* (1 Кор. 2, 11.)? Ибо что совершеннѣе такого знанія? Да и какъ Сыну, Который подробно знаетъ, что будетъ предѣ послѣднимъ часомъ, и какъ - бы во время конца, не знать самаго конца? Это походило бы на загадку и равнялось тому, какъ еслибы сказать о комъ, что онъ подробно знаетъ находящееся передѣ стѣною, но не знаетъ самой стѣны, или хорошо знаетъ конецъ дня, но не знаетъ начала ночи, хотя знаніе объ одномъ необходимо влечетъ за собою знаніе о другомъ. Ибо для всякаго явно, что Сынъ знаетъ, какъ Богъ, приписываетъ же Себѣ незнаніе какъ человѣкъ, поколику только видимое можетъ быть отдѣляемо отъ умопредставляемаго.
- √ Таковую мысль подаетъ и то, что наименованіе Сына поставлено здѣсь отрѣшенно и безотносительно, то есть безъ присовокупленія: чей Онъ Сынъ, чтобъ разумѣли мы сіе невѣдѣніе въ смыслѣ болѣе сообразномъ съ благочестіемъ, и приписывали оное человечеству, а не Божеству. Итакъ, если достаточно сего объясненія, остановимся на немъ, и не будемъ входить въ дальнѣйшія изслѣдованія; а если нѣтъ, представимъ и второе толкованіе. Какъ все прочее,

такъ и вѣдѣніе важнѣйшихъ тайнъ относи къ Причинѣ изъ уваженія къ Родителю. Но мнѣ кажется, что и тотъ составилъ себѣ не низкое понятіе, кто, съ однимъ изъ нашихъ любослововъ, сталъ бы читать сіе мѣсто такъ: и Сынъ не по иному чему знаетъ день или часъ, какъ потому, что знаетъ Отецъ. Ибо какое изъ сего заключеніе? Поелику знаетъ Отецъ, а посему знаетъ и Сынъ; то явно что ни для кого сіе неизвѣстно и непостижимо, кромѣ первой Причины.

Оставалось бы объяснить намъ тѣ мѣста, въ которыхъ говорится, что Сыну заповѣдано (Іоан. 14, 3.), что Имъ соблюдены заповѣди (Іоан. 15, 10.), что Сынъ *угодная* Отцу *всегда творитъ* (Іоан. 8, 24.), также тѣ, въ которыхъ приписывается Сыну совершеніе (Евр. 5, 9.), вознесеніе (Дѣян. 2, 33.), навывкновеніе *отъ сихъ, яже пострадала, послушанію* (Евр. 5, 8.), первосвященство (Евр. 9, 4.), *приношеніе* (Ефес. 5, 2.), *моленіе къ Могущему спасти Его отъ смерти* (Евр. 6, 7.), бореніе, кровавый потъ (Лук. 22, 44.), молитва, и другое сему подобное; оставалось бы, говорю, объяснить таковыя мѣста, еслибы не было очевидно для всякаго, что реченія сіи относятся къ естеству, которое подлежитъ страданіямъ, а не къ естеству, которое неизмѣнимо и выше страданій. И какъ о противоположныхъ реченіяхъ сказано столько, что можетъ сіе служить нѣкоторымъ корнемъ и указаніемъ для имѣющихъ болѣе искусства обработать предметъ совершеннѣе; такъ можетъ-быть стоить труда и сообразно съ сказаннымъ доселѣ, не оставить безъ разсмотрѣнія наименованія Сына (которыя и многочисленны и взяты отъ различныхъ умопред-

ставленій о Сынѣ), но объяснить значеніе каждаго и открыть тайну имени. Начать же сіе должно съ слѣдующаго :

✓ Божество именуемо. Не одинъ разумъ показываетъ сіе, но, сколько можно догадываться, мудрѣйшіе и древнѣйшіе изъ Евреевъ. Ибо тѣ, которые почтили Божество особенными начертаніями и не потерпѣли, чтобъ тѣми же буквами были писаны и имя Божіе и имена тварей, которыя ниже Бога, дабы Божество даже и въ этомъ съ ними было не сообщимо, могли ли когда рѣшиться разсѣивающимся голосомъ произнести имя естества неразрушаемаго и единственнаго? Какъ никто и никогда не вдыхалъ въ себя всего воздуха; такъ ни умъ не вмѣщалъ совершенно, ни голосъ ни обнималъ, Божіей сущности. Напротивъ, къ изображенію Бога заимствуя нѣкоторыя черты изъ того, что окрестъ Бога, составляемъ мы какое-то не ясное и слабое, по частямъ собранное изъ того и другаго, представленіе, и лучший у насъ Богословъ не тотъ, кто все нашелъ (эти узы (в) не вмѣстятъ въ себя всего!), но тотъ, чье представленіе обширнѣе, и кто образовалъ въ себѣ болѣе полное подобіе, или оттѣнокъ (или, какъ бы ни назвать сіе) истины. Посему, сколько для насъ удобопостижимо, наименованія: *Сый* и *Богъ*, суть нѣкоторымъ образомъ наименованія сущности, особливо же таково имя: *Сый*, не потому только, что Вѣщавшій Моисею на горѣ, когда вопрошенъ былъ о имени, какъ именовать Его, Самъ нарекъ

(в) То-есть тѣло человеческое.

Себѣ имя сіе, и повелѣлъ сказать народу : *Сый посла мя* (Исх. 3, 14.), но и потому, что наименованіе сіе находимъ наиболѣе свойственнымъ Богу. Ибо имя *Θεός* (Богъ), которое искусные въ корнесловіи производятъ отъ *θεῖν* (бѣжать) или *αἰθεῖν* (жечь), по причинѣ приснодвижимости и силы истреблять худое (почему Богъ именуется и огнемъ истребляющимъ, (Второз. 4, 24.)), есть имя относительное, а не отрѣшенное, подобно какъ и имя: *Господь*, которое также принадлежитъ къ наименованіямъ Божиимъ. Ибо сказано: *Азъ Господь Богъ, сіе Мое есть имя* (Ис. 42, 8.); также: *Господь имя Ему* (Амос. 4, 13.). Но мы ищемъ имени, которымъ бы выражалось естество Божіе, или самобытность, и бытіе ни съ чѣмъ другимъ не связанное. А имя: *Сый*, дѣйстви-тельно принадлежитъ собственно Богу и всецѣло Ему одному, а не кому-либо прежде и послѣ Него; потому что и не было и не будетъ чѣмъ-либо огра-ничено или пресѣчено. Что касается до другихъ именъ Божіихъ, то нѣкоторыя очевиднымъ образомъ означаютъ власть, а другія домостроительство, и послѣднее, частію до воплощенія, частію по воплощеніи. Напримѣръ: *Вседержитель* и *Царь* или *славы* (Пс. 23, 10.), или *вѣковъ* (1 Тим. 1, 17.), или *силъ*, или *возлюбленнаго* (Пс. 67, 13.), или *царствующиихъ* (1 Тим. 6, 15.), и *Господь Саваоѣъ*, или, что то же, *Господь воинствъ* (г).

(г) У Иорока Исаи въ гл. 3 ст. 15. въ Славянскомъ перево-дѣ читается: *глаголетъ Господь Саваоѣъ*, а по нѣкоторымъ Греческимъ изданіямъ читается: *φησὶ Κύριος, Κύριος στρατιῶν*, т. е. *глаголетъ Господь, Господь воинствъ*.

Т. III.

7

(Иса. 3, 15.), или *сила* (Амос. 6, 8.), или *господствующиихъ* (1 Тим. 6, 15.), — явнымъ образомъ суть имена власти. А: *Богъ еже спасати* (Пс. 67, 21.), *Богъ или отмщеній* (Пс. 93, 1.), или *мира* (Рим. 10, 20.), или *правды* (Пс. 4, 2.), *Богъ Авраамовъ, Исааковъ, Иаковъ* (Исх. 3, 6.) и всего духовнаго Израиля, который видитъ Бога, — суть имена домостроительства. Поелику нами управлять можно посредствомъ страха наказаній, надежды спасенія, а также славы, и чрезъ упражненіе въ добродѣтеляхъ; то отсюда заимствованы предъидушія имена, и имя Бога отмщеній назидаетъ въ насъ страхъ, имя Бога спасеній — надежду, и имя Бога добродѣтелей — подвижничество, чтобъ преуспѣвающій въ чемъ-либо изъ сказаннаго; какъ-бы нося въ себѣ Бога, тѣмъ паче поспѣшалъ къ совершенству и сближенію съ Богомъ посредствомъ добродѣтелей. Сверхъ того имена сія суть общія наименованія Божества; собственное же имя Безначальнаго есть Отецъ, безначально-Рожденнаго — Сынъ, и нерожденно-Испеждаго или Исходящаго — Духъ Святой.

Но перейдемъ къ именованіямъ Сына, о которыхъ и предположено говорить въ словѣ. Мнѣ кажется, что Онъ именуется:

Сыномъ, потому что онъ тождественъ съ Отцемъ по сущности, и не только тождественъ, но и отъ Отца.

Единороднымъ (Іоан. 1, 18.), потому что Онъ не только Единный изъ Единаго и единственно-Единный, но и единственнымъ образомъ, а не какъ тѣла.

Словомъ (Іоан. 1, 1.); потому что Онъ такъ относится къ Отцу, какъ слово къ уму, не только по безстрастному рожденію, но и по соединенію съ Отцемъ, и потому, что изъявляетъ Его. А иной сказалъ бы можетъ-быть, что относится къ Отцу, какъ опредѣленіе къ опредѣляемому; потому что и опредѣленіе называется словомъ. Ибо сказано, что познавшій (таково значеніе слова: *видѣвшій*, Іоан. 14, 9.) Сына позналъ Отца, и Сынъ есть сокращенное и удобное израженіе Отцаго естества, такъ какъ и всякое порожденіе есть безмолвное слово родившаго. Но не погрѣшитъ въ словѣ, кто скажетъ, что Сынъ именуется Словомъ, какъ соприсущій всему существу. Ибо что стоитъ не Словомъ ?

Премудростію (1 Кор. 1, 25.), какъ вѣдѣніе Божескихъ и человѣческихъ дѣлъ. Ибо Сотворшему возможно ли не знать законовъ сотвореннаго Имъ ?

Силою (1 Кор. 1, 25.), какъ Охранитель тварей и Податель силъ къ продолженію бытія.

Истиною (Іоан. 14, 6.), какъ единое, а не множественное, по естеству (ибо истинное единственно, а ложь многолична); какъ чистая печать и нелживѣйшій образъ Отца.

Образомъ (2 Кор. 4, 4.), какъ Единосущный, и потому что Онъ отъ Отца, а не Отецъ отъ Него, ибо самая природа образа состоитъ въ томъ, чтобы быть подражаніемъ первообразу, и тому, чьимъ называется онъ образомъ. Впрочемъ здѣсь болѣе обыкновеннаго образа. Ибо тамъ и недвижимое бываетъ образомъ движимаго; а здѣсь живаго Бога — живой Образъ, болѣе имѣющій съ Нимъ сходства, нежели Снѣгъ съ Адамомъ и всякое порожденіе — съ родив-

шимъ. Ибо такова природа существъ простыхъ, что они не могутъ въ одномъ сходствовать, а въ другомъ не сходствовать; напротивъ, цѣлое бываетъ изображеніемъ цѣлаго, и притомъ болѣе похожимъ, нежели слѣпокъ.

Свѣтомъ (Іоан. 8, 12.), какъ свѣтлость душъ, очищенныхъ въ умѣ и жизни. Ибо если невѣдѣніе и грѣхъ — тѣма; то вѣдѣніе и жизнь Божественная — свѣтъ.

Жизнію (Іоан. 14, 6.); потому что Онъ свѣтъ, опора и осуществленіе всякой разумной природы. *О Немъ бо живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28.), по двоякой силѣ вдохновенія, — и по дыханію жизни, которое вдохнулъ Онъ во всѣхъ, и по Духу Святому, Котораго даетъ вмѣщающимъ и по мѣрѣ того, какъ отверзаемъ уста разумнія.

Правдою (1 Кор. 1, 30.); потому что раздѣляетъ по достоинству, правдиво судить и тѣхъ, которые подъ Закономъ, и тѣхъ, которые подъ Благодатію, и душу и тѣло, чтобъ одна начальствовала, а другое состояло подъ начальствомъ, чтобъ лучшее владычествовало надъ худшимъ, а худшее не возставало противъ лучшаго.

Освященіемъ (1 Кор. 1, 30.), какъ чистота, чтобы Чистое вмѣщаемо было чистотою.

Избавленіемъ (1 Кор. 1, 30.), какъ освобождающей насъ содержимыхъ подъ грѣхомъ, какъ давшей Себя за насъ въ искупленіе, въ очистительную жертву за вселенную.

Воскрешеніемъ (1 Іоан. 11, 25.), какъ преселяющей насъ отсель, и умерщвленныхъ грѣхомъ вводящей въ жизнь.

Сіи имена принадлежать еще вообще и Сущему выше насъ и Сущему ради насъ; собственно же намъ свойственныя и принадлежащія воспринятому Имъ челоѳчеству суть слѣдующія:

Человѣкъ (1 Тим. 2, 5.), чтобъ Невмѣстимый иначе для тѣлеснаго, по причинѣ необъемлемости естества, не только сдѣлался вмѣстимымъ чрезъ тѣло; но и освятилъ Собою челоѳка, содѣлавшись какъ-бы закваскою для цѣлаго смѣшенія, всего челоѳка освободилъ отъ осужденія, соединивъ съ Собою осужденное, ставъ за всѣхъ всѣмъ, что составляетъ насъ, кромѣ грѣха, — тѣломъ, душею, умомъ, — всѣмъ, что проникла смерть. А общее изъ всего этого есть челоѳкъ, по умозозерцаемому видимый Богъ.

Сынъ челоѳческой (Іоан. 3, 18.) и чрезъ Адама, и чрезъ Дѣву, отъ которыхъ родился (отъ одного, какъ отъ Праотца, отъ другой, какъ отъ Матери) и по закону и сверхъ законовъ рожденія.

Христосъ, по Божеству; ибо само помазаніе освящаетъ челоѳчество не дѣйствіемъ своимъ, какъ въ другихъ помазанникахъ, но всецѣлымъ присутствіемъ Помазующаго. И слѣдствіемъ сего помазанія то, что Помазующій именуется челоѳкомъ, а помазуемое дѣлается Богомъ.

Путь (Іоан. 14, 6.), какъ чрезъ Себя ведущій насъ.

Дверь (Іоан. 10, 9.), какъ вводитель.

Пастырь (Іоан. 10, 11.), какъ вселяющій на мѣсть злачиль, воспитывающій на водѣ покойиль (Пс. 22, 2.), путевождствующій отсель, защищающій

отъ звѣрей, обращающій заблудшаго, отыскивающій погибшаго, обязывающій сокрушившагося, берегающій крѣпкаго (Иезек. 34, 4.), и вѣщаніями пастырскаго искусства собирающій въ тамошнюю ограду.

Овца (Иса. 53, 7.), какъ закление.

Агнецъ (1 Петр. 1, 19.), какъ совершенный.

Архіерей (Евр. 4, 14.), какъ дарующій намъ доступъ. .

Мелхиседекъ (Евр. 7, 3.), какъ рожденный безъ матери по естеству высшему нашего, и безъ отца — по естеству нашему, какъ не имѣющій родословія по горнему рожденію, ибо сказано: *родъ Его кто исповѣсть?* (Иса. 53, 8.); какъ царь Салима, то-есть мира, какъ царь правды, и какъ приѣмлющій десятину отъ патриарховъ, которые мужественно подвизались противъ лукавыхъ силъ.

Имѣешь предъ собою наименованія Сына. Ществуй по онимъ; и если они высоки, то шествуй — божественно, а если тѣлесны, то — подобострастно, лучше же сказать, — совершенно божественно, чтобъ и тебѣ стать богомъ, восшедшимъ отъ земли чрезъ Снисшедшаго ради насъ свыше. А паче всего и прежде всего наблюдай сказанное, и не погрѣшишь въ высокихъ и низкихъ наименованіяхъ. *Иисусъ Христосъ вчера и днесъ тѣлесно, тойже духовно и во вѣки* (Евр. 13, 8.) вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 31,

О ВОГОСЛОВІИ ПЯТОЕ,

о Святомъ Духѣ.

Таково слово о Сынѣ, и такъ избѣжало побивающихъ камнями, *прошедъ посредъ ихъ* (Іоан. 8, 59.); потому что слово не побивается камнями, но само, когда хочетъ, и камнями и пращею поражаетъ звѣрей, то-есть ученія, съ злымъ умысломъ приступающія къ горѣ! Теперь спрашиваютъ: «Что жъ скажешь о Святомъ Духѣ? Откуда вводишь къ намъ чуждаго и незнаемаго по Писанію Бога?» И это говорятъ даже тѣ, которые умѣренно разсуждаютъ о Сынѣ! Ибо что видимъ въ дорогахъ и рѣкахъ, которыя и отдѣляются одна отъ другой и вмѣстѣ сходятся, то, по преизбытку нечестія, бываетъ и здѣсь; разнствующіе въ одномъ соглашаются въ другомъ; отъ-чего не возможно до подлинности узнать, что пріемлется ими согласно, и что оспаривается.

Правда, что слово о Духѣ не безъ затрудненій, не только потому, что противники, обезсиленные словами о Сынѣ, тѣмъ съ большимъ жаромъ борются противъ Духа (а имъ непременно надобно въ чемъ

нибудь нечестивать, иначе и жизнь для нихъ безъ жизни), но и потому, что мы сами, подавленные множествомъ вопросовъ, находимся въ такомъ же положеніи, къ какомъ бывають люди, которые теряють охоту къ пищѣ, какъ скоро одна снѣдь возбудила въ нихъ къ себѣ отвращеніе. Какъ для нихъ равно непріятна всякая пища, такъ и для насъ всякое слово. Впрочемъ подасть Духъ; и слово потечетъ, и Богъ прославится. Но тщательно размысливать и разбирать, въ сколькихъ значеніяхъ берутся и употребляются въ Божественномъ Писаніи слова: *Духъ* и *Святый*, собирать свидѣтельства въ пользу умозрѣнія, и доказывать, что кромѣ сего въ особенномъ смыслѣ берется реченіе, составленное изъ обоихъ сихъ словъ, именно: *Духъ Святый*, — предоставляю другимъ, которые любознательствовали о семъ и для себя, и для насъ, такъ какъ и мы любознательствуемъ о семъ для нихъ. А самъ обращусь къ продолженію слова.

Тѣ, которые негодуютъ на насъ за Духа Святаго, будто бы вводимъ какого-то чуждаго и сопричисляемаго Бога, и которые крѣпко стоятъ за букву, пусть знаютъ, что они убоялись страха, гдѣ нѣтъ страха (Псал. 13, 5.), и пусть ясно выразумѣють, что ихъ привязанность къ буквѣ есть только прикровеніе нечестія, какъ вскорѣ окажется, когда по мѣрѣ силъ опровергнемъ ихъ возраженія. А мы такъ смѣло вѣримъ Божеству Духа, Которому и поклоняемся, что, относя къ Троицѣ одиѣ и тѣже реченія (хотя сіе и кажется для иныхъ нѣсколько дерзновеннымъ), начнемъ Богословіе такъ. *Бъ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго че-*

ловька, грядущаго въ міръ (Іоан. 1, 3.), то-есть Отець. *Бъ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго чловѣка, грядущаго въ міръ*, то-есть Сынъ. *Бъ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго чловѣка, грядущаго въ міръ*, то-есть другой Утѣшитель. *Бъ и бѣ и бѣ*; но *бѣ* едино. Свѣтъ, и Свѣтъ, и Свѣтъ; но единый Свѣтъ, единый Богъ. Тоже самое еще прежде представилъ и Давидъ, сказавъ: *во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Пс. 35, 10.). И мы нынѣ и узрѣли и проповѣдуемъ краткое, ни въ чемъ не излишествующее Богословіе Троицы, отъ Свѣта — Отца пріавъ Свѣтъ—Сына во Свѣтъ—Духъ. *Преступай да преступаетъ, и беззаконуй да беззаконствуетъ* (Иса. 21, 2.); но мы, что уразумѣли, то и проповѣдуемъ. Если бы не услышали насъ снизу, взойдемъ на высокую гору, и оттолѣ будемъ вопіять. Возвысимъ Духа, не убоимся. А если убоимся, то — безмолвствовать, а не проповѣдовать. Если было, когда не былъ Отець; то было, когда не былъ Сынъ. Если было, когда не былъ Сынъ; то было, когда не былъ Духъ Святый. Если Одинъ былъ отъ начала; то были Три. Если низлагаешь одного; то смѣю сказать, и говорю: не утверждай, что превозносишь Двоихъ. Ибо что пользы въ несовершенномъ Божествѣ? Лучше же сказать, что за Божество, если Оно несовершенно? А какъ можетъ быть совершеннымъ, если недостаетъ чего-либо къ совершенству? Но недостаетъ чего-то Божеству, не имѣющему Святаго. И какъ имѣть сіе, не имѣя Духа? Ежели есть другая какая Святость, кромѣ Духа; то пусть скажутъ, что подъ нею разумѣть должно. А если сія самая; то можно

ли не быть Ей отъ начала? Развѣ лучше для Бога быть нѣкогда несовершеннымъ и безъ Духа? Если Духъ не отъ начала; то Онъ ставится на-ряду со мною, или не много выше меня; потому что временемъ отдѣляемся мы отъ Бога. Если ставится въ одинъ рядъ со мною, то какъ Онъ меня дѣлаетъ богомъ, или какъ соединяетъ съ Божествомъ?

Но лучше полюбомудрствую съ тобою о Духѣ, начавъ нѣсколько выше, ибо о Троицѣ мы уже разсуждали. Саддукеи не признавали даже и бытія Духа (такъ какъ не признавали ни Ангеловъ, ни воскресенія); не знаю, почему презрѣли они столь многія свидѣтельства о Духѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ. А изъ язычниковъ, лучшіе ихъ богословы и болѣе къ намъ приближающіеся имѣли представленіе о Духѣ, какъ мнѣ это кажется, но не соглашались въ наименованіи, и называли Его Умомъ міра, Умомъ внѣшнимъ, и подобно тому. Что же касается до мудрецовъ нашего времени, то одни почитали Его дѣйствованіемъ, другіе тварію, иные Богомъ, а иные не рѣшались сказать о Немъ ни того ни другаго, изъ уваженія, какъ говорятъ они, къ Писанію, которое будто бы ничего не выразило о семъ ясно; почему они не чтутъ и не лишаютъ чести Духа, оставаясь къ Нему въ какомъ-то среднемъ, вѣрнѣе же сказать, весьма жалкомъ расположеніи. Даже изъ признавшихъ Его Богомъ, одни благочестивы только въ сердцѣ, а другіе осмѣливаются благочествовать и устами. Но слышалъ я о другихъ еще болѣе мудрыхъ измѣрителяхъ Божества, которые, хотя согласно съ нами исповѣдуютъ Трехъ умосозерцаемыхъ, однакоже столько раздѣ-

ляют Ихъ между собою, что Одного полагаютъ безпредѣльнымъ и по сущности и по силѣ, Другаго — безпредѣльнымъ по силѣ, но не по сущности, а Третяго — ограниченнымъ въ томъ и другомъ, подражая, въ иномъ только видѣ, тѣмъ, которые именуютъ Ихъ Создателемъ, Содѣйственникомъ, и Служителемъ, изъ порядка именъ и благодати заключая о постепенности Именуемыхъ. Ни слова не скажемъ какъ недопускающимъ даже бытія Духа, такъ и языческимъ суесловамъ, чтобы не умащать слова елеемъ грѣшныхъ, а съ прочими побесѣдуемъ слѣдующимъ образомъ.

Необходимо должно предположить, что Духъ Святой есть что-нибудь или самостоятельное, или въ другомъ представляемое; а первое знающіе въ этомъ называютъ *сущностию*, послѣднее же — *принадлежностию*. Посему, если Духъ есть принадлежность, то Онъ будетъ дѣйствованіемъ Божиимъ. Ибо чѣмъ назвать Его тогда, кромѣ дѣйствования, и чимъ дѣйствованіемъ, кромѣ Божія? Такое же положеніе и приличіе и не вводитъ сложности. И если Онъ дѣйствованіе; то безъ сомнѣнія будетъ производимымъ, а не производящимъ, и вмѣстѣ съ производствомъ прекратится. Ибо таково всякое дѣйствованіе. Но какъ же Духъ и *дѣйствуетъ* (1 Кор. 12, 11.), и говоритъ (Матѣ. 10, 20.), и отдѣляетъ (Дѣян. 13, 2.), и оскорбляется (Ефес. 4, 30.), и бываетъ *разгнѣванъ* (Ис. 63, 10.), и производитъ все то, что свойственно движущему, а не движенію? Если же Духъ есть сущность, а не принадлежность сущности; то надобно будетъ предположить, что Онъ или тварь, или Богъ. Ибо сред-

ниго чего-либо между тварію и Богомъ, или непричастнаго ни тому ни другому, или сложнаго изъ того и другаго, не выдумаютъ и тѣ, которые созидаютъ Трагеларовъ. Но если тварь; то какъ же въ Него вѣруемъ? какъ въ Немъ совершаемся? Ибо не одно и тоже значить вѣровать во что, и вѣрить чему. Вѣруемъ мы въ Божество, а вѣримъ всякой вещи. Но если Богъ, а не тварь; то Онъ уже не произведеніе, не сослужбное, и вовсе не что-либо изъ носящихъ низкія имена.

Теперь за тобою слово; пусть мешутъ твои пращи; пусть соплетаются твои умозаключенія! «Духъ, безъ сомнѣнія, есть или не рожденное, или рожденное. И если не рожденное; то два безначальныхъ. А если рожденное; то (опять подраздѣляешь) рожденъ или отъ Отца, или отъ Сына. И если отъ Отца; то два Сына и Брата (придумай, если хочешь, что они или близнецы, или одинъ старше, а другой моложе; ибо ты крайне плотолюбивъ!). А если отъ Сына; то (скажешь) явился у насъ Богъ — внукъ? Но можетъ ли что быть страннѣ сего?» Такъ разсуждаютъ тѣ, которые *мудри, еже творити злая* (Іер. 4, 25.), а добраго написать не хотятъ. Но я, находя дѣленіе необходимымъ, принялъ бы Именуемыхъ, не убоявшись именъ. Ибо когда Сынъ есть Сынъ въ нѣкоторомъ высшемъ отношеніи, и кромѣ сего имени, никакимъ другимъ не можемъ означить того, что отъ Бога и единосуцно съ Богомъ; то не должно думать, что уже необходимо переносить на Божество и всѣ дольнія наименованія даже нашего родства. Или можетъ — быть ты предположишь и Бога-мужа на томъ основа-

ніа, что Богъ именуется и Отцемъ, и Божество, (*ἡ Θεότης*), по силѣ самаго наименованія, признаешь чѣмъ-то женскимъ, Духа же — ни мужемъ, ни женой, потому что не раждаетъ. А если еще дашь волю своему воображенію, и скажешь по старымъ бреднямъ и баснямъ, что Богъ родилъ Сына отъ хотѣнія Своего, то вотъ уже у насъ введенъ Богъ — вмѣстѣ мужъ и жена, какъ у Маркіана и Валентина, выдумавшаго новыхъ Эоновъ. Но поелику мы не принимаемъ перваго твоего дѣленія, по которому не допускается ничего средняго между нерожденнымъ и рожденнымъ; то твои братья и внуки тотчасъ же исчезаютъ вмѣстѣ съ симъ пресловутымъ дѣленіемъ, и подобно многосложному узлу, у котораго распущена первая петля, сами собою распадаются и удаляются изъ богословія. Ибо скажи мнѣ, гдѣ помѣстить Исходящее, Которое въ твоемъ дѣленіи оказывается среднимъ членомъ, и введено лучшимъ тебя Богословомъ — нашимъ Спасителемъ; если только, слѣдуя третьему своему завѣту, не исключилъ уже ты изъ Евангелія и сего реченія: *Духъ Святой, Иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26.)? Поелику Онъ отъ Отца исходитъ; то не тварь. Поелику не есть рожденное; то не Сынъ. Поелику есть среднее между Нерожденнымъ и Рожденнымъ; то Богъ. Такъ избѣжавъ сѣтей твоихъ умозаключеній, оказывается Онъ Богомъ, Который крѣпче твоихъ дѣленій!

«*Посему что же есть исхождение?*» Объясни ты мнѣ нерожденность Отца; тогда и я отважусь естествословить о рожденіи Сына и объ исхожденіи Духа, тогда, припикнувъ въ тайны Божіи, оба мы

придемъ въ изумленіе, — мы , которые не можемъ видѣть у себя подъ ногами , и *исчестъ песка морскаго и капли дождевыя и дни вѣка* (Сир. 1, 2.), не только-что вдаваться въ глубины Божіи и судить объ естествѣ столько неизглаголанномъ и неизъя-снимомъ.

Ты говоришь: «Чего же не достаетъ Духу, чтобъ быть Сыномъ? Ибо еслибы ни въ чемъ не было недостатка; то онъ былъ бы Сыномъ.» — Мы не говоримъ, чтобъ чего-нибудь не доставало. Ибо въ Богѣ нѣтъ недостатка. Но разность (скажу такъ) проявленія или взаимнаго соотношенія производитъ разность и Ихъ наименованій. Ибо и Сыну ничего не недостаетъ , чтобъ быть Отцемъ (такъ какъ Сынство не есть недостатокъ); но Онъ не есть еще по сему Отецъ. Въ противномъ случаѣ, и Отцу недостаетъ чего-то, чтобъ быть Сыномъ; потому что Отецъ — не Сынъ. Но сіе не означаетъ недостатка (откуда быть ему?) и убавленія въ сущности. Это самое — быть нерожденнымъ , раждаться и исходить, даетъ наименованія , первое — Отцу, второе — Сыну, третіе — Святому Духу, о Которомъ у насъ слово , такъ что неслитность трехъ Влостасей соблюдается въ единомъ естествѣ и достоинствѣ Божества. Сынъ не Отецъ; потому что Отецъ одинъ; но тоже, что Отецъ. Духъ не Сынъ, хотя и отъ Бога; потому что Единородный одинъ; но тоже, что Сынъ. И Три — едино по Божеству; и Единое — три по личнымъ свойствамъ, такъ что нѣтъ ни единаго — въ смыслѣ Савелліевомъ, ни трехъ — въ смыслѣ нынѣшняго лукаваго раздѣленія.

«Итакъ что жъ? Духъ есть Богъ?» — Безъ со-

мнѣнія. «И единосущенъ?» — Да; потому что Богъ. «Укажи же мнѣ, продолжаешь ты, чтобъ отъ одного и того же одинъ былъ сынъ, а другой не сынъ, и и притомъ оба были односущны, тогда и я допущу Бога и Бога». — Укажи же и ты мнѣ инаго Бога, и иное Божіе естество; и тогда представлю тебѣ самую Троицу съ тѣми же именами и именуемыми. А если Богъ одинъ, и высочайшее Естество одно, — то откуда возму для тебя подобіе? Или станешь опять искать его въ вещахъ дольнихъ и окружающихъ тебя? Хотя крайне стыдно, и не только стыдно, но большею частію бесполезно, подобіе горняго брать въ дольномъ, неподвижнаго — въ естествѣ текущемъ, и, какъ говоритъ Исаія, *испытывать мертвыя о живыхъ* (Иса. 8, 19.); однакоже попытаюсь, въ угожденіе твое, и отсюда извлечу нѣчто въ помощь слову. Но объ иномъ думаю умолчать; хотя изъ исторіи животныхъ можно представить много, частію намъ, частію немногимъ, извѣстнаго о томъ, какъ художественно устроила природа рожденія животныхъ. Ибо сказываютъ, что не только отъ однородныхъ родятся тождеродныя, а отъ разнородныхъ инородныя, но и отъ разнородныхъ тождеродныя, а отъ однородныхъ инородныя. А если кто вѣритъ сказанію; то есть и иной образъ рожденія, именно: животное само себя истребляетъ и само изъ себя рождается. Но есть и такія животныя, которыя, по щедродаровитости природы, перераждаются, изъ одного рода превращаясь и претворяясь въ другой. Даже отъ одного и того же иное есть не порожденіе, а другое порожденіе, впрочемъ то и другое единосущно, что нѣкоторымъ образомъ

ближе подходит къ настоящему предмету. Но я, представивъ одинъ примѣръ, собственно насъ касающійся и всѣмъ извѣстный, перейду къ другому разсужденію. Что былъ Адамъ? — тварь Божія. А Ева? — часть сея твари. А Сиѣъ? — порожденіе обоихъ. Итакъ не примѣчаешь ли, что тварь, часть и порожденіе тождественны? — Какъ не видѣть? — И единосущны они, или нѣтъ? — Почему же не такъ? — И такъ признано, что и различно происшедшіе могутъ быть одной сущности. Говорю же сіе не съ тѣмъ, чтобъ твореніе или отдѣленіе, или иное что нибудь тѣлесное перенести и на Божество (да не нападаетъ на меня еще какой-нибудь словопра- тель!), а чтобъ все сіе служило какъ-бы образомъ умосозерцаемаго. Но не возможно, чтобъ взятое для сравненія во всемъ совершенно соотвѣтствовало истинѣ. «И къ чему это?» спрашиваешь. «Не одного лица было одно порожденіемъ, а другое чѣмъ-то инымъ.» Чтожь изъ сего? Развѣ Ева и Сиѣъ не отъ одного Адама? — Отъ кого же инаго? — Или оба они порожденіе Адама? — Ни мало. — А что же такое? — Ева — часть, а Сиѣъ — порожденіе. — Однакожь оба они тождественны между собою; потому что оба человѣки, въ чемъ никто не будетъ спорить. И такъ перестанешь ли препираться противъ Духа и утверждать, что Онъ непременно или порожденіе, или не единосущенъ и не Богъ, хотя и въ сродномъ человѣку открываемъ возможность нашего мнѣнія? И ты, думаю, одобрилъ бы оное, если бы не обучился слишкомъ упорствовать и спорить противъ очевидности.

Но ты говоришь: «Кто поклонялся Духу? Кто

изъ древнихъ, или изъ новыхъ? Кто молился Ему? Гдѣ написано, что должно Ему поклоняться и молиться? Откуда ты взялъ сіе?»—Удовлетворительнѣйшую на сіе причину представляю тебѣ въ послѣдствіи, когда буду рассуждать о неписанномъ. А теперь достаточно будетъ сказать одно то, что въ Духъ мы поклоняемся и чрезъ Него молимся. Ибо сказано: *Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, Духомъ, и истинною достоинъ кланятися* (Іоан. 4, 24.). И еще: *о чесомъ бо помолимся, яко же подобаетъ, не въмы, но самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ въздыханіи неизглаголанными* (Рим. 8, 26.). И еще: *помолюся Духомъ, помолюся же и умомъ* (1 Кор. 14, 15.), то-есть во умѣ и въ Духъ. Итакъ поклоненіе или моленіе Духомъ, по моему мнѣнію, означаетъ не иное что, а то, что Духъ самъ Себѣ приноситъ молитву и поклоненіе. Неужели не одобрить сего кто-нибудь изъ мужей богодухновенныхъ, хорошо знающихъ, что поклоненіе Единому есть поклоненіе Тремъ, по равночестности въ Трехъ достоинства и Божества?

Меня не устрашить я то, что, по сказанному, *все* получило бытіе Сыномъ (Іоан. 1, 3.), какъ будто подъ словомъ *все* заключается и Духъ Святыи. Ибо не просто сказано: *все*, но: *все, еже бысть*. Не Сыномъ Отець, не Сыномъ и все то, что не имѣло начала бытія. Посему докажи, что Духъ имѣлъ начало бытія, и потомъ отдавай Его Сыну, и сопричисляй къ тварямъ. А пока не докажешь сего; всеобъемлемостію слова ни мало не можешь нечестію. Ибо если Духъ имѣлъ начало бы-

тія, то безъ сомнѣнія Христомъ; я самъ не буду отрицать сего. А если не имѣлъ; то почему заключаться Ему подъ словомъ: *все*, или быть чрезъ Христа? Итакъ перестань и худо чувствовать Отца, возставая противъ Единороднаго (ибо худое то чувствованіе, когда лишаешь Его Сына, и вмѣсто Сына даешь превосходнѣйшую тварь), и худо чувствовать Сына, возставая противъ Духа. Сынъ не создатель Духа, какъ чего-то Ему сослужебнаго; но прославляется съ Нимъ, какъ съ равночестнымъ. Не ставь на-ряду съ собою ни Единого изъ Троицы, чтобъ не отпасть тебѣ отъ Троицы; и ни у Единого не отнимай Божескаго естества и равной достопоклоняемости, чтобъ съ отнятіемъ Единого изъ Трехъ не было отнято все, лучше же сказать, чтобъ тебѣ не отпасть отъ всего. Лучше имѣть недостаточное понятіе объ единствѣ, нежели со всею дерзостію предаваться нечестію.

Теперь касается слово мое самаго главнаго. И хотя скорблю, что нынѣ возобновляется вопросъ, давно уже умершій и уступившій мѣсто вѣрѣ, однакожь на насъ, которые имѣемъ Слово и стоимъ за Духа, лежитъ необходимость противостать привязчивымъ охотникамъ до споровъ и не отдаваться беззащитно въ плѣнъ. Они говорятъ: «Если Богъ, Богъ и Богъ; то какъ же не три Бога? И Славимое тобою не есть ли многоначаліе?» — Кто жъ говоритъ сіе? Тѣ ли, которые усовершенались въ нечестіи, или и тѣ, которые занимаютъ второе мѣсто, то-есть благомысленнѣ другихъ разсуждаютъ о Сынѣ? Хотя есть у меня общее слово къ тѣмъ и другимъ; однакожь есть и особенное къ послед-

нимъ, именно же слѣдующее. Чтѣ скажете намъ — троебожникамъ вы, которые чтите Сына, хотя и отступились отъ Духа; развѣ и вы не двоебожники? Если отречетесь и отъ поклоненія Единородному; то явно станете на сторонѣ противниковъ. И тогда нужно ли будетъ оказывать вамъ челоуѣколюбіе, какъ будто не совершенно еще умершимъ? А если вы чтите Сына, и въ этомъ отношеніи еще здравы; то спросимъ васъ, чѣмъ защитите свое двоебожіе, если бы кто сталъ обвинять васъ? Ежели есть у васъ слово смышленное; отвѣчайте, укажите и намъ путь къ отвѣту. Тѣхъ же доводовъ, какими отразите вы отъ себя обвиненіе въ двоебожіи, достаточно будетъ и для насъ противъ обвиненія въ троебожіи. А такимъ образомъ одержимъ мы верхъ, употребивъ васъ — обвинителей въ защитники себѣ. Чтѣ же благороднѣе этого? Какой же у насъ общій отвѣтъ, какое общее слово тѣмъ и другимъ?

У насъ одинъ Богъ, потому что Божество одно. И къ Единому возводятся сущіе отъ Бога, хотя и вѣруется въ Трехъ; потому что какъ Одинъ не больше, такъ и Другой не меньше есть Богъ; и Одинъ не прежде, и Другой не послѣ: Они и хотѣніемъ не отдѣляются, и по силѣ не дѣлятся; и все то не имѣетъ мѣста, чтѣ только бываетъ въ вещахъ дѣлимыхъ. Напротивъ того, если выразиться короче, Божество въ Раздѣленныхъ недѣлимо, какъ въ трехъ солнцахъ, которыя заключены одно въ другомъ, одно раствореніе свѣта. Посему когда имѣемъ въ мысли Божество, первую причину и единачаліе; тогда представляемое нами — одно. А

когда имѣемъ въ мысли Тѣхъ, въ Которыхъ Божество, Сущихъ отъ первой Причины, и Сущихъ отъ Нея довременно и равночестно; тогда Покланяемыхъ—три.

Скажутъ: «Что жъ? Не одно ли Божество и у язычниковъ, какъ учатъ тѣ изъ нихъ, которые совершеннѣе другихъ любомудрствовали? И у насъ цѣлый родъ—одно человѣчество. Однакоже у язычниковъ боговъ, какъ и у насъ людей, много, а не одинъ.»—Но тамъ, хотя общность и имѣеть единство, представляемое впрочемъ мысленно, однакожъ недѣлимыхъ много, и они раздѣлены между собою временемъ, страстями и силою. Ибо мы не только сложны, но и противоположны, какъ другъ другу, такъ и сами себѣ; не говоря уже о цѣлой жизни, даже и одного дня не бываемъ совершенно тѣми же, но непрестанно течемъ и перемѣняемся и по тѣлу, и по душѣ. А не знаю, едва ли не таковы же Ангелы и всякое, кромѣ Троицы, горнее естество, хотя они просты и, по близости своей къ верховному Благу, крѣпко утверждены въ добрѣ. А что касается до чтимыхъ язычниками боговъ и, какъ сами называютъ, демоновъ, то намъ нѣтъ нужды быть ихъ обвинителями; напротивъ того, по обличенію собственныхъ ихъ богослововъ, они преданы страстямъ, мятетамъ, преисполнены зломъ и превратностями, состоятъ въ противоборствѣ не только сами съ собою, но и съ первыми причинами, какъ называютъ они Океановъ, Титоіевъ, Фанитовъ и еще не знаю кого, а напоследокъ какого-то чадоненавистника—бога, который изъ любоначалія и по ненасытности пожираетъ всѣхъ прочихъ, чтобъ

стать отцемъ всѣхъ людей и боговъ, несчастно поглощенныхъ и изблеванныхъ.—Если же, какъ сами они говорятъ во избѣжаніе срамословія, все это басни и какія-то иносказанія; что скажутъ въ объясненіе того, что все у нихъ раздѣлено тречастно, и надъ каждою частію существъ начальствуетъ иный богъ, различный отъ прочихъ и веществомъ и достоинствомъ? Но не таково наше ученіе. *Не такова часть Иаковля*, говоритъ мой Богословъ (Иер. 51, 19.). Напротивъ того каждое изъ Нихъ (а), по тождеству сущности и силы, имѣетъ такое же единство съ Соединеннымъ, какъ и съ самимъ Собою. Таково понятіе сего единства, сколько мы постигаемъ оно. И если понятіе сіе твердо; то благодареніе Богу за умозрѣніе! А если не твердо, поищемъ болѣе твердаго.

А твои доводы, которыми разоряешь наше единство, не знаю, какъ назвать, шуткою ли, или чѣмъ дѣльнымъ? И что у тебя за доказательство? — Говоришь: «единосущныя счисляются, а неединосущныя не счисляются (подъ счисленіемъ же разумѣешь собраніе въ одно число); а посему неизбѣжно заключеніе, что у васъ, на этомъ основаніи, три Бога; тогда какъ намъ нѣтъ сей опасности; потому что не называемъ единосущными.»—Итакъ однимъ словомъ избавилъ ты себя отъ трудовъ, и одержалъ худую побѣду. Поступокъ твой походитъ нѣсколько на то, когда иный отъ страха смерти самъ надѣваетъ на себя петлю. Чтобъ не утрудиться, стоя

(а) Изъ Лицъ Божества.

за единоначаліе, отрёкся ты отъ Божества, и предалъ врагамъ, чего они искали. Но я, хотя бы потребовалось и потрудиться нѣсколько, не предамъ Достопокланяемаго. А здѣсь не вижу даже и труда. Ты говоришь: счисляются едносущныя; а не имѣющія едносущія воображаются единицами. Гдѣ ты занялъ сіе? у какихъ учителей и баснослововъ? Развѣ не знаешь, что всякое число показываетъ количество предметовъ, а не природу вещей? А я такъ просто, или, лучше сказать, такой неучъ, что три вещи, хотя бы онѣ и различны были по природѣ, въ отношеніи къ числу называю тремя. Но одно, одно и одно, хотя они и не сопрягаются по сущности, именую столькими же единицами, взирая не столько на вещи, сколько на количество счисляемыхъ вещей. Поелику же ты очень держишься Писанія, хотя и противишься Писанію; то вотъ тебѣ доказательства и оттолѣ. Въ Притчахъ трие суть, яже благопоспѣшно ходять, левъ, козель и пѣтухъ, четвертое же, царь глаголяй къ пароду (Притч. 30, 29—31.); не говорю уже о другихъ поименованныхъ тамъ четверочисляхъ, между тѣмъ какъ счисляемыя вещи различны по природѣ. И у Моисея нахожу двухъ Херувимовъ, счисляемыхъ по единицѣ (Исх. 25, 19.). Какъ же по твоему именованію тѣхъ назвать тремя, когда они столько несходны между собою по природѣ, а послѣднихъ считать по единицѣ, когда они столько между собою однородны и близки? А если Бога и мамону, которые столь далеки между собою, подвода подъ одно число, назову двумя господами (Матѣ. 6, 24.); то, можетъ-быть, ты еще болѣе посмѣешься такому счисленію. Но ты говоришь: « у

меня тѣ предметы называются счисляемыми и имѣющими ту же сущность, которыхъ и имена производятся соответственно, на примѣръ: три человека и три Бога, а не три какія-нибудь вещи. Ибо какая тутъ соотвѣтственность?» Это значить давать правило объ именахъ, а не учить истинѣ. По этому и у меня Петръ, Павелъ и Іоаннъ и не три и не односущны, пока не именуется тремя Петрами, тремя Павлами и столькими же Іоаннами. Ибо или, что наблюдалъ ты въ-разсужденіи именъ болѣе родовыхъ, того мы, слѣдуя твоей выдумкѣ, потребуемъ въ-разсужденіи именъ болѣе частныхъ, или не уступивъ намъ того, что уступлено было самому, поступишь несправедливо. А что же Іоаннъ? Когда въ Соборныхъ посланіяхъ говоритъ онъ, что три суть свидѣтельствующи, духъ, вода, кровь (1 Іоан. 5, 8.), ужели, по твоему мнѣнію, выражается нескладно; во-первыхъ, потому, что осмѣлился счислять неодносущныя вещи, тогда какъ сіе присвоено тобою однимъ односущнымъ (ибо кто скажетъ, чтобъ поименованныя вещи были одной сущности?), а во-вторыхъ, потому, что сочинилъ слова не соотвѣтственно, а напротивъ, слово три (*τρεις*) поставивъ въ мужескомъ родѣ, вопреки правиламъ и уставамъ, какъ твоимъ, такъ и грамматическимъ, привелъ три имени средняго рода (*τὸ πνεῦμα, τὸ ὕδωρ, τὸ αἷμα*)? Но какая въ томъ разность, сказать ли слово *три* въ мужескомъ родѣ, и потомъ представить одно, одно и одно, или сказать: одинъ, одинъ и одинъ, наименовать ихъ тремя не въ мужескомъ, а въ среднемъ родѣ,—что находишь ты неприличнымъ для Божества? А что твой ракъ,—

ракъ животное, ракъ орудіе и ракъ созвѣздіе? Чтѣ твой песь, — песь живуцій на сушѣ, песь морскій и песь небесный? Не думаешь ли, что ихъ можно назвать тремя раками и псами? — Безъ сомнѣнія, такъ. — Ужели же они по этому и односуцны? Кто изъ здравомыслящихъ скажетъ сіе? Видишь ли, какъ рушилось твое доказательство, взятое отъ счисленія, и рушилось неоднократно опровергнутое? Ибо если и односуцныя не всегда счисляются, и неоднотсуцныя могутъ счисляться, а имена произносятся о тѣхъ и другихъ; то какія пріобрѣтенія твоего ученія? Но я принимаю въ разсмотрѣніе еще слѣдующее, и можетъ-быть не безъ основанія. Одно и одно не слагается ли въ два? И два опять не разлагаются ли на одно и одно? — Очевидно, такъ. — Но если, по твоему началу, слагаемыя односуцны, а раздѣляемыя иносуцны; то какое изъ сего заключеніе? То, что одни и тѣже предметы и односуцны и иносуцны.

Смѣшны мнѣ также твои первочисленности и нижечисленности, о которыхъ такъ высоко ты думаешь, какъ будто въ порядкѣ именъ заключается порядокъ именуемыхъ. Ибо если послѣднее справедливо; то, когда въ Божественномъ Писаніи одни и тѣже, по равночестности естества, считаются то напередѣ, то послѣ, мѣшаетъ ли что одному и тому же, на томъ же основаніи, быть и честнѣе и малочестнѣе себя самого?

Такое же у меня разсужденіе о словахъ: *Богъ и Господь*, также о предлогахъ: *изъ, чрезъ и въ*, по которымъ ты такъ ухищренно различаешь Божество, относя первый предлогъ къ Отцу, второй къ Сы-

ну, третій — къ Духу Святому. Но что сдѣлалъ бы ты, если бы каждый изъ сихъ предлоговъ постоянно присвоаемъ былъ одному, когда доказываешь ими такое неравенство въ достоинствѣ и естествѣ, тогда какъ, сколько извѣстно упражнявшимся въ этомъ, всѣ они и о всѣхъ употребляются?

И сего довольно для людей не вовсе несознательныхъ. Но поелику тебѣ, однажды ринувшись въ борьбу противъ Духа, всего труднѣе удержать свое стремленіе, и какъ не робкій вепрь, ты хочешь упорствовать до конца и напирать на мечъ, пока рана не дойдетъ до внутренности; то посмотри, что остается еще сказать тебѣ.

Опять и уже неразъ повторяешь ты намъ: «не извѣстенъ по Писанію.» Хотя доказано, что Духъ Святой не есть странность и нововведеніе, но былъ извѣстенъ и открытъ какъ древнимъ такъ и новымъ, и доказано уже многими изъ разсуждавшихъ о семъ предметѣ, притомъ людьми, которые занимались Божественнымъ Писаніемъ не слегка и не поверхностно, но сквозь букву проникали во внутреннее, удостоились видѣть сокровенную красоту и озарились Свѣтомъ вѣдѣнія; однако-жъ и я покажу сіе какъ-бы мимоходомъ, и сколько можно стараясь не подать мысли, что берусь за лишній трудъ и щедръ болѣе надлежащаго, когда могу строить на чужомъ основаніи. Если же побужденіемъ къ хуль и причиною чрезмѣрнаго языкоболія и нечестія служить для тебя то, что въ Писаніи Духъ не весьма ясно именуется Богомъ и не такъ часто упоминается, какъ сперва Отецъ, а потомъ Сынъ; я излечу тебя отъ этой болѣзни, полюбомудрство-

вавъ съ тобою нѣсколько объ именуемыхъ и именахъ, особливо соображаясь съ употребленіемъ Писанія.

Изъ именуемаго — инаго нѣтъ, но сказано въ Писаніи; другое есть, но не сказано; а инаго нѣтъ, и не сказано, другое же есть, и сказано. Потребуешь у меня на сіе доказательствъ? — готовъ представить. По Писанію, Богъ спитъ (Пс. 43, 24.), пробуждается (Дан. 9, 14.), гнѣвается (Втор. 11, 17.), ходитъ и престоломъ имѣетъ херувимовъ (Иса. 37, 16.). Но когда Онъ имѣлъ немощи? И слыхалъ ли ты, что Богъ есть тѣло? Здѣсь представлено то, чего нѣтъ. Ибо, соразмѣряясь съ своимъ понятіемъ, и Божіе назвали мы именами, взятыми съ себя самихъ. Когда Богъ, по причинамъ Ему самому извѣстнымъ, прекращаетъ свое попеченіе и какъ-бы нерадитъ о насъ; это значитъ — Онъ спитъ; потому что нашъ сонъ есть подобная бездѣйственность и безпечность. Когда, на-оборотъ, вдругъ начинаетъ благодѣтельствовать; значитъ — Онъ пробуждается; потому что пробужденіе есть минованіе сна, такъ же какъ внимательное воззрѣніе есть минованіе отвращенія. Онъ наказываетъ; а мы сдѣлали изъ сего — гнѣвается; потому что у насъ наказаніе бываетъ по гнѣву. Онъ дѣйствуетъ то здѣсь, то тамъ; а по-нашему — Онъ ходитъ; потому что хожденіе есть поступленіе отъ одного къ другому. Онъ упокоевается и какъ-бы обитаетъ во святыхъ Силахъ; мы назвали это сѣденіемъ и сѣденіемъ на престолѣ, что также свойственно намъ. А Божество ни въ чемъ такъ не упокоевается, какъ во Святыхъ. Быстродвижность названа у насъ летаніемъ, смотрѣніе наименовано лицемъ, даваніе и пріятіе — рукою. А

также всякая другая Божія сила и всякое другое Божіе дѣйствіе изображены у насъ чѣмъ-либо взятымъ съ тѣлеснаго. И съ другой стороны: откуда взялъ ты слова: нерожденное и безначальное — эти твердыни твои; откуда и мы беремъ слово: бессмертное? Укажи мнѣ ихъ буквально; иначе или твои отвергнемъ, а свое изгладимъ, потому что ихъ нѣтъ въ Писаніи, и тогда съ уничтоженіемъ имени пропалъ и ты отъ своихъ предположеній, погибла и эта стѣна прибѣжища, на которую ты надѣялся; или очевидно, что, хотя и не сказано сего въ Писаніи, однакожъ оно взято изъ словъ, тоже въ себѣ заключающихъ... Изъ какихъ же именно? *Азъ есмь первый* (Иса. 43, 13.), и *Азъ по сихъ* (Иса. 44, 6.), *прежде Мене не бысть инъ Богъ, и по Мнѣ не будетъ* (Иса. 43, 10.); ибо *Мое есть* — всецѣло; оно не началось и не прекратится. Держась сего, поелику ничего нѣтъ прежде Бога, и Онъ не имѣетъ причины, которая бы Ему предшествовала, наименовалъ ты Его безначальнымъ и нерожденнымъ, а поелику Онъ не перестанетъ быть, — бессмертнымъ и негиблущимъ. Таковы и такого свойства первыя два случая. Чего же нѣтъ и не сказано? Того, что Богъ золь, что шаръ четвероуголень, что прошедшее настало, что человѣкъ не сложенъ. Ибо знавалъ ли ты человѣка, который бы дошелъ до такого разстройства въ умѣ, что осмѣлился бы помыслить или произнести что-нибудь подобное? — Остается показать, чтѣ есть и сказано, — Богъ, человѣкъ, Ангель, судъ, суета, то-есть подобныя твоимъ умозаключенія, извращеніе вѣры, упрядненіе таинства.

А когда столько разности между именами и именуемыми; для чего ты так много раболѣпствуешь буквѣ и предаешься Иудейской мудрости, гоняясь за слогами и оставляя вещь? Если ты скажешь: дважды пять и дважды семь, а я изъ сказаннаго выведу: десять и четырнадцать, или, если животное разумное и смертное замѣню словомъ чловѣкъ; то неужели подумаешь, что говорю вздоръ? Да и какъ это, если говорю твое же? Ибо слова сіи не столько принадлежать мнѣ, который произношу ихъ, сколько тебѣ, который заставляешь произнести. Посему, какъ здѣсь смотрѣлъ я не столько на сказанное, сколько на разумѣемое; такъ не преминулъ бы выговорить и другое что-нибудь, еслибъ нашлось, хотя не сказанное, или не ясно сказанное, но разумѣемое въ Писаніи, и не побоялся бы тебя — охотника спорить объ именахъ.

Такой дадимъ отвѣтъ людямъ въ-половину благомыслящимъ (а тебѣ не лзя сказать и сего; ибо ты, отрицающій наименованія Сына, какъ они ни ясны, ни многочисленны, конечно, не уважишь наименованій Духа, хотя бы указали тебѣ гораздо яснѣйшія и многочисленнѣйшія извѣстныхъ); теперь же, возведя слово нѣсколько выше, объясню и вамъ мудрецамъ причину всей неясности.

Въ продолженіе вѣковъ были два знаменитыя преобразованія жизни чловѣческой, называемыя двумя Завѣтами и, по извѣстному изреченію Писанія, потрясеніями земли (Агг. 2, 7.). Одно вело отъ идоловъ къ Закону, а другое отъ Закона — къ Евангелію. Благовѣствую и о третіемъ потрясеніи — о преставленіи отъ здѣшняго къ тамошнему, непо-

колебимому и неизблемому. Но съ обоими Завѣтами произошло одно и тоже. Чтò именно? Они вводились не вдругъ, не по первому приему за дѣло. Для чего же? Намъ нужно было знать, что насъ не принуждаютъ, а убѣждаютъ. Ибо чтò не произвольно, то и не прочно, какъ потокъ или растеніе не надолго удерживаются силою. Добровольное же и прочнѣе и надежнѣе. И первое есть дѣло употребляющаго насиліе, а послѣднее собственно наше. Первое свойственно насильственной власти, а послѣднее—Божію правосудію. Посему Богъ опредѣлилъ, что не для нехотящихъ должно дѣлать добро, но — благодѣтельствовать желающимъ. Потому Онъ, какъ дѣтководитель и врачъ, иные отеческіе обычаи отмѣняетъ, а другіе дозволяетъ, попуская иное и для нашего услажденія, какъ врачи даютъ больнымъ врачевство искусно приправленное чѣмъ-нибудь пріятнымъ, чтобъ оно было принято. Ибо не легко перемѣнить, чтò вошло въ обычай и долговременно было уважаемо. Чтò жъ разумѣю? То, что первый Завѣтъ, запретивъ идоловъ, допустилъ жертвы; а второй, отмѣнивъ жертвы, не запретилъ обрѣзанія. Потомъ, которые однажды согласились на отмѣненіе, тѣ уступили и уступленное, одни—жертвы, другіе — обрѣзаніе, и стали изъ язычниковъ Иудеями, и изъ Иудеевъ Христіанами, будучи увлекаемы къ Евангелію постепенными измѣненіями. Въ семъ да убѣдитъ тебя Павелъ, который отъ обрѣзанія и очищеній простерся уже къ тому, что сказалъ: *Азъ же, братіе, аще обрѣзаніе еще проповѣдую, почто еще гонимъ есмь* (Гал. 5, 11.)? То было нужно для домостроительства, а сіе для совершенства.

Сему хочу уподобить и Богословіе, только въ противоположномъ отношеніи. Ибо тамъ преобразование достигалось чрезъ отмѣненія, а здѣсь совершенство—чрезъ прибавленія. Но дѣло въ томъ, что Ветхій Заветъ ясно проповѣдывалъ Отца, а не съ такою ясностію Сына; Новый открылъ Сына и далъ указанія о Божествѣ Духа; нынѣ пребываетъ съ нами Духъ, даруя намъ яснѣйшее о Немъ познаніе. Не безопасно было, прежде нежели исповѣдано Божество Отца, ясно проповѣдовать Сына, и прежде нежели признанъ Сынъ, (выражусь нѣсколько смѣло) обременять насъ проповѣдію о Духѣ Святомъ и подвергать опасности утратить послѣднія силы, какъ бываетъ съ людьми, которые обременены пищею, принятою не въ-мѣру, или слабое еще зрѣніе устремляютъ на солнечный свѣтъ. Надлежало же, чтобъ Троичный свѣтъ озарялъ просвѣтляемыхъ постепенными прибавленіями, какъ говоритъ Давидъ, *восхожденіи* (Пс. 83, 6.), поступленіями отъ славы въ славу и преуспѣваніями. По сей-то, думаю, причинѣ и на Учениковъ нисходитъ Духъ постепенно, соразмѣряясь съ силою пріемлющихъ, въ началѣ Евангелія, по страданіи, по вознесеніи, то совершаетъ чрезъ нихъ силы (Матѹ. 10, 1.), то дается имъ чрезъ дуновение (Іоан. 20, 22.), то является въ огненныхъ языкахъ (Дѣян. 2, 3.). Да и Іисусъ возвѣщаетъ о Немъ постепенно, какъ самъ ты увидишь при внимательнѣйшемъ чтеніи. Умолю, говорить, *Отца, и иного Утѣшителя послеть вамъ* (Іоан. 14, 16. 17.), чтобъ не почли Его противникомъ Богу, и говорящимъ по иной какой-либо власти. Потомъ, хотя и употребляетъ слово: *послетъ*, но

присовокупляя: во имя Мое (Иоан. 14, 26.), и оставивъ слово: умолю, удерживаетъ слово: послетъ. Потомъ говорить: пошлю (Иоан. 15, 26.), показывая собственное достоинство. Потомъ сказать: придетъ (Иоан. 16, 13.), показывая власть Духа. Видишь постепенно возсіяющія намъ озаренія, и тотъ порядокъ Богословія, который и намъ лучше соблюдать, не все вдругъ высказывая, и не все до конца скрывая; ибо первое неосторожно, а послѣднее безбожно; и однимъ можно поразить чужихъ, а другимъ—отчуждить своихъ. Присовокуплю къ сказанному и то, что, хотя можетъ-быть приходило уже на мысль и другимъ, однакожь почитаю плодомъ собственнаго ума. У Спасителя и послѣ того, какъ многое проповѣдалъ Онъ ученикамъ, было еще нѣчто, чего, какъ самъ Онъ говорилъ, ученики (можетъ-быть по причинамъ выше мною изложеннымъ) не могли тогда носить (Иоан. 16, 12.), и что по сему самому скрывалъ Онъ отъ нихъ. И еще Спаситель говорилъ, что будемъ всему научены снисшедшимъ Духомъ (Иоан. 16, 13.). Сюда-то отношу я и самое Божество Духа, ясно открытое въ послѣдствіи, когда уже вѣдѣніе сіе сдѣлалось благовременнымъ и удобовѣстимымъ, по прославленіи (*αποκαταστασι*) Спасителя, послѣ того какъ не съ невѣріемъ стали принимать чудо. Да и что большее сего или Христось обѣтовалъ бы, или Духъ преподалъ бы; если надобно признавать великимъ и достойнымъ Божія величія и обѣтованное и проповѣданное?

Такъ увѣренъ въ этомъ самъ я, и желалъ бы, чтобъ со мною всякій, кто мнѣ другъ, чтить Бога

Отца, Бога Сына, Бога Духа Святаго, три личности, единое Божество, нераздѣльное въ славѣ, чести, сущности и царствѣ, какъ Любомудрствоваль одинъ изъ богоносныхъ мужей, жившихъ не за долго до насъ. Или да не видитъ, какъ говоритъ Писаніе, денницы возсіяющія (Іов. 3, 9.), ни славы будущаго озаренія, кто вѣритъ иначе, или, соображаясь съ обстоятельствами, бываетъ то тѣмъ, то другимъ, и о важнѣйшихъ предметахъ судить не здраво. Если Духъ не достопоклоняемъ, то какъ же меня дѣлаетъ Онъ богомъ въ Крещеніи? А если достопоклоняемъ; то какъ же не досточтимъ? А если досточтимъ, то какъ же не Богъ? Здѣсь одно держится другимъ; это подлинно золотая и спасительная цѣпь. Отъ Духа имѣемъ мы возрожденіе, отъ возрожденія — воссозданіе, отъ воссозданія — познаніе о достоинствѣ Воссоздаващаго.

Все сіе можно было бы сказать о Духѣ въ томъ предположеніи, что Онъ не засвидѣтельствованъ Писаніемъ. Но теперь выступить предъ тобою и рой свидѣтельствъ, изъ которыхъ всякому, кто не слишкомъ тупоуменъ и чуждъ Духа, ясно будетъ видно, что божество Духа весьма открыто въ Писаніи. Обрати вниманіе на слѣдующее. Раждается Христось, — Духъ предваряетъ (Лук. 1, 35). Крещается Христось, — Духъ свидѣтельствуесть (Іоан. 1, 33. 34.). Искушается Христось, — Духъ возводитъ Его (Матѣ. 4, 1.). Совершаетъ силы Христось, — Духъ сопутствуетъ. Возносится Христось, — Духъ преемствуетъ. Чего великаго и возможнаго единому Богу не можетъ совершить Духъ? И изъ именъ Божіихъ какими не именуется Онъ, кромѣ

нерожденности и рожденія? Но сіи свойства должны были оставаться при Отцѣ и Сынѣ, чтобъ не произошло слитности въ Божествѣ, Которое приводитъ въ устройство какъ все прочее, такъ и самое нестроеніе. Прихожу въ трепеть, когда представляю въ умѣ и богатство именованій и то, что противящіяся Духу не стыдятся и толикаго числа именъ. Онъ именуется: *Духъ Божій, Духъ Христовъ* (Рим. 8, 9.), *Умъ Христовъ* (1 Кор. 2, 10.), *Духъ Господень* (Иса. 61, 1.), самъ *Господь* (2 Кор. 3, 17.), *Духъ сыноположенія* (Рим. 8, 15.), *истины* (Іоан. 14, 17.), *свободы* (2 Кор. 3, 17.), *Духъ премудрости, разума, совѣта, крѣпости, вѣдѣнія, благочестія, страха Божія* (Иса 11, 2. 3.); потому что все сіе производитъ. Онъ все исполняетъ сущностію, *все содержитъ* (Премудр. 1, 7.) — исполняетъ міръ въ отношеніи къ сущности, и невмѣстимъ для міра въ отношеніи къ силѣ. Онъ есть *Духъ благій* (Пс. 142, 10.), *правый* (Пс. 50, 12.), *владычній* (Пс. 50, 14.) — по естеству, а не по усвоенію, освящающій, но не освящаемый, измѣряющій, но не измѣряемый, заимствуемый, но не заимствующій, исполняющій, но не исполняемый, содержащій, но не содержимый, наследуемый (Ефес. 1, 14.), прославляемый (1 Кор. 6, 19. 20.), вмѣстѣ счисляемый (Матѹ. 28, 19.), угрожающій (Дѣян. 5, 1—10. Матѹ. 12, 31. 32.). Онъ есть *перстъ Божій* (Лук. 11, 20.), *огнь* (Матѹ. 3, 11. Дѣян. 2, 3.), какъ Богъ, и думаю, въ означеніе единосущія. Онъ есть *Духъ сотворивый* (Іов. 33, 4.), *возсозидающій* въ крещеніи (Тит. 3, 5.) и *воскресеніи* (Рим. 8, 11.), *Духъ, Который все вѣдаетъ* (1 Кор. 2, 11.),

Г III.

всему учить (Іоан. 14, 26.), дышетъ, идѣже хо-
 щетъ и сколько щетъ (Іоан. 3, 8.), Духъ наста-
 вляющій (Іоан. 16, 3.), глаголющій (Матѳ. 10, 20.),
 посылающій (Дѣян. 13, 4.), отдѣляющій (Дѣян. 13,
 2.), прогнѣваемый (Исаи 63, 10.), искушаемый
 (Дѣян. 5, 9.), податель откровеній (1 Кор. 2, 10.),
 просвѣщенія (Евр. 6, 4.), жизни (Рим. 8, 11.), луч-
 ше же сказать, самый свѣтъ и самая жизнь. Онъ
 дѣлаетъ меня храмомъ (1 Кор. 6, 19.), творить
 богомъ, совершаетъ, почему и крещеніе предвара-
 етъ (Дѣян. 10, 44.), и по крещеніи взыскуется
 (Дѣян. 19, 5. 6.); Онъ производитъ все то, что
 производитъ Богъ. Онъ раздѣляется въ огненныхъ
 языкахъ (Дѣян. 2, 3.), и раздѣляетъ дарованія
 (1 Кор. 12, 11.), творить Апостоловъ, Пророковъ,
 благовѣстниковъ, Пастырей, Учителей (Ефес. 4, 11.),
 Онъ есть *Духъ разума, многочастный, ясный,
 свѣтлый, нескверный, невозбраненъ* (что равнозна-
 чительно, можетъ быть, словамъ: премудрый, мно-
 гообразный въ дѣйствіяхъ, дѣлающій все яснымъ и
 свѣтлымъ, свободный и неизмѣняемый), *всесиль-
 ный, все видящій и сквозь вся проходящій души разу-
 мичныя, чистыя, тончайшія* (Премудр. 7, 22. 23.),
 то-есть, сколько разумѣю, силы Ангельскія, а также
 Пророческія и Апостольскія, въ то же время и не
 въ одномъ мѣстѣ, но тамъ и здѣсь находящіяся, чѣмъ
 и означаетъ неограниченность. И какъ же бы ты
 думалъ? Тѣ, которые говорятъ сіе и учатъ сему, а
 сверхъ того именуютъ Духа *инымъ Утѣшителемъ*
 (Іоан. 14, 16.), какъ-бы инымъ Богомъ, знаютъ, что
 только хула на Духа не прощительна (Матѳ. 12,
 31.), Ананію же и Сапфиру, когда они солгали

Духу Святому, оглашаютъ солгавшими Богу, а не человѣку (Дѣян. 5, 4.), — то ли исповѣдуютъ о Духѣ, что онъ Богъ, или иное что? О, сколько ты въ дѣйствительности грубъ и далекъ отъ Духа, если сомнѣваешься въ этомъ, и требуешь еще Учителя! Итакъ наименованія сіи весьма многочисленны и многозначущи (ибо нужно ли приводить тебѣ мѣста Писанія буквально?); а если въ Писаніи и встрѣчаются унизительныя реченія: *дается* (Дѣян. 8, 18.), *посылается* (Іоан. 14, 26.), *дѣлится* (Дѣян. 2, 3.), *дарованіе*, *даръ* (Дѣян. 2, 38.), *дуновеніе* (Іоан. 20, 21.), *обѣтованіе* (Дѣян. 2, 33.), *ходатайство* (Рим. 8, 26.) и другіе симъ подобныя, то (не говоря о каждомъ изъ сихъ реченій) надобно ихъ возводить къ первой Причинѣ, чтобъ видѣть, отъ Кого Духъ, а не принять трехъ началъ, подобно многобожникамъ. Ибо равно нечестиво, и соединять съ Савелліемъ, и раздѣлять съ Аріемъ, — соединять относительно къ лицу, раздѣлять относительно къ естеству.

Чего я не разсматривалъ самъ съ собою въ любовѣдущемъ умѣ своемъ, чѣмъ не обогащалъ разума, гдѣ не искалъ подобія для сего, но не нашель, къ чему бы долънему можно было примѣнить Божіе естество. Если и отыскивается малое нѣкое сходство; то гораздо большее ускользаетъ, оставляя меня долу вмѣстѣ съ тѣмъ, что избрано для сравненія. По примѣру другихъ, представлялъ я себѣ родникъ, ключъ и потокъ, и разсуждалъ: не имѣютъ ли сходства съ однимъ Отецъ, съ другимъ Сынъ, съ третьимъ Духъ Святой? Ибо родникъ, ключъ и потокъ не раздѣльны временемъ, и сопробываемость

ихъ непрерывна, хотя и кажется, что они раздѣлены тремя свойствами. Но убоаяся, во-первыхъ, чтобъ не допустить въ Божествѣ какого-то теченія, никогда не останавливающагося: во-вторыхъ, чтобъ такимъ подобіемъ не ввести и численнаго единства. Ибо родникъ, ключъ и потокъ въ отношеніи къ числу составляютъ одно, различны же только въ образѣ представленія. Бралъ опять въ разсмотрѣніе солнце, лучъ и свѣтъ. Но и здѣсь опасеніе, чтобы въ несложномъ ествствѣ не представить какой-либо сложности, примѣчаемой въ солнцѣ и въ томъ, что отъ солнца; во-вторыхъ, чтобъ, приписавъ сущность Отцу, не лишитъ самостоятельности прочія лица, и не содѣлать Ихъ силами Божиими, которыя въ Отцѣ существуютъ, но не самостоятельны. Потому что и лучъ и свѣтъ суть не солнце, а нѣкоторыя солнечныя изліянія и существенныя качества солнца. Въ-третьихъ, чтобъ не приписать Богу вмѣстѣ и бытія и небытія (къ какому заключенію можетъ привести сей примѣръ); а сіе еще нелѣпѣе сказаннаго прежде. Слышалъ я также, что нѣкто находилъ искомое подобіе въ солнечномъ отблескѣ, который является на стѣнѣ и сотрясается отъ движенія воды, когда лучъ, собранный воздушною средою и потомъ разсѣянный отражающею поверхностію, приходитъ въ странное колебаніе; ибо отъ многочисленныхъ и частыхъ движеній перебѣгаетъ онъ съ мѣста на мѣсто, составляя не столько одно, сколько многое, и не столько многое, сколько одно; потому что по быстротѣ сближеній и расхожденій ускользаетъ прежде, нежели уловить его взоръ. Но по моему мнѣнію не лзя принять и се-

го. Во - первыхъ потому, что здѣсь слишкомъ видно приводящее въ движеніе: но первоначальнѣ Бога нѣтъ ничего, что приводило бы Его въ движеніе; потому что Самъ Онъ причина всего, а не имѣетъ причины, которая была бы и Его первоначальнѣ. Во-вторыхъ потому, что и симъ подобіемъ наводится прежняя мысль о движеніи, о сложности, объ ествѣ непостоянномъ и зыблщемся, тогда какъ ничего подобнаго не должно представлять о Божествѣ. И вообще ничего не нахожу, что, при разсмотрѣніи представляемаго, остановило бы мысль на избираемыхъ подобіяхъ, развѣ кто съ должнымъ благоразуміемъ возметъ изъ образа что-нибудь одно и отброситъ все прочее. Наконецъ заключилъ я, что всего лучше отступить отъ всѣхъ образовъ и тѣней, какъ обманчивыхъ и далеко недостигающихъ до истины, держаться же образа мыслей болѣе благочестиваго, остановившись на немногихъ реченіяхъ, имѣть руководителемъ Духа, и какое озареніе получено отъ Него, то сохраняя до конца, съ нимъ, какъ съ искреннимъ сообщникомъ и собесѣдникомъ, проходить настоящей вѣкъ, а по мѣрѣ силъ и другихъ убѣждать, чтобъ поклонялись Отцу, и Сыну и Святому Духу — единому Божеству и единой Силѣ. Богу всякая слава, честь, держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 32,

**О СОВЛЮДЕНІИ ДОБРАГО ПОРЯДКА ВЪ СОВЕСЪДОВА-
НІИ, И О ТОМЪ, ЧТО НЕ ВСЯКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ И НЕ ВО
ВСЯКОЕ ВРЕМЯ МОЖЕТЪ РАЗСУЖДАТЬ О БОГѢ.**

Поелику вы стеклись усердно и собраніе много-
людно, а потому теперь самое лучшее время для
дѣланія: то предложу вамъ нѣчто для купли, если
и не стоящее общаго усердія, по крайней мѣрѣ не
недостаточное по моимъ силамъ. Ваше усердіе тре-
буетъ большаго, а мои силы предлагаютъ сред-
ственное; и лучше предложить, что можно, нежели
отказать во всемъ. Ибо и въ Божественныхъ и въ
человѣческихъ дѣлахъ равно не подлежитъ осужде-
нію, кто чего-нибудь не могъ, но подвергается от-
вѣтственности, кто не хотѣлъ. Я — пастырь малый
и бѣдный, даже другимъ пастырямъ (выражусь еще
скромно) не угодный, по благомыслию ли и право-
му учению, или по малодушію и спорамъ, не знаю
сего, *Богъ състь*, говоритъ божественный Апостолъ
(1 Кор. 11, 11), ясно же покажетъ день открове-
нія и послѣдній огонь, которымъ будутъ испытаны,
или очищены всѣ наши дѣла; впрочемъ попытаюсь,
по мѣрѣ силъ, не скрывать дарованія, не ставить

свѣщника подъ спудомъ , не закапывать таланта въ землю (что все, какъ часто слышу , ставятъ мнѣ въ вину , порицая мое бездѣйствіе , гнѣваясь на мое молчаніе), но наставитъ васъ словомъ истины , и содѣлать сообразными Духу.

Съ чего же начать мнѣ назиданіе ваше , братія ? Какимъ словомъ почтить Подвижниковъ , для которыхъ установлено настоящее торжество ? О чемъ сказать какъ о первомъ , или какъ о важнѣйшемъ ? Что наипаче полезно для душъ вашихъ ? Или что всего благоприличнѣе настоящему времени ? Это узнаемъ слѣдующимъ образомъ : что въ нашемъ ученіи всего превосходнѣе , присовокуплю , и всего полезнѣе ? — Миръ. А что всего гнуснѣе и вреднѣе ? Разногласіе. Но предложивъ такой вопросъ , и давъ на него отвѣтъ , спрошу еще разъ : что всего болѣе расторгло миръ , и что ввело разногласіе ? Спрошу для того , чтобы , какъ поступаютъ съ болѣзнями , пресѣкши причины , заградивъ или иссушивъ источники страданій , преградить ихъ потоки и слѣдствія ; ибо невозможно хорошо узнать окончаніе , не изслѣдовавъ правильно начала. Итакъ , хотите ли сами открыть и объяснить причину болѣзни , или предоставите мнѣ — врачу , и обнаружить и излечить болѣзнь ? Ибо я готовъ говорить желающимъ , а еще болѣе готовъ слушать говорящихъ . Но очень знаю , что предоставите сіе мнѣ ; потому что можетъ-быть почитаете меня не худымъ врачомъ и не неискуснымъ въ цѣленіи душъ . Итакъ , ошибочно ли , или правильно сіе ваше мнѣніе обо мнѣ , не подивитесь , если скажу слово странное . Хотя оно странно , однако же справедливо , какъ и я утверждаю ,

какъ и сами согласитесь, если потерпите выслушать до конца и не случится съ вами того самаго, чего не одобряю, то-есть, по горячности, не встанете прежде окончанія слова.

Причиною сего нестройства — природная горячность и великость духа; впрочемъ не простая пламенность и великость (я нимало не осуждаю той горячности, безъ которой невозможно успѣть ни въ благочестіи, ни въ другой добродѣтели), но твердость, соединенная съ неблагоразуміемъ, невѣжествомъ и злымъ порожденіемъ послѣдняго — дерзостью; ибо дерзость есть плодъ невѣжества. Души слабыя въ-отношеніи и къ добродѣтели и къ пороку равно медлительны и неподвижны; онѣ не склоняются много ни на ту ни на другую сторону; у нихъ такія же движенія, какъ и у людей страдающихъ оцѣпенѣніемъ. А души твердыя, если руководствуетъ и управляетъ ими разумъ, — великое пріобрѣтеніе для добродѣтели; при недостаткѣ же знанія и разума, онѣ то же самое и для порока. Такъ и коню надобно быть сильнымъ и мужественнымъ, чтобъ могъ онъ въ-послѣдствіи одерживать побѣду на войнѣ, или на ристалищѣ; но изъ него не выйдетъ ничего добраго, если не будетъ усмирень уздой и пріучень къ кротости многотруднымъ упражненіемъ. И сія-то неразумная горячность большею частію расторгала члены, раздѣляла братьевъ, возмущала города, приводила въ ярость чернь, вооружала народы, возставляла царей, священниковъ, противъ народа и другъ противъ друга, народъ противъ себя самаго и противъ священниковъ, родителей противъ дѣтей, дѣтей противъ ро-

дителей, мужей противъ женъ, женъ противъ мужей, и всѣхъ, соединенныхъ какими бы то ни было узами пріязни, другъ противъ друга, также рабовъ и господъ, учениковъ и учителей, старцевъ и юныхъ; и она-то, презрѣвъ законъ стыда — это величайшее пособіе для добродѣтели, ввела законъ высокомѣрія. И мы не только стали *кольно и кольно о себѣ* (Зах. 12, 14), за что укоряемъ былъ древній Израиль, или Израиль и Юда — двѣ части одного народа и того малочисленнаго; но раздѣлились въ домахъ и тѣсныхъ обществахъ, и какъ-бы каждый самъ съ собою; раздѣлились, говорю, мы — цѣлая вселенная, весь родъ человѣческій — всѣ, къ кому достигло Божіе слово. И многоначаліе стало безначаліемъ, и *разсыпашася кости наша при адѣ* (Пс. 140, 7.). Надобно было, послѣ того какъ одержали мы побѣду надъ внѣшними врагами, терпѣть истребленіе другъ отъ друга, подобно бѣснующимся терзать собственную плоть, и не чувствовать, но радоваться злу болѣе, нежели другіе — миру, самое бѣдствіе почитать пріобрѣтеніемъ, и думать — симъ истребленіемъ *службу приносить Богу* (Іоан. 16, 2.); надобно было раздѣлиться и воспламениться раздѣленіемъ не похвальнымъ, но предосудительнымъ, пламенемъ не очищающимъ, но губительнымъ. Ибо не острое слово — мечъ Христовъ (Евр. 4, 12.) отдѣляетъ вѣрныхъ отъ невѣрныхъ; ввергается и возжигается не огонь — истребляющая и подающая вещество вѣра и гореніе духа; но мы поддаемся и разсѣкаемся противнымъ прежнему образомъ. Сіе-то сдѣлало, что единая Церковь стала имѣть многія части, и произошло раздѣленіе не между однимъ

Павломъ, или Киѳою, или Аполлосомъ, или такимъ-то насаждающимъ, и такимъ-то напаяющимъ (1 Кор. 3, 6.), но открылось много Павловъ, и Аполлосовъ, и Киѳъ, и вмѣсто того, чтобъ именоваться отъ Христа—имени великаго и новаго, мы именуемся ихъ именемъ и считаемся ихъ учениками. И о если бы одно это надлежало сказать! Напротивъ того, (что страшно и вымолвить) вмѣсто одного Христа явились многіе, рожденный, сотворенный, начавшійся отъ Маріи, разрѣшающійся въ то же, изъ чего произошелъ въ бытіе, человѣкъ не имѣющій ума, дѣйствительно существующій, видимый; также и многіе Духи, несозданный, и равночестный, тварь, дѣйствованіе, и голое имя. Должно вѣдать единого Бога Отца, безначальнаго и нерожденнаго, и единого Сына, и единого Духа, имѣющаго бытіе отъ Отца, уступающаго нерожденность Отцу и рожденность Сыну, во всемъ же прочемъ соестественнаго и сопредельнаго, единославнаго и равночестнаго. Сіе должно знать, сіе исповѣдывать, на семъ останавливаться, а лишнее пустословіе и *скверныя суетловія* (1 Тим. 6, 2.) предоставить людямъ празднымъ. Но что же побудило къ сему? Горячность безъ разума и познанія, ни чѣмъ не удерживаемая, и плаваніе вѣры безъ кормчаго.

Зная сіе, братія, не будемъ лѣнны на добро, но станемъ горѣть духомъ, чтобы не уснуть мало-по-малу въ смерть, или чтобы, во время нашего сна, врагъ не посѣялъ худыхъ сѣменъ (ибо лѣнность сопряжена со сномъ); не будемъ и воспламеняться съ безразсудствомъ и самолюбіемъ, чтобы не увлечься и не уклониться съ царскаго пути. Иначе непременно впадемъ въ одну

изъ крайностей, — или будемъ имѣть нужду въ побужденіяхъ, по причинѣ лѣности, или низринемся, по причинѣ горячности. Займемъ у обѣихъ, что есть въ нихъ полезнаго, у первой кротость, у второй ревность; а избѣжимъ того, что есть въ нихъ вреднаго, — въ первой — медленности, во второй — дерзости, чтобы не остаться бесплодными отъ недостатка, и не подвергнуться опасности отъ излишества. Ибо равно бесполезны и бездѣйственная праздность и неопытная ревность; одна не приближается къ добру, а другая преступаетъ предѣлы и дѣлаетъ что-то правѣе праваго. Хорошо зная сіе, божественный Соломонъ говоритъ: *не уклонися ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4. 27.), чтобы чрезъ противоположность не впасть въ равное зло — въ грѣхъ, хотя онъ же, въ похвалу того, что по природѣ есть праваго, говоритъ: *пути бо десныя вѣсть Господь, развращени же суть, иже ошуюю* (ст. 28.). Какимъ же образомъ онъ хвалитъ праваго, и самъ опять отводить отъ праваго? Очевидно, что отводить отъ праваго, которое кажется такимъ, и не есть праваго. Сіе имѣя въ виду, и въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: *не буди правдивъ вельми, ни мудрися излише* (Еккл. 7, 17.). Ибо и для праведности и для мудрости одно опасно — горячность въ дѣлахъ и словѣ, отъ излишества преступающая предѣлы совершенства и добродѣтели. Равно вредятъ и недостатокъ и избытокъ, какъ правилу прибавленіе и убавленіе. Посему никто да не будетъ ни мудръ болѣе надлежащаго, ни законнѣе закона, ни блистательнѣе свѣта, ни прямѣе правила, не выше заповѣди. А сего достигнемъ нѣсколько, если познаемъ міръ, восхва-

лимъ законъ природы , послѣдуемъ разуму , и не презримъ благочинія.

*Воззрите на небо горъ , и на землю низу (Ис. 8, 22.), и размыслите, какъ и изъ чего составила вселенная, чѣмъ была до своего устройства, и какъ называется она теперь. Все устроилось по порядку, и устроилось словомъ , хотя все могло быть произведено вдругъ , какъ нѣчто единое. Ибо кто несуществующему далъ бытіе, а сотворенному — формы и очертанія , тотъ не былъ безсиленъ вмѣстѣ все и произвести и устроить. Но для того считается одно первымъ , другое вторымъ, иное третьимъ, и такъ далѣе, чтобы въ тваряхъ былъ тотчасъ введенъ порядокъ. Итакъ порядокъ устроилъ вселенную , порядокъ держитъ и земное и небесное, — порядокъ у существъ умопреставляемыхъ , порядокъ въ вещахъ чувственныхъ, порядокъ и у Ангеловъ , порядокъ въ звѣздахъ , въ ихъ движеніи, величинѣ, взаимномъ отношеніи и свѣтлости. *Ина слава солнцу , и ина слава лунѣ , и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу (1 Кор. 15, 41.).* Порядокъ въ частяхъ года и временахъ , которыя чинно наступаютъ и проходятъ , и своими промежутками умягчаютъ свою крутость. Порядокъ — въ продолженіяхъ и промежуткахъ дня и ночи. Порядокъ — въ стихіяхъ , изъ которыхъ тѣла. Порядокъ обвелъ небо , распростеръ воздухъ , подложилъ или наложилъ землю , разлилъ и собралъ во едино влажное естество, пустилъ вѣтры, но не далъ имъ совершенной свободы , связалъ въ облакахъ воду , и не удержалъ ее, но благовременно и равномерно разсѣваетъ по лицу всей земли. И все*

сіе не въ продолженіе краткаго мгновенія, не при одномъ случаѣ и не въ одно время, но отъ начала до конца, направлено и идетъ однимъ путемъ, хотя одно неизмѣнно, а другое измѣняемо, въ первомъ случаѣ относительно къ закону, во второмъ — къ теченію. *Постави я въ вѣкъ, и въ вѣкъ вѣка: повелѣніе положи, и не мимоидеть* (Псал. 148, 6), — вотъ неизмѣняемость; а чтѣ происходило, или произойдетъ, то — слѣдствіе теченія. И какъ, подѣ владѣтельствомъ порядка, во всемъ устройствѣ и неизмѣнная красота; такъ безпорядокъ и нестройство дали начало въ воздухѣ бурямъ, въ землѣ потрясеніямъ, на морѣ кораблекрушеніямъ, въ городахъ и домахъ раздорамъ, въ тѣлахъ болѣзнямъ, въ душѣ грѣхамъ. Все это — наименованія не порядка или мира, но смятенія и безпорядка. Да и то, всякому извѣстное и всеми ожидаемое, разрушеніе, почитаю не инымъ чѣмъ, братія, какъ преумноженіемъ безпорядка; потому что порядокъ связываетъ, а безпорядокъ разрушаетъ, если угодно бываетъ разрушать или преобразовывать вселенную Тому, Кто связалъ ее во едино. Порядокъ узаконилъ и всемъ животнымъ образъ рожденія, пищу и свойственное каждому мѣсто пребыванія; никто не видалъ, чтобы дельфинъ разсѣкалъ бразды, чтобы волъ нырялъ въ водѣ и плавалъ, чтобы солнце убавлялось или возрастало ночью, а луна свѣтила днемъ. *Горы высокія еленемъ, камень прибѣжище зайцемъ. Сотворилъ есть луну во времена, солнце позна западъ свой* (Пс. 103, 18. 19.). Ночь, — и человѣкъ связанъ сномъ, а звѣри получили свободу, и каждый ищетъ пищи, какую далъ ему Творецъ; день, — и звѣри

собрашася, и человекъ поспѣшаетъ на дѣланіе,— такъ уступаемъ мѣсто другъ другу въ порядкѣ, по закону и уставу природы!

Присовокуплю, что еще важнѣе и ближе къ намъ: порядокъ изъ смѣшенія неразумнаго съ разумнымъ составилъ человека — животное разумное, таинственно и неизяснимо связалъ персть съ умомъ, и умъ съ духомъ. И чтобы показать еще болѣе чудесъ въ своемъ твореніи, одно и то же и сохраняетъ и разрушаетъ; одно вводитъ, другое похищаетъ, какъ въ рѣчномъ потокѣ, и смертному доставляетъ безсмертіе посредствомъ разрушенія. Порядокъ отличилъ насъ отъ безсловесныхъ, соорудилъ города, далъ законы, почтилъ добродѣтель, наказалъ порокъ, избрѣлъ искусства, сочеталъ супружества, любовь къ дѣтямъ облагородилъ жизнь и насадилъ въ человекѣ нѣчто большее низкой и плотской любви — любовь къ Богу. И нужно ли говорить подробно? Порядокъ есть мать и огражденіе существующаго, и онъ одинъ прекрасно бы могъ сказать, что провѣщало все сотворившее Слово, если бы изрекъ такъ: когда вселенная осуществлялась и устроилась Богомъ, *азъ бѣхъ при Немъ устроая, егда готовяше престолъ Свой на вѣтрѣхъ, и егда крѣпки творяше вышнія облака; егда основа землю, и тверды полагаше источники поднебесныя* (Притч. 8, 27. 28.), и *духомъ устъ Своихъ даровалъ всю силу* (Пс. 32, 6.).

Но къ чему говорилъ я обо всемъ этомъ, и къ чему давно поспѣшало мое слово? Порядокъ и въ Церквахъ распредѣлилъ, чтобы одни были пасомые, а другіе Пастыри, одни начальствовали, а другіе

были подначальными; кто составлялъ какъ-бы главу, кто — ноги, кто — руки, кто — глаза, кто — инъ изъ членовъ тѣла — для устрѣйства и пользы цѣлаго — какъ низшихъ, такъ и высшихъ. И въ тѣлахъ члены не отдѣлены другъ отъ друга, но цѣлое тѣло есть одно изъ различныхъ частей сложенное; не у всѣхъ членовъ одинъ образъ дѣйствования, хотя и всѣ одинаково имѣютъ нужду другъ въ другъ для дружнаго и взаимнаго дѣйствования. Такъ глазъ не ходитъ, но указываетъ путь; нога не смотритъ, но переступаетъ и переноситъ съ одного мѣста на другое; языкъ не пріемлетъ звуковъ, ибо это дѣло слуха; ухо не говоритъ, потому что это дѣло языка; носъ ощущаетъ запахи; *гортань же вкушаетъ брашна* (Іов. 34, 3.), говоритъ Іовъ; рука есть орудіе къ тому, чтобъ давать и принимать; а умъ вождь всего: отъ него способность ощущать, и къ нему возвращается всякое ощущеніе. Тоже и у насъ — въ общемъ тѣлѣ Христовомъ. Ибо всѣ *едино тѣло есмь о Христѣ*, а по единому Христу и *другъ другу уди* (Рим. 12, 5.). Одинъ начальствуетъ и предсѣдательствуетъ, а другой водится и управляется; оба дѣйствуютъ неодинаково, если только начальствовать и быть подначальнымъ — не одно и то же, но оба дѣлаются едино во единомъ Христѣ, составляемые и слагаемые тѣмъ же Духомъ. И опять, какое разстояніе между подчиненными, различающимися по образованію, упражненіямъ, возрасту! какая разность между начальствующими! *И дуси пророчестіи Пророкомъ повинуются* (1 Кор. 14, 32.). Не сомнѣвайся въ этомъ, потому что сіе говоритъ Павелъ. *И овыхъ убо*, сказано, *положи*

Богъ въ Церкви первѣ Апостоловъ, второе Пророковъ, третіе Пастырей и учителей (1 Кор. 12, 28.); первое для истины; второе для тѣни; третіе для соблюденія мѣры въ пользованіи и просвѣщеніи. И хотя Духъ одинъ, однакоже дарованія не равны; потому что не равны приѣмники Духа. Овому Духомъ дается слово премудрости и созерцанія; иному же слово разума или откровенія, иному твердая и несомнѣнная вѣра, другому же дѣйствія силъ и высшихъ чудесъ, иному же дарованія исцѣленій, заступленія, то-есть покровительства, правленія, то-есть обученія плоти, роди языковъ, сказанія языковъ (1 Кор. 12, 8—12. 28.), высшія и второстепенныя дарованія, по мѣрѣ вѣры. Будемъ, братія, уважать и соблюдать сей порядокъ. Пусть одинъ будетъ слухъ, другой — языкъ, иной — рука или что другое; пусть одинъ учитъ, другой учится, а другой дѣлаетъ добро собственными руками, чтобы подать требующему и нуждающемуся. Пусть одинъ начальствуетъ и получаетъ честь; а другой оправдывается своимъ служеніемъ. Учащій да учитъ благочинно; ибо пророцы два или тріе да глаголютъ, и по части, и одинъ да сказуетъ (1 Кор. 14, 27. 29.). Когда же другой получитъ откровеніе; тогда первый да уступитъ ему мѣсто. Учащійся да учится въ повиновеніи; подающій да подаетъ съ добрымъ изволеніемъ; служащій да служитъ съ усердіемъ. Не всѣ будемъ языкомъ, всегда готовымъ, не всѣ пророками, не всѣ Апостолами, не всѣ толкователями.

Говорить о Богѣ — великое дѣло; но гораздо больше — очищать себя для Бога; потому что въ

зложудожну душу не видеть премудрость (Прем. 1, 4.). Намъ повелѣно *стѣять въ правду и собирать плодъ живота*, чтобъ просвѣтитесь *свѣтомъ вѣдѣнія* (Осіи 10, 12.). И Павелъ хочетъ, чтобъ мы, по любви нашей къ Господу, были познаны отъ Господа (1 Кор. 8, 3.), а чрезъ сіе познаніе и сами научались (1 Кор. 13, 13.); и сей путь вѣдѣнія почтаетъ онъ лучшимъ, нежели надменное мнѣніе, которое кичить. Учить — дѣло великое, но учиться — дѣло безопасное. Для чего представляешь изъ себя Пастыря, когда ты овца? Для чего дѣлаешься головой, когда ты — нога? Для чего берешься предводительствовать войскомъ, когда поставленъ въ ряду воиновъ? Для чего гоняешься на морѣ за великими, но сомнительными выгодами, когда можешь безопасно воздѣлывать землю, хотя и съ меньшимъ приобрѣтеніемъ? И если ты о Христѣ мужъ (Еф. 4, 13.), чувства у тебя обучены (Евр. 5, 14.), и имѣешь ясный свѣтъ вѣдѣнія; то вѣщай Божию премудрость, *глаголемую въ совершенныхъ и въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. 2, 6. 7.), и притомъ, когда откроется случай, и будешь на сіе имѣть порученіе. Ибо что имѣешь самъ отъ себя, чего бы тебѣ не было дано, или чего бы ты не получалъ (1 Кор. 4, 7.)? — Если же ты еще младенецъ, если долу влачишься умомъ, и не имѣешь силъ взойти къ познаніямъ высшимъ; то будь Коринѣяниномъ, питайся млекою. Для чего требуешь твердой пищи, которую члены твои, по немощи, не въ состояніи еще употребить и сдѣлать питательною? — Говори, когда имѣешь нѣчто лучшее молчанія; но люби безмолвіе, гдѣ молчаніе лучше слова: ты знаешь, что по-

хвально *заповѣдать чинъ* устами (Прит. 31, 26.); объ иномъ говорить, иное только слушать, иное одобрять, а другое отвергать, но безъ огорченія.

Не знаете, братія, нашей скорби! Когда предѣдательствуемъ здѣсь съ величіемъ и даемъ сіи законы вамъ — многимъ; тогда можетъ-быть большая часть изъ насъ самихъ (что достойно слезъ) не знаемъ, какъ взвѣшивается у Бога каждая мысль, каждое слово и дѣло, даже не только у Бога, но и у весьма многихъ изъ людей. Люди — медлительные судии своихъ дѣлъ, но скорые истязатели дѣлъ чужихъ. Имъ легче извинить другихъ въ важнѣйшемъ, нежели насъ въ маловажномъ; и если въ нихъ будетъ еще невѣжество, то скорѣе обвинять насъ въ нечестіи, нежели себя въ посредственномъ незнаніи. Не знаете, какой даръ Божій — молчаніе! какъ хорошо не имѣть необходимости во всякомъ словѣ, но пользоваться свободою иное избирать, а другаго избѣгать, и быть для себя сокровищехранителемъ и слова и молчанія! Ибо всякое слово, по природѣ своей, гнило и удобоколеблемо, и по причинѣ сопротивнаго ему слова не имѣетъ свободы; а слово о Богѣ — тѣмъ паче, чѣмъ выше предметъ, чѣмъ сильнѣе ревность и тяжелѣе опасность. На что же мы, уstraшенные, на что можемъ положиться, на умъ ли, на слово ли, на слухъ ли, когда отъ всѣхъ трехъ предстоить опасность? Ибо постигать умомъ трудно, изразить словами невозможно, а найти очищенный слухъ всего труднѣе.

Богъ есть свѣтъ и свѣтъ высочайшій, такъ что всякій другій свѣтъ, сколько бы ни казался осіявающимъ, есть только малая Его струя или разсѣива-

ющійся отблескъ. Но Онъ, какъ видишь, попираетъ *мракъ нашъ*. И положи *тьму закровъ Свой* (Пс. 17, 10. 12.), поставивъ ее между Собою и нами, какъ и Моисей въ древности полагалъ покровъ между собою и слѣпотствующимъ Израилемъ, чтобъ омраченная природа не безъ труда видѣла сокровенную красоту, которую не многіе достойны видѣть, чтобъ удобно получаемое не было скоро отвергаемо по удобству пріобрѣтенія, но чтобъ одинъ свѣтъ входилъ въ общеніе со Свѣтомъ, непрестанно влекущимъ вверхъ посредствомъ стремленія къ единенію, и только очищенный умъ приближался къ Уму чистѣйшему, и чтобъ одно открывалось нынѣ, а другое въ послѣдствіи, какъ награда за добродѣтель и за обнаруженное еще здѣсь стремленіе къ сему Свѣту, то-есть за уподобленіе Ему. Ибо сказано: *видимъ нынѣ якоже зеркаломъ въ гаданіи, тогда же лицомъ къ лицу; нынѣ разумью отчасти, тогда же познаю, якоже и познавъ быхъ* (1 Кор. 13, 12.). Какое наше униженіе!

148. И какое обѣтованіе—познать Бога столько, сколько сами мы познаны! Такъ сказалъ Павелъ, великій проповѣдникъ истины, учитель язычниковъ въ Вѣрѣ, который наполнилъ обширный кругъ благовѣствованіемъ, жилъ не для кого инаго, какъ только для Христа, восходилъ до третіяго неба, былъ зрителемъ рая, и для совершенства желалъ разрѣшиться (Фил. 1, 25.). И Моисей едва видѣлъ задняя Божія изъ-за камня (что бы ни означали и задняя Божія и камень),—видѣлъ, послѣ многихъ молитвъ и даннаго ему обѣщанія; впрочемъ не въ такой мѣрѣ, въ какой желалъ видѣть; но укрывшееся отъ его взора

было больше видѣннаго, — Моисей, говорю, богъ Фараона, вождь толикаго народа и показавшій толикую силу знаменій! А ты кого напиталъ пищею съ неба? Какую воду извелъ изъ камня? Какое море раздѣлилъ жезломъ? Какой народъ провелъ по водамъ, какъ по сушѣ? Какихъ враговъ потопилъ? Кому указывалъ путь столпомъ огненнымъ и облачнымъ? Какого Амалика побѣдилъ молитвою, воздвѣніемъ рукъ — издалека таинственно преобразуемымъ крестомъ, чтобы тебѣ почитать для себя великимъ ущербомъ, если не совершенно постигаешь Бога, и ради сего все приводить въ замѣшательство и ставить вверхъ дномъ?

Поелику упомянулъ я о Моисеѣ, то изъ сего не вразумителенъ ли будетъ для тебя чинъ благодати и законъ порядка? Ежели ты Моисей; то войди внутрь облака, разглагольствуй съ Богомъ, внимай гласу, прими законъ, будь законодателемъ. А ежели ты Ааронъ; то взойди съ Моисеемъ, но стань вблизи, внѣ облака. Но ежели ты какой-нибудь Иеамаръ или Елеазаръ — третій по Моисеѣ, или одинъ изъ старѣйшинъ и семидесяти; то стань издалека, и довольствуйся третьимъ мѣстомъ. Ежели ты одинъ изъ народа и изъ простолюдиновъ; то тебя не допуститъ къ себѣ гора; даже и звѣрь, ежели къ ней прикоснется, будетъ побить камнями. Тогда оставайся внизу и внимай одному гласу, и то соблюдишь отъ оскверненія и очистившись, какъ повелѣно. И чтобы тебѣ многими путями дойти до познанія, спрошу: кто изъ іереевъ совершилъ *руцъ* (Исх. 29, 9)? Моисей. Кто первый былъ изъ посвященныхъ? Ааронъ. И еще прежде сего: кто былъ

въ тѣхъ, яже къ Богу (Исх. 4, 16.)? И кто служилъ вмѣсто гласа народу? Кто входилъ во Святая Святыхъ, кромѣ одного? Да и онъ всегда ли? Нѣтъ, но однажды въ годъ и въ опредѣленное время. Носилъ ли кто Скинию, кромѣ Левитовъ? И они носили не такъ ли, какъ было установлено: одни — важнѣйшія ея части, другіе — менѣе важныя, смотря по достоинству носящихъ? И поелику нужно было охранять ее, кто именно охранялъ и какимъ образомъ? Одни ту сторону, другіе — другую, и ни что не оставалось неопредѣленнымъ и неприведеннымъ въ порядокъ, даже касательно малѣйшихъ частей. А у насъ, если пріобрѣли хотя малую славу, часто же и той не имѣя, если, какъ ни попало, заучили два или три реченія изъ Писанія, и то не въ связи и безъ должнаго разумнія (такова наша скороспѣлая мудрость, этотъ Халанскій столпъ, благовременно раздѣлившій языки!), надобно уже высокоумствовать противъ Моисея, и дѣлаться Даѳаномъ и Авирономъ — ругателями и безбожниками! Будемъ лучше убѣгать ихъ наглости, и не станемъ подражать ихъ высокоумію, чтобы не имѣть одного съ ними конца!

Хочешь ли, представлю тебѣ другой порядокъ, порядокъ похвальный, порядокъ достойный, чтобы напомнать о немъ и посоветовать его въ настоящее время? Примѣчаешь ли, что изъ Христовыхъ учениковъ, которые всѣ были высоки и достойны избранія, одинъ именуется камнемъ, и ему повѣряются основанія Церкви, другой больше другихъ любимъ, и возлежитъ на персяхъ Иисуса, прочіе же не оскорбляются такимъ предпочтеніемъ? Когда

Иисусу надлежало взойти на гору, чтобы въ просвѣтленномъ лицѣ открыть Божество и обнаружить сокровенное въ плоти; кто съ Нимъ восходитъ? Ибо не всѣ были зрителями сего чуда, но Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, которые и считались и были выше другихъ. Кто былъ съ Иисусомъ, когда Онъ находился въ бореніи, уединялся незадолго предъ страданіемъ и молился? Опять они же. Но въ семъ видно предпочтеніе Христово; во всемъ же прочемъ видны благочиніе и порядокъ; изъ чего же? Объ одномъ спрашиваетъ Петръ, о другомъ Филиппъ, объ иномъ Іуда, объ иномъ Тома, объ иномъ другой кто, и не всѣ о томъ же, и не одинъ обо всемъ, но каждый о чемъ-нибудь и въ свою очередь. Можетъ-быть скажешь: каждый о томъ, что ему было нужно. Но какъ покажется тебѣ слѣдующее? Филиппъ хочетъ сказать нѣчто, и одинъ не смѣетъ, но приглашаетъ и Андрея. Петру нужно сдѣлать одинъ вопросъ; онъ знакомъ предлагаетъ о семъ Іоанну. Гдѣ здѣсь необщительность, гдѣ любоначаліе? Да и въ чемъ иномъ показали бы они себя дѣйствительными учениками Христа, кроткаго и смиреннаго сердцемъ, содѣлавшагося рабомъ за насъ — рабовъ Его и во всемъ воздающаго всякую славу Отцу, чтобы дать намъ образецъ порядка и скромности, которую мы до того не уважаемъ, что я желалъ бы, по крайней мѣрѣ, не сдѣлаться дерзостіе всѣхъ людей, послѣ того какъ мы столько оказываемъ скромности въ предметахъ и обстоятельствахъ самыхъ важныхъ? Развѣ не знаешь, что смиреніе не столько познается въ мелочахъ (ибо тогда можетъ оно быть только на показъ и имѣть ложный видъ

добродѣтели), сколько испытывается въ дѣлахъ важныхъ? По мнѣ, смиренномудръ не тотъ, кто о себѣ говоритъ мало, при немногихъ и рѣдко, и не тотъ, кто униженно обращается съ низшимъ себя; но тотъ, кто скромно говоритъ о Богѣ, кто знаетъ что сказать, о чемъ помолчать, въ чемъ признать свое невѣдѣніе; кто уступаетъ слово имѣющему власть говорить, и соглашается, что есть люди, которые его духовнѣе и болѣе преуспѣли въ умозрѣніи. Стыдно одежду и пищу выбирать не дорогую, а дешевую, доказывать смиреніе и сознаніе собственной немощи мозолями на колѣняхъ, потоками слезъ, также постничествомъ, бдѣніемъ, возлежаніемъ на голой землѣ, трудомъ и всякими знаками униженія, но касательно ученія о Богѣ быть самовластнымъ и самоуправнымъ, ни въ чемъ никому не уступать, подымать бровь предъ всякимъ законодателемъ, тогда какъ здѣсь смиреніе не только похвально, но и безопасно.

«И такъ, неужели молчать о Богѣ»? возразить кто-нибудь изъ людей горячихъ. «И ты намъ сіе приказываешь? О чемъ же и говорить, если не объ этомъ? Къ чему сказано: *выну хвала Его во устъхъ моихъ*, и: *благословлю Господа на всякое время* (Пс. 33, 1.); *истинъ поучитъся гортань мой* (Притч. 8, 7.); *се устнамъ моимъ не возбраню* (Пс. 39, 12.)?» Онъ приведетъ и другія подобныя, тоже выражающія, и опредѣленныя изреченія. Такому человеку надобно отвѣчать съ кротостію и безъ жесткихъ словъ, чтобы и тѣмъ самымъ научить благочинію. Не молчать приказываю тебѣ, мудрыйшій, а не стоять упорно за свое; не истину скры-

вать, а учить, сверхъ закона. И первый изъ хвалителей мудрости, первый изъ упражняющихся, или, по крайней мѣрѣ, желающихъ упражняться въ Божіемъ словѣ. Я никогда не предпочту сему занятію чего-либо другаго, дабы сама Мудрость не назвала меня жалкимъ, какъ уничтожителя мудрости и образованія. Впрочемъ я убѣгаю излишества, не даю мѣста неумѣренности; согласенъ лучше быть менѣе должнаго дѣятельнымъ, нежели пытливымъ; если не лѣзя избѣгать того и другаго и сохранить умѣренность, согласенъ лучше быть робкимъ сверхъ надлежащаго, нежели дерзкимъ. — А твой поступокъ почти таковъ же, какъ если бы сталъ меня винить, что совершенно запрещаю тебѣ употребленіе пищи, когда не позволяю быть неумѣреннымъ въ пищѣ, или хвалю слѣпоту, когда совѣтую смотрѣть цѣломудренно. *Аще есть въ тебѣ слово разума, сказано, отвѣщай* (Сирах. 5, 14.), никто не воспрепятствуетъ; *аще же ни*, наложи узы на уста твои. Тѣмъ болѣе прилично сіе готовымъ учить. Если время тебѣ учить, учи; а если нѣтъ, то, связавъ языкъ, разрѣши слухъ. Поучайся въ Божественномъ, но не выходи изъ предѣловъ; говори о духовномъ, и если можно, о семъ одномъ, говори чаще, нежели переводишь дыханіе (хорошо и богоугодно припоминаніемъ Божественнаго возбуждаться къ Богу), но размышляя о томъ, что тебѣ заповѣдано, не любопытствуй объ естествѣ Отца, объ осуществленіи Единороднаго Сына, о славѣ и силѣ Духа, объ Единомъ въ Трехъ Божествѣ, объ единой свѣтлости, о нераздѣльномъ естествѣ и исповѣданіи, о нераздѣльной славѣ и надеждѣ вѣрующихъ. Держись ре-

ченій, которыя приняты тобою съ воспитаніемъ; а слово предоставь мудрѣйшимъ. Довольно, чтобъ въ тебѣ было основаніе; а надстроиваетъ пусть художникъ. Довольно съ тебя — подкрѣпить сердце хлѣбомъ; а другія снѣди уступи богатымъ. Никто изъ здравомыслящихъ не осудитъ тебя, питающагося недорогими яствами; но осудитъ, если, пока можешь, не предложишь хлѣба и не напоишь водой ученика Христова, или кого другаго. Не будь скоръ въ словесяхъ (Притч. 29, 20.), повелѣваетъ тебѣ мудрость. *Не распостирайся убогъ сый съ богатымъ* (Притч. 23, 4.), не усиливайся быть мудрѣе мудраго. И то мудрость, чтобы знать самого себя, но не превозноситься, и не подвергнуться тому же, что бываетъ съ голосомъ, который совершенно теряется, если чрезмѣрно напряженъ. *Лучше, будучи мудрымъ, уступать по скромности, нежели, будучи невѣждою, надуваться по дерзости.* Скорость твоя да простирается только до исповѣданія Вѣры, если сіе потребуется отъ тебя; а въ томъ, что дѣлаетъ сего, будь медленъ, ибо тамъ медленность, а здѣсь поспѣшность сопряжены съ опасностію. Какая бѣда тебѣ, если ты не во всякомъ собесѣдованіи удержишь за собою верхъ, и не при всякомъ предложеніи или вопросѣ будешь имѣть первенство, напротивъ того другіе окажутся болѣе тебя мудрыми или смѣлыми? Благодареніе Богу, что даетъ и превосходные дары, и умѣетъ спасать общими средствами!

Такое чудо усматривается не въ-разсужденіи одного ученія; но и въ-разсужденіи самаго творенія, если ты размышлялъ о семъ. И въ ряду тва-

рей первыя принадлежатъ не мѣкоторымъ, но всѣмъ; даръ одной твари есть даръ общій. И въ Вѣрѣ, средства спасенія принадлежатъ не сильнѣйшимъ, а желающимъ. Чтò превосходитѣ воздуха, огня, воды, земли, дождей, садовыхъ и лѣсныхъ плодовъ, крова, одежды? Но ими всѣ пользуются, инымъ совершенно, а другимъ въ извѣстной мѣрѣ; и нѣтъ тако-го притѣснителя, который бы одинъ захотѣлъ наслаждаться общимъ даромъ. Богъ для всѣхъ равно сіяетъ солнце, дождитъ для богатыхъ и бѣдныхъ; для всѣхъ смѣняются ночь и день; общій даръ — здоровье; у всѣхъ общіе — предѣлы жизни, мѣра и красота тѣла, способность чувствъ. Даже бѣдный имѣетъ можетъ-быть больше; потому что больше благодаритъ за сіи дары и съ большимъ удовольствіемъ наслаждается общими благами, нежели сильныя земли — благами избыточествующими. Итакъ исчисленные дары общи и равночестны, и служатъ доказательствомъ Божіей правды. А золото, блестящіе и дорогіе камни, мягкая изысканная одежда, разгорячающія и раздражающія снѣды, излишество имѣнія — пріобрѣтаются съ трудомъ и составляютъ преимущество не многихъ. Тоже усматриваю и въ отношеніи къ Вѣрѣ. Всѣмъ общи: Законъ, Пророки, Завѣты, словеса Завѣтовъ, благодать, дѣтвованіе, совершенство, страданія Христовы, новая тварь, Апостолы, Евангелія, раздаяніе Духа, вѣра, надежда, любовь какъ къ Богу такъ и Божія. И дары сіи, не какъ древле даръ манны неблагодарному и непризнательному Израилю, даются не въ мѣру, но каждому, сколько хочетъ. Таковы же: восхожденіе, озареніе, малое еще здѣсь, а яснѣйшее

въ чаемой будущности; таково и то, что всего важнѣе, познаніе Отца и Сына и Святаго Духа и исповѣданіе первой нашей надежды. Что сего выше и что болѣе обще? За симъ же слѣдующее, хотя выше цѣнится по рѣдкости, но касательно необходимости, занимаетъ второе мѣсто. Ибо безъ чего не лзя быть Христіаниномъ, то полезнѣе доступнаго не многимъ.

Иной богатъ даромъ созерцанія, стоитъ выше многихъ, *духовная сразсуждаетъ духовными* (1 Кор. 2, 13.), *написываетъ трижды на широтъ сердца своего* (Притч. 22, 21.) слово назидающее всѣхъ, и слово назидающее многихъ, и слово назидающее нѣкоторыхъ вмѣсто многихъ или всѣхъ; онъ не терпитъ убожества и проникаетъ во глубину. Таковъ пусть восходитъ и путеводится и возносится умомъ, даже, если хочетъ, до третьяго неба, подобно Павлу, но только съ разумомъ и вѣдѣніемъ, чтобы не пасть отъ превозношенія и не растопить крыльевъ отъ высоты полета. Кто позавидуетъ похвальному восхожденію? Но и какое паденіе сравнится съ паденіемъ челоѣка, который уязвленъ превозношеніемъ, и не знаетъ низости челоѣческаго возвышенія, не знаетъ того, какъ далекъ отъ истинной высоты даже и тотъ, кто много возвысился надъ всѣми?

Другій скуденъ умомъ и бѣденъ въ языкѣ, не знаетъ оборотовъ рѣчи, изреченій и загадокъ мудрецовъ, Пирроновыхъ способовъ настоять, задержать, противополжить, Хризипповыхъ приемовъ рѣшать силлогизмы, злохудожности Аристотелевыхъ ухищреній, обаяній Платонова красноглаголь-

ства, что все, подобно Египетскимъ язвамъ, ко вреду вкралось въ нашу Церковь; но и такой имѣть средства спастися. Съ помощію какихъ же реченій? Подлинно, ничего нѣтъ богатѣе Благодати! Не нужно тебѣ, говоритъ Писаніе, восходить на небо, чтобы совлечь оттуда Христа, ни сходить въ бездну, чтобы возвести Его оттуда изъ мертвыхъ, любопытствуя или о первомъ естествѣ, или о послѣднемъ домостроительствѣ. *Близъ ти*, сказано, *глаголь есть* (Рим. 10, 6—8). Сіе сокровище имѣютъ умъ и языкъ; первый, если вѣруетъ, послѣдній, если исповѣдуетъ. Что удобоносимѣ сего богатства? какой даръ легче пріобрѣсть? Исповѣдуй Иисуса Христа, и вѣруй, что Онъ воскрешенъ изъ мертвыхъ; и ты спасешся. Ибо оправданіе — и вѣровать только, совершенное же спасеніе — исповѣдывать, и къ познанію присовокуплять дерзновеніе. Чего же большаго ищешь ты, кромѣ спасенія? Будущей славы и святости. Для меня весьма важно спастися и избавитися тамошнихъ мученій. Ты идешь путемъ непробитымъ и недоступнымъ, а я — путемъ протоптаннымъ, и который спасъ многихъ. Не было бы, братія, ничего несправедливѣе нашей Вѣры, если бы она была удѣломъ однихъ мудрыхъ и избыточествующихъ въ словѣ и въ умственныхъ доводахъ, а простому народу надлежало бы такъ же оставаться безъ пріобрѣтенія вѣры, какъ безъ золота, безъ серебра, и безъ всего инаго, что дорого цѣнится на землѣ, и чего многіе сильно домогаются, и если бы только высокое и не многихъ достигающее было любезно Богу и Имъ пріемлемо, а близкое и доступное многимъ — презираемо и

отвергаемо Богомъ. И изъ людей умѣреннѣйшіе не потерпѣли бы не искать почестей, которыя имъ по силамъ, восхищаться же только почестями высшими; тѣмъ наче не потерпитъ сего Богъ, въ Которомъ, ежели многое досточудно, то досточуднѣе прачаго то, что Ему всего свойственнѣе благодарить всѣмъ. Не презирай обыкновеннаго, не гоняйся за новымъ, чтобы отличиться передъ большимъ числомъ людей.

Лучше частица малая, при безопасности, нежели большая, но не надежная. Да научить тебя своимъ совѣтомъ Соломонъ (Притч. 15, 76.)! И лучше есть убогъ, ходяй по простотѣ своей (Притч. 19, 1.),— вотъ еще одна изъ мудрыхъ притчей! Скудный въ словѣ и знаніи, опирающійся на простыхъ реченіяхъ и спасающійся на нихъ, какъ на малой ладѣ, выше борзаго на языкъ глупца, который съ невѣжествомъ довѣряетъ доводу ума, а крестъ Христовъ, который выше всякаго слова, упраздняетъ силою въ словѣ, гдѣ слабость доказательства служить умаленіемъ истины.

Для чего летишь къ небу, когда назначенъ ходить по землѣ? Для чего начинаешь строить столпъ, не имѣя, чѣмъ его довершить? Для чего мѣряешь горстію воду, небо пядію, и всю землю горстію (Иса. 40, 12.),— мѣряешь великія стихіи, измѣрима для одного только Творца? Прежде всего познай самъ себя, разсмотри что въ рукахъ. Кто ты? Какъ ты сотворенъ и составленъ такъ, что вмѣстѣ и образъ ты Божій и сопряженъ съ худшимъ? Что привело тебя въ движеніе? Какая открывается на тебѣ мудрость? Какая тайна естества? Какъ ты описанъ мѣстомъ, а умъ не отдѣляется, но, пре-

бывая въ томъ же мѣстѣ, все обходитъ? какъ глазъ малъ, и достигаетъ до самыхъ дальнихъ разстояній? Или лучше сказать: зрѣніе есть ли пріемникъ видимаго или поступленіе къ видимому? Какъ одно и то же и движеть и движется, будучи управляемо волею? И гдѣ прекращеніе движенія? Какое раздѣленіе чувствъ, и какъ чрезъ нихъ умъ бесѣдуетъ со внѣшнимъ, и принимаетъ въ себя внѣшнее? Какъ воспріимлетъ онъ образы вещей? Чтò такое сохраненіе воспринятаго — память, чтò такое возобновленіе утратившагося — припоминаніе? Какъ слово есть порожденіе ума, и раждаетъ слово въ умѣ другаго? Какъ словомъ передается мысль? Какъ, посредствомъ души, питается тѣло, и какъ душа чрезъ тѣло принимаетъ участіе въ страстяхъ? Какъ сковываетъ ее страхъ, развизываетъ отважность, стѣсняетъ печаль, расширяетъ удовольствіе, снѣдаетъ зависть, надмевааетъ гордость, облегчаетъ надежда? Какъ гнѣвъ приводитъ въ ярость, и стыдъ въ краску, первый заставляя кровь кипѣть, а другой — отливаться? Какъ признаки страстей отпечатлѣваются въ тѣлѣ? Какое преимущество разума? Какъ онъ управляетъ страстями, и укрощаетъ ихъ движенія? Какъ безплотное удерживается кровію и дыханіемъ? Почему при оскудѣніи послѣднихъ отходитъ душа?

Сіе-то, или что-нибудь изъ сего, старайся познать, человекъ (не говорю еще о природѣ, о движеніи неба, о чинѣ звѣздъ, о смѣшеніи стихій, о различіи животныхъ, о высшихъ и низшихъ степеняхъ небесныхъ Силъ, о всемъ томъ, чему удѣлено зиждательное слово, о законахъ промышленія и

управленія); но и тогда не скажу: будь смѣлъ; напротивъ того страшись касаться предметовъ высшихъ, превосходящихъ твои силы. Особенно же всякое спорное и честолюбивое слово обращается въ навѣкъ къ состязаніямъ о важнѣйшихъ предметахъ. И, какъ въ дѣтяхъ напечатлѣваешь первыя правила нравственности для того, чтобы они въ послѣдствіи убѣгали пороковъ: такъ и въ отношеніи къ слову, не должно оказывать дерзости и необузданности даже въ сужденіяхъ о вещахъ мало-важныхъ, чтобы не пріучиться къ такому злоупотребленію въ сужденіяхъ о важнѣйшемъ. Ибо легче — не поддаться пороку въ-началѣ и избѣжать его, когда онъ только къ намъ близокъ, нежели пресѣчь и стать выше его, когда онъ уже сдѣлалъ въ насъ успѣхи; какъ и камень легче подпереть и удержать въ-началѣ, нежели поднять вверхъ, во время его паденія. Но если ты не насытилъ и не можешь остановить болѣзни; то не теряй изъ вида, и помни слѣдующее правило: пусть истощается твое честолюбіе на изслѣдованіе предметовъ безопасныхъ.

Если же и на то не согласенъ, и языкъ твой не терпитъ узды, ты не можешь преодолѣть стремленія, но тебѣ непременно надобно высокоумствовать, не уступать первымъ Силамъ (если только и для нихъ нѣтъ мѣры познанія), и стать выше, нежели сколько полезно; то не осуждай брата, и робости не называй нечестіемъ. Ты, давшій обѣтъ кротости, не уходи отъ него стремительно, или осудивъ его, или отчаявшись въ немъ; но здѣсь покажи себя, пока можно, смиреннымъ. Здѣсь — предпочти брата безъ вреда для себя, здѣсь — гдѣ осудить и унижить

значить отлучить отъ Христа и отъ единой надежды, значить необнаружившуюся пшеницу, которая можетъ-быть сдѣлается честиѣ тебя, исторгнуть вмѣстѣ съ плевелами. Напротивъ того, частію исправь его и притомъ кротко и челоѡколюбиво, не какъ врагъ или немилосердый врачъ, который только и знаетъ одно средство — прижигать и рѣзать; частію же познай самого себя и собственную немощь. Чтò жъ, если, имѣя въ глазахъ загноеніе или другую какую болѣзнь, не ясно видишь солнце? Чтò жъ, если тебѣ кажется все кружащимся, потому что у тебя тошнота или, можетъ-быть, ты пьянъ, между тѣмъ свое незнаніе приписываешь ты другимъ? Гораздо надобно подумать и многое перепытать, прежде нежели осудишь другаго въ злочестіи. Не одно и то же — срѣзать растеніе, или какой кратковременный цвѣтокъ, и челоѡка. Ты — образъ Божій, и бесѣдуешь съ Божиимъ образомъ. Ты — судящій другаго, самъ будешь судимъ; ты судишь чуждаго раба, которымъ править другой. *Смотри на своего брата, какъ будто-бы ты самъ былъ судимъ вмѣстѣ съ нимъ. Посему не скоро отсѣкай и бросай членъ, пока неизвѣстно, не сдѣлаетъ ли сіе вреда и здоровымъ членамъ. Подай совѣтъ, запрети, умоли (2 Тим. 4, 2).* У тебя есть правило врачеванія, ты ученикъ Христа, кроткаго, челоѡколюбиваго и понесшаго наши немощи. Если братъ въ первый разъ воспротивился, потерпи великодушно; если во второй, не теряй надежды, — еще есть время къ уврачеванію; если и въ третій разъ, то будь челоѡколюбивымъ земледѣвателемъ, еще упроси господина не посякать и не подвергать

своему гнѣву бесплодную и бесполезную смоковницу, но позаботиться о ней и *осыпать ее зноемъ* (Лук. 13, 8.), то-есть доставить ей врачеваніе исповѣди, обнаруженія постыдныхъ дѣлъ и опозоренной жизни. Кто знаетъ, перемѣнится ли она, принесетъ ли плоды и напитаетъ ли Иисуса, возвращающагося изъ Вифаніи? Потерпи дѣйствительное, или кажущееся тебѣ, зловоніе брата своего—ты, который помазанъ духовнымъ муромъ, составленнымъ по муроварному художеству, чтобы сообщить брату свое благоуханіе. Грѣхъ—не такой ядъ ехидны, отъ котораго тотчасъ по уязвленіи постигаетъ мучительная боль, или самая смерть, такъ что тебѣ было бы извинительно бѣжать отъ звѣря, или убить его. Напротивъ того, если можешь, уврачуй брата; а если нѣтъ, по крайней мѣрѣ самъ не подвергнешься опасности сколько-нибудь участвовать съ нимъ въ его порочности. Болѣзнь брата есть какой-то непріятный смрадь, и его можетъ-быть прогнать превосмогающее твое благоволеніе. И тебѣ можно бы охотно рѣшиться за своего сораба и сродника на нѣчто подобное тому, что Павелъ ревнитель осмѣлился помыслить и сказать, сострадая объ Израильтянахъ, то-есть чтобы вмѣсто него, если возможно, приведенъ былъ ко Христу Израиль, — и тебѣ, говорю, который часто, по одному подозрѣнію, отлучаешь отъ себя брата; и кого, можетъ-быть, приобрѣлъ бы благосклонностію, того губишь своею дерзостію, губишь свой членъ, за который умеръ Христосъ. И такъ хотя ты и крѣпокъ, говоритъ Павелъ, разсуждая о брашнахъ, и благонадеженъ въ словѣ и мужествѣ вѣры, однакожь назидай брата и *не брашномъ твоимъ*

погубляй (Рим. 14, 15.) того, кто почтенъ отъ Христа общимъ страданіемъ. Ибо хотя здѣсь и о другомъ дѣло, однако же одинаково полезно слово увѣщанія.—

Какъ въ древности у мудрыхъ Евреевъ не позволялось молодымъ людямъ читать нѣкоторыя Священные книги, потому что онѣ не принесли бы пользы душамъ еще не твердымъ и нѣжнымъ: такъ и у насъ надлежало бы не всякому и не всегда, а только въ извѣстное время и извѣстнымъ лицамъ, дозволялось учить о Вѣрѣ, именно тѣмъ, которые не вовсе нерадивы и медлительны умомъ, и не слишкомъ ненасытимы, честолюбивы и болѣе надлежащаго горячи въ дѣлѣ благочестія. Такимъ людямъ слѣдовало бы давать порученія, исправляя которыхъ, они не могли бы вредить ни себѣ, ни другимъ; а право учить предоставить умѣреннымъ въ словѣ, какъ истинно благоустроеннымъ и цѣломудреннымъ; простолюдиновъ же отводить отъ сего пути, и отъ усилившагося нынѣ недуга — говорливости, обращать же ихъ къ другому безопаснѣйшему роду добродѣтели, гдѣ и нерадѣніе менѣе вредно, и неумѣренность не противна благочестію. Ибо если бы, какъ *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ* (Еф. 4, 5. 6.), такъ одинъ былъ путь къ спасенію — путь слова и умозрѣнія, и кто совратился бы съ него, тотъ необходимо во всемъ сталъ бы погрѣшать и совершенно отторгаться отъ Бога и будущей надежды: то всего было бы опаснѣе, и подавать такіе совѣты, и слушаться ихъ. Но если какъ въ человѣческомъ быту много разности между

родами и правилами жизни, изъ которыхъ одни выше, другіе ниже, одни знатнѣе, другіе менѣе славны, такъ и въ жизни Божественной — не одно средство спасенія, и не одинъ путь къ добродѣтели, но многіе; да и тому, что у Бога обителей много — изреченіе повторяемое всѣми и на языкѣ всѣхъ живущихъ, не другая какая причина, но множество путей, ведущихъ въ сіи обители, и путей то болѣе опасныхъ и свѣтлыхъ, то смиренныхъ и безопасныхъ: почему же мы, оставивъ пути безопаснѣйшіе, обращаемся на сей одинъ путь, столько небезопасный и скользкій, притомъ ведущій неизвѣстно куда? Или хотя и не всѣмъ прилична одна пища, но каждому нужна своя, по различію возраста и привычекъ; однако же жизнь одна и таже, слово одно и тоже всѣмъ полезны? Я и самъ не сталъ бы утверждать сего, и не согласился бы съ тѣми, которые сіе утверждаютъ.

Итакъ, если хотите принять совѣтъ мой, юноши и старцы, начальники народные и подчиненные, монахи и спасающіеся въ общежитіи, откажитесь отъ чрезмѣрнаго и бесполезнаго честолюбія; приближаясь же къ Богу жизнію, дѣлами и ученіемъ болѣе безопаснымъ, приуготовляйтесь къ тамошней истинѣ и созерцанію о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНИЯ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

	Стран.
СЛОВО 27, противъ Евноміанъ и о Богословіи первое или предварительное.	5
СЛОВО 28, о Богословіи второе.	16
СЛОВО 29, о Богословіи третье, о Богѣ Сынѣ первое.	52
СЛОВО 30, о Богословіи четвертое, о Богѣ Сынѣ второе.	78
СЛОВО 31, о Богословіи пятое, о Святомъ Духѣ.	103
СЛОВО 32, о соблюденіи добраго порядка въ собесѣдованіи, и о томъ, что не всякой чловѣкъ и не во всякое время можетъ разсуждать о Богѣ.	134
СЛОВО 33, противъ Аріанъ и о самомъ себѣ.	165
СЛОВО 34, къ пришедшимъ изъ Египта.	183
СЛОВО 35, на память Мучениковъ и противъ Аріанъ.	195
СЛОВО 36, о себѣ самомъ и къ говорившимъ, что Св. Григорій желаетъ Константинопольскаго престола.	200
СЛОВО 37, на Евангельскія слова: <i>егда сконча Исусъ словеса сія</i> , и проч.	213
СЛОВО 38, на Богоявленіе или на Рождество Спасителя.	234
СЛОВО 39, на Святыя Свѣты явленій Господнихъ.	252
СЛОВО 40, на Святое Крещеніе.	272

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Строк.	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
8	2	племень	писмень
—	3	племенами	писменами
159	18	не насытилъ	ненасытнмъ
162	9	надлежало бы не всякому	надлежало бы постано- вить закономъ, чтобы не всякому
198	15	полпы	толпы
290	13	побирать	избирать

